

Взгляд и Нечто

Взгляд и Нечто

Сергей Земцов

Copyright © 2013 by Сергей Земцов.

Library of Congress Control Number:		2012923738
ISBN:	Hardcover	978-1-4797-6851-6
	Softcover	978-1-4797-6850-9
	Ebook	978-1-4797-6852-3

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the copyright owner.

This book was printed in the United States of America.

To order additional copies of this book, contact:

Xlibris Corporation

1-888-795-4274

www.Xlibris.com

Orders@Xlibris.com

126005

СОДЕРЖАНИЕ

Timothy Leary. «Neuropolitics. The Sociobiology of Human Metamorphosis».....	13
Timothy Leary. «Design for Dying».....	23
Timothy Leary. «Politics of Ekstasy».....	31
Lee Siegel. «Against The Machine». Рецензия	45
Фармагеддон.....	49
Бенедикт Сарнов «Маленькая энциклопедия реального социализма» Рецензия	66
Джеймс Кугель «Как быть евреем» Рецензия	73
Заметки про Израиль	80
Новокузнецк	86
Концерт или Митинг?	97
Бытие и Ненависть.....	106
Огненные Революции и Навоз.....	114
Ванкувер	122
Наше Последнее «Ура».....	136
Мосты Мартина Хайдеггера	149
Сказки Царёвокошайска. Нелюди	162
Сказки Царёвокошайска. Керосин.....	166

ANNOTATIONS

Это проза не ироническая. И я пишу не рецензию, а свою реакцию, мгновенную, потому, может, и не полную. Очень динамичный текст, по накалу подобный детективу. Вовлекает, и чувствуешь правду отражаемого. Автор фиксирует героев, лишённых детской непосредственности, с тонкими ощущениями, переливающимися лишь в грубость. Отсюда и ощущение ирреальности происходящего. Даже простое дело – питье пива – и то намекает на что-то. Детская непосредственность ушла, а дети остались. Вот отчего – и эти игры в, якобы, любовь, при которой детьми когда-то воспринялась лишь формальная пошлость, без понимания сути. И это цепляние героев за спасительные слова, которые они незрелыми умами восприняли как что-то спасительное и человеческое. И это взывание к магическим словам – я тебя люблю, воля... Какая-то жуть охватывает, когда понимаешь, что они подобны механическим игрушкам с механическими представлениями о жизни. При понимании того, что они в отчаянии превращают данную им энергию для игры как познания законов Природы, Замысла и законов взаимоотношений людей в игру – развлечение и сброс ненужной им энергии, подобно мартышке с очками. Это о них говорил Иисус: «Пусть мёртвые хоронят мёртвых». И жуткий интерес к героям, наверное, подобен интересу сегодняшних японцев, которые чрезвычайно серьёзно относятся к роботизированным игрушкам с обратной связью. Когда механическая воля покупателей в полной мере проявляется на безропотных роботиках. К этому сегодня приходит мёртвый герой нашей жизни. И это, вероятно, только начало зла, когда мы теряем спутников и соратников и получим нелюдей... Жуть очерка заключается в том, что это не ирония и не сказка.

Солнца Г.И. На «Сказки Царёвокошайска. Нелюди».

Увы, Серёжа, поле битвы заполняют мародёры... Оно, конечно, принадлежит победителям, а не им, да им и не надо: они не собираются ни за что отвечать, им бы поживиться... Те, кто действительно хотел китайского варианта, были убиты или выведены за скобки в 1991-93 годах. А лицемеры, вроде Сарнова, давно уже сидели в данайском коне, только вопреки античному мифу – внутри крепости, откуда и выбрались навстречу победителям – западным либералам, которых теперь тошнит от таких «союзников». Зачем полагаются на уже единожды солгавших? Да что Сарнов? Вон, Никита Михалков батушкиных костей не жалеет, яростней Шаламова гвоздит сталинизм. А Ципко, а Нечаев и т.д.? В том-то и беда, что мародёры оттёрли от власти даже истинно пострадавших, не говоря уже о тех, кого советская власть действительно вывела из-за черты оседлости и дала лучшее будущее. Вот они не стали бы топтаться на груди предков, а поднялись бы на их плечах – хотя бы для того, чтобы жертвы не были напрасны! Это Андрей Битов ещё в 1989 году отметил: либо наследуешь герою сопротивления сталинизму, либо невинной жертве, и в первом случае отвечаешь за базар и встаёшь на плечи предка, а во втором ни за что не отвечаешь и просто хапаешь, что плохо лежит. И разве не ясно, что именно лицемерам нужен весь народ перевести во вторую категорию, вот и стараются неумолимо... И ещё: может, помнишь, как во время «Норд-Оста» Нечаев и Розовский на Красной площади требовали вывести войска из Чечни ради спасения своих детей, попавших в заложники? Но себя самих взамен предложить даже в голову не пришло, не то чтобы признать, что как сын секретаря ЦК и освобождённый от оседлости еврей бездумно способствовали кавказскому экстремизму! Их-то террористы приняли бы гораздо теплее, чем Кобзона и Рошалья, которым каяться не в чем, но за чужих детей пошли!

Семигор. На «Бенедикт Сарнов. Маленькая энциклопедия реального социализма. Рецензия».

Сознаюсь честно, что для меня, чистого технаря по образованию, писать рецензии на статьи, где упоминается, например, имя известного философа, – достаточно сложно. Действительно, что я могу в этом случае сказать такого занимательного и интересного многим? В лучшем случае – доходчиво пояснить читателю, что

мне «понравилось – не понравилось», а в худшем – достаточно откровенно продемонстрировать своё незнание предмета.

Несмотря на это, желание написать рецензию на «Мосты Мартина Хайдеггера» Сергея Земцова у меня появилось. Причём возникло оно сразу же после прочтения первой строчки у автора: «Что есть истина? С течением времени теряешь веру...» Появилось такое желание написать рецензию, наверное, потому, что в этом я не могу с ним не согласиться. Действительно, возможно, что с течением лет «веру теряешь», поиск истины – затянулся на многие годы, а жить-то нужно. Причём, как говорят в таких случаях, жить здесь и сейчас, поскольку понятно, что ни другое время, ни другое пространство для тебя – уже не предусмотрены. Тогда и возникает порой этот мучающий душу вопрос. Причём, скорее всего, вовсе не в тривиальной его постановке: правильно или неправильно ты живёшь? Наверное, в большей степени интересует: как с этой проблемой справились другие?

Наверняка, кто-то в поисках ответа на этот вопрос обращается к трудам философов, историков, мемуарам известных политиков. Можно ли в них найти нужный кому-то ответ? Наверное, можно. Впрочем, может быть, кому-то это и не удастся? Но и польза от такого чтения в этом случае несомненна. Человек читающий, наверное, скорее понимает, что он в этом мире не одинок. В том смысле, что он не одинок в своих поисках как своей, так и вечной истины? Возможно, что постижение этого не самое главное? Важнее, на мой взгляд, последующее осознание факта: «философия жизни» и «чистая философия», наверное, – понятия в чём-то разные.

Резюме: в тексте Сергея Земцова, как мне кажется, аргументация вполне самостоятельная и, наверное, в каком-то смысле – она нестандартная. Это мне в его тексте и понравилось больше всего.

Наталья Фёдорова. На «Мосты Мартина Хайдеггера».

ACKNOWLEDGEMENTS

To my grandmother, parents, brother, son, grandson, wife and friends.

Special thanks to Milada Kondratieva, Sydney, Australia, who inspired me to prepare this book as a 2nd revised version of «Essays and Observations» and acted as an editor with full strength and great patience of a professional philologist. Special thanks to Lev Altmark, Beer Sheva, Israel, who unexpectedly noticed my publications since 1999 and expressed some positive thoughts regarding its marketing.

Sergey Zemtsov, Toronto, Ontario, Canada

КРИТИКА ЭЛИТЫ АВАНГАРДА

Timothy Leary. «Neuropolitics. The Sociobiology of Human Metamorphosis».

Рецензия

Религия без церкви

Тим Лири – свидетель 60-х. Так или иначе, его книги, интервью, его жизнь интересны для определённого круга читателей, для поколения, которое пережило «те времена» и для всех тех, кто умеет из истории извлекать нечто значимое для «вечности». Что-то более значимое, что-то менее значимое, но вряд ли исчезает бесследно message сотен тысяч людей. Они воевали во Вьетнаме или участвовали в демонстрациях: они – electroid – сеть мозгов, которые промывались изошрёнными методами. Но элита авангарда утверждала, что земной – terrestrial – политике приходит конец, и существуют «непромытые» зоны мозга, предназначенные для будущей эволюции. Существует пятый контур нервной системы.

Они говорили: «SMILE» – «улыбайтесь» – штамп американского образа жизни. Но аббревиатура «S.M.I.I.L.E» значила «Space Migration, Intelligence Increase, Life Extension». Это тактические ходы эволюции. Space Migration – путешествие к звёздам, именно в этом цель, стратегия эволюции, или Плавка (Fusion at higher levels of intensity, acceleration, aesthetic complexity). Выпадение из цепей роботизации личности Тим Лири прямо называет религиозным актом.

В некотором смысле это был уход от земных проблем, уход в религию, ничем не хуже того, что давно уже «автоматизировала и

роботизировала» основная религия человечества, в течение сорока веков.

Хорошо известны методы поколения 60-х годов XX века – это наркотики и секс. Очищенный LSD как раз и открывал заблокированные зоны мозга, «третий глаз жабы» – пререквизиты метаморфозы эволюции. Впрочем, Барроуз описывает нечто другое – полный беспредел нейронавтов, когда для того, чтобы достичь «высоких состояний», get high, употребляли разные грибы, любые суррогаты наркотиков, включая синтетический клей. Здесь имеется в виду друг Тимоти Лири писатель William Burroughs и, в частности, его новелла «The Naked Lunch».

Параллельно с наркотиками появилось и другое направление, например, философия Grateful Dead о том, что можно достичь высоких состояний с помощью медитации.

Тим Лири упоминает секс с «пятиконтурной подружкой», который открывает горизонты нервной системы не хуже, чем химические препараты. Но пойдёшь ещё найди такую тантрическую даму! Так что секс у хиппи был, конечно, проще. С другой стороны, когда часть американцев бросилась в сексуальную революцию, другая часть, как пишет Лири, читала шпионские романы и предложения очистить страну от инакомыслящих. Лири пишет, что в Америке чуть ли не главным инакомыслящим, делающим jam в Системе, был он, а в России – Сахаров. Вообще, «Нейрополитика» написана сочным критиканским языком, который очень напоминает мне язык газеты «Завтра» в России, передовицы Лимонова.

Вроде бы, Тим Лири дружил с Джоном Ленноном – come together – и участвовал в акциях в Торонто, но почитайте, что он пишет об этом... А Роберт Циммерман – Боб Дилан – прямо вынесен в заголовок главы как эксплуататор контркультуры. Язык и стиль Лири предельно ядовит и проясняет тот факт его биографии, когда, чтобы освободиться из тюрьмы по обвинению в распространении ЛСД, Лири охотно «продал агентам FBI» сотни своих соратников по движению 60-х годов. Ни в какую terrestrial политическую борьбу за идеалы справедливости он не верил. Видимо, не только он один, но и другие представители элиты авангарда. Во что же они верили? В духовность, которая стоила им не так уж дёшево и включала, например, обязательное путешествие в Индию, к йогам. О таком «обязательном путешествии» упоминают Лири и его друг Ричард Альперт – Боб Рамдас. Ричард Альперт описывает очень подробно

эти духовные паломничества ко всем алтарям мира в книге «Зерно на мельницу». Что же делать людям, которые в поисках духовности вынуждены спасаться в монастырях и других asylums?

Человеческие Метаморфозы

То, что людям свойственно приспособляться и менять убеждения, хорошо известно. Причём иногда приспособление и выживание сопрягаются с известной подлостью – не хватает под солнцем места. Животные убивают друг друга ради еды, люди становятся по ходу истории более гуманными. Уже никто на улице не протыкает шпагой надоедливый бомжа или бедного простолюдина. Бедным людям помогают социальные службы, общественные и гуманитарные организации. Вопрос: за внешним гуманизмом общества какие «жёсткие законы» остаются и продолжают действовать, как и действовали в Средние века? То, что Лири называет нейрополитикой, как раз и есть аналог жёстких законов выживания, которые Маркс называл экономическими, а ещё раньше Гоббс – войной каждого против всех. Ну, разумеется, Ветхий Завет говорит одно и то же уже четыре тысячи лет.

Так или иначе, прочитав «Нейрополитику», должен окончательно отказаться от какого-либо романтизма, свойственного и поколению из России, наблюдавшему революцию 60-х из тоталитарного СССР и носившемуся с именами Джимми Хендрикса, Джима Моррисона, Джанис Джоплин. Тим Лири чётко доказывает, что эти люди, или артисты, полностью интегрированы в Систему, прошли через все полагающиеся метаморфозы. Единственное, все они умерли молодыми, земные метаморфозы слишком рано оборвались.

И сейчас, в 2010 году, можно купить музыкальный DVD – коммерческий, разумеется, на котором рассказывается история Джона Леннона в абсолютно розовых тонах. Дескать, «Plastic Ono Band» – пример творческого очищения и упрощения после «Beatles». Тимоти Лири, напротив, приводит этот пример как образец метаморфозы Леннона, который «перечислил список ценностей, в которые он не верит», а затем «нанял адвокатов», доказывающих республиканскому правительству, что он безвреден, harmless. И не для того, чтобы остаться жить в Америке, которая ему была как-то близка по духу, а для того, чтобы не платить налоги. Никакого

«романтизма», в чистом виде дацзыбао. Но, впрочем, это может быть только лишь точкой зрения, отрезвляющей фанатов, которые танцевали рок-н-ролл и голову не включали – были же и такие.

Далее интерпретация истории с Патти Хёрст и Чарльзом Мэнсоном. Patricia Campbell Hearst – внучка знаменитого Уильяма Рэндольфа Хёрста, американского миллиардера и газетного магната. Charles Milles Manson – американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств. Вообще, заметно, что Тим Лири черпал вдохновение в массовой культуре, он не изучал древних греков (Платона, Аристотеля) и немцев (Лейбница и Канта). Так вот, Патти Хёрст родилась в богатой семье, её похитили и стали требовать деньги. Но так случилось, что внучка миллиардера обратилась в веру террористов и даже банк ограбила. Типичный предмет для ажиотажа в «жёлтой» прессе.

Мэнсон начинал с культа «Beatles». Вообще, Тим Лири упоминает, что и в его кругах «Beatles» считали мутантами, которые прямо связаны с путешествием к звёздам, Space Migration. Да, я видел в редком фотоархиве фотографию автобуса Magical Mystery Tour, на котором гоняли по штатам продавцы LSD. Хочется верить, что музыка всё же сделала прорыв и указала путь к звёздам через медитацию, а не только химические препараты и грибы из Мексики. Чарльз Мэнсон довёл до логического конца как раз криминальную компоненту «революции», убил сотни человек.

Так что же из данного дайджеста извлекает Тим Лири? Была Система, которая воевала во Вьетнаме, и прочее... Были люди, недовольные этим, и устраивали в Системе Jam. По-русски, вставляли палку в колёса. Якобы, в СССР этим занимался Сахаров. Что это был за Jam? В 2008 году на выставке в Лондоне, посвящённой холодной войне, иронические британцы демонстрируют комиксы: два супермена в костюмах USA и USSR и сувенир – «космический карандаш». «Космическим карандашом» закончилось соревнование в космосе: «Скоро будет произведён запуск «Шэньчжоу-7». Китайские космонавты впервые возьмут с собой на прогулку в космосе «космические карандаши» отечественного производства. Этот карандаш для письма разработан и изготовлен Первой китайской ОАО карандашей, и теперь в данном аспекте восполнен пробел космического технического оснащения в стране».

Постепенно Тим Лири приходит к идее, что «Бог – это Ты сам». Он глобально отрицает «репрезентативное правительство», когда один человек представляет интересы группы (избирателей), то есть отрицает принцип демократической Конституции. Это он пошёл, кажется, дальше Сахарова...

Как «Это» называется?

Чарльзу Мэнсону Тим Лири посвятил специальную главу, сделанную в форме фантастического рассказа, в котором некий внеземной (extraterrestrial) агент, разъясняет уголовнику принципы S.M.I.L.L.E. Во-первых, Чарльз Мэнсон – абсолютная жертва нейрологического импринтирования. Или, в другом аспекте, Чарльз Мэнсон – следствие «тюремной системы», а «тюремная система» – следствие taxrauing граждан. Эти налоги, taxes, покоя не дают Тимоти Лири, только все тем и озабочены, как бы уклониться от налогов или, наоборот, заплатить налоги и спать спокойно.

Таким образом, в какой-то момент Мэнсон спрашивает агента космической миграции: «Когда мы принимаем «кислоту», мы растворяемся в ничто, в вибрациях. Пространство становится временем, и нет ничего, кроме чистой энергии. Понимаете, о чём я говорю?» Агент отвечает: «Да». – «То есть, это момент истины. Но ЧТО ЭТО? Как вы ЭТО называете?»

Агент отвечает, по известной традиции, вопросом на вопрос: а что Чарльз сам в этот момент открывает для себя? «Ничего. Только то, как должна выглядеть смерть. Правильно? А что вы в этом находите?»

Далее, словами агента выражена любимая мысль Тимоти Лири – мысль о бессмертии индивидуального сознания. Death is obsolete, or will be soon. «Смерть» – устаревшее понятие, или скоро будет устаревшим. Наркотическое путешествие – всего лишь суспензия биохимических импринтов нервной системы, которое ты, Чарльз, просто купил. Но, начиная с данного момента, ты свободен. Take off from there and go anywhere. Ты мог бы заняться любовью, так как любовь – это поток энергии. Чарльз Мэнсон садится в позу лотоса и улыбается.

Из других источников о жизни Тима Лири мы знаем, что на судебных процессах по обвинению в распространении ЛСД он

делал упор на то, что распространял «чистый» Sandos, и в этом-то весь point – хорошо очищенный ЛСД безусловно полезен. С другой стороны, в «Нейрополитике» Тим Лири не может оставить без внимания 35,000,000 участников движения хиппи, которые в основном курили каннабис – pot smokers. В отличие от фашизма, расизма и сексизма, свойственного «семье Чарльза Мэнсона», хиппи предприняли peace-love-ecology trip. Мне кажется, Лири сдерживает свою иронию по отношению к движению хиппи и даже называет его экспериментом самоиндуцированной перестройки мозга – self-induced brain change – в отличие от промывания мозгов, brainwashing, свойственного американцам, которые «съели $1.8 \cdot (10^{**}10)$ гамбургеров в «Макдональдс» и выбрали Никсона на второй срок».

Моё поколение в России, правда, не в 60-х, а уже в 80-х годах также наблюдало альтернативную Систему russian hippies между Калининградом, Киевом и Москвой, в Крыму и Прибалтике. Что касается человеческих метаморфоз, то некто Сергей Жариков приписывает себе заслугу трансформации «хиппаря Игоря Летова» в национального большевика, которого Баркашов упрекал в том, что тот «бедно одевается», а Ампилов лично держал в руках микрофон, в который Игорь Летов пел свои песни для масс. Если Роберт Циммерман – Боб Дилан – в результате метаморфоз и мутаций стал «жертвой литературной мафии, которая замораживает его как поэта битников», к сожалению, в России нет такой же литературной мафии, которая бы оценила поэзию Игоря Летова. Впрочем, Тимоти Лири отмечает, что «поэты в советских тюрьмах слышали это» – сигнал надежды и свободы, который хиппи послали всему миру.

Тим Лири отмечает Фридриха Ницше и Алистера Кроули – интересная пара – в качестве предтеч современной нейрополитики. Из представителей науки – Альберт Эйнштейн открыл ковариантность времени и пространства. Но самое важное научное открытие – эволюция кода ДНК. Как только двести лет назад не знали того, что программы ДНК и есть «смысл жизни»? Молекулярная, электроидная, компьютерная основы цивилизации для элиты авангарда совершенно ясны – им ясно, в каком направлении движется ВСЁ. Да, вот ещё: сорок веков иудео-христианского скептицизма pop up в голове капитана. На одном из интернет-сайтов Лири – предупреждение: «осторожно, монотеизм», примитивная религия.

Некоторые эпилептики, такие, как Достоевский, а некоторые шизофреники, такие, как Ван Гог, стали спусковым крючком нейросоматических мутаций. У Роберта Антона Вилсона есть книга «Космический триггер». Эта книга продаётся в Cannabis Headquarters и в 2010 году.

Можно ли сравнивать движение 60-х с движением ранних христиан? По крайней мере, и тем и другим свойственно искать нечто за пределами Земли. Становление же новой религии занимает не одно поколение, и кто знает, как это было две тысячи лет назад... Возможно, был бунт, один, другой... потом сто лет было тихо, а потом Нагорная проповедь или какое-то ещё внеземное – extraterrestrial – вмешательство.

Несколько подробнее о легальных наркотиках

Тимоти Лири совершил пять-шесть тысяч путешествий (trips) с помощью ЛСД. Причём он говорит, что «легальные наркотики» никто не запретит, так же как никто не запретит пиво. Другое дело, что существуют современные ТАБУ – на гомосексуализм, на наркотики. Тимоти Лири никогда не рекомендовал употребление ЛСД всем желающим и тем более – желающим кайфа.

Однако существует базовое понятие – нейрологический импринт, и ЛСД – всего лишь навсего способ снятия импритов, переимпринтирования. Причём трудно не согласиться с учёными в том, что химический способ переимпринтирования вполне легален, в тех случаях, когда это обосновано, полезен. Остаётся вопрос: нужно ли «открывать чакры»?.. Тимоти Лири на данный вопрос отвечает в духе «постэйнштейновской эры»: нужно или не нужно – уже поздно думать, мы имеем дело с эволюцией. Мы либо погибнем, либо мутируем.

Вообще, ставится вопрос об Активации новых возможностей эволюции. До сих пор были известны некоторые уровни такой Активации, ведущие к «шизоидным ситуациям»:

1. Уровень гиперчувствительности, или уровень «хрупкого артиста».

2. Уровень психической, телепатической нейроэлектрической чувствительности, причём приводится пример – Nikola Tesla.
3. Уровень генетической, межвидовой, реинкарнационной чувствительности, причём приводятся примеры – Luther Burbank, Dr. Jagadis Chandra Bose.
4. Уровень атомной и квантовой чувствительности.

Желающие могут пойти на приём к психиатру и сообщить, что обладают элементами чувствительности из данного списка. Сообщите психиатру, что вы чувствуете работу ваших генов, вашей ДНК...

Но психиатры прекрасно осведомлены о существовании чувствительности, которая является объектом подавления. Люди, которые пережили «неопознанные состояния», часто не хотят возвращаться к нормальной жизни. В «Больнице преобразования» Станислав Лем описывает консилиум, на котором учёный психиатр демонстрирует пациента, кажется, простого крестьянина, который хочет остаться жить в госпитале. И учёный психиатр этот случай трактует таким образом, что собственно переживания психоза привлекательны, а не то, что в госпитале кормят.

В качестве своих учителей Тимоти Лири называет Алана Гинзберга, который появился когда-то в Гарварде и был вдохновителем исследований сознания, рассказав об употреблении галлюциногенных грибов в Мексике. Ричард Альперт пишет, что все тогда хотели достичь высоких состояний, то есть таких, от которых лечили и лечат психиатры, но они думали, что эти высокие состояния сами по себе являются Результатом духовной жизни. Оказалось, эти состояния – всего лишь «зёрна на мельницу», с этими состояниями «надо работать» всю оставшуюся жизнь. Что касается Мексики – именно об этом все книги Кастанеды.

Таким образом, далеко не для всех – опыты с наркотиками. Более того, есть категория людей, которая охотно соглашается с авторитетом психиатрии, с тем, что «высокие состояния» надо лечить и избавляться от них для успешной карьеры в социуме.

«Хочу, чтобы ты был здесь».

Ясно, что психоделическая музыка – не вся без исключения, конечно, – предлагает get high без наркотиков, с помощью медитации. Если говорить о человеческих метаморфозах в смысле

Тимоти Лири, то что там скромный Роберт Циммерман... Примером метаморфозы психоделических *pipers* в миллионеров, магнатов музыкального бизнеса является группа «Pink Floyd». Кроме того, эта группа вышла из эпохи 60-х, они тогда находились в эпицентре. Подавляющему большинству людей в этой истории не нравятся просто Деньги – *riding a gravity train*. Не нравится *electroid*-стиль рок-н-ролла Роджера Уотера по сравнению с «бардовскими направлениями» Сида Баррета, группы «Traffic», вообще, с направлениями *british invasion* до «Beatles», когда все пытались самовыражаться с помощью простых средств. Некоторые, «Led Zeppelin» и «Deep Purple», выразились лучше, чем другие.

Интересно, что и сам Тим Лири (вместе с Simon Stokes) записал диск рок-н-ролла «Right To Fly», в котором тексты песен, в принципе, иллюстрируют американскую «философию головы»: «я буду Дельтой, твоей собакой Дельтой, символом изменений». Вообще, Тим Лири сменил много профессий, он и программистом, говорят, работал. По крайней мере, в числе книг, которые он написал, а он «изготавливал по две книги в год», была «Цифровой политеизм».

Тимоти Лири придумал некую мантру, которую и в 2010 году разжевывают в *Leary Study Guides – Turn On, Tune In, Drop Out*. Видимо, это описание ЛСД-путешествия – приход, отходняк. Впрочем, некто, кто продемонстрировал человечеству правильный Drop Out, был Будда.

Но что остаётся от бублика, который съели? Желание, которое будет продолжать оставаться таким красивым... *wish you were here...*

Высший Разум и Сказки о Высшем Разуме

Важнейшая концепция Лири – *Intelligence Increase* – связана с космическим происхождением ДНК. Материалистическая теория о саморазвитии «коацерватного бульона» просто не рассматривается всерьёз. Жизнь на Земле посеяли Космические Садовники, *Cosmic Gardeners*. В Декларации Эволюции сказано, что конечная цель – миграция в Центр Галактики.

Изобретатель ЛСД *Albert Hoffman of Sandoz* впервые синтезировал препарат в 1938 году, но слишком рано. Но Высший Разум, *Supreme Intelligence*, среагировал только после Хиросимы.

Единственное, что опасно для ДНК, – это радиация. В декабре 1943 года доступ к атомной энергии, полученный человечеством, изменил всю систему энергетики в солнечной системе. Альберт Хоффман повторно синтезировал ЛСД, и на этот раз ЛСД стал антидотом атомной энергии, ЛСД стал психоактивным. Кстати, если бы президента Кеннеди не убили, пишет Лири, легальные исследования ЛСД в Гарварде не подвергались бы преследованиям.

Как это всё согласуется с «серьёзной» наукой и «серьёзной» религией? Ясно, что S.M.I.I.L.E никто не принимает всерьёз – кому есть чем заниматься на Земле и на Небе.

Так или иначе, в который раз мы задаём себе вопрос: есть ли Бог? Точнее, что мы знаем о Боге и можем ли проповедовать от имени Бога. Старые каббалисты, например, охотно объясняют, продают видеозаписи с популярными лекциями – зачем и почему Иегове понадобился Большой Взрыв. То есть, просто люди делают бизнес. Для того, чтобы не покупать всё, что пытаются продать, – не нужно принимать ЛСД для снятия зависимости и переимпринтирования. Но предположим, всех торговцев изолировали от предмета, важного для нас независимо от ситуации, в которой мы живём. Я готов принять ЛСД по такому случаю! И что такое Бог? Кто знает?

Тимоти Лири, Роберт Уилсон не зря часто вспоминают Алистера Кроули... Уж не пахнет ли серой, и не беседуем ли мы с чертями? На этот вопрос отвечали хиппи – те самые 35,000,000 и ещё миллионы, затерявшиеся «в советских тюрьмах». Зачем стремиться знать, что такое психоделия, когда мы можем просто жить с этим? И увидел Бог, что это хорошо. А что касается политики, нейрополитики, цифрового политеизма... Talk, talk, it's only talk.

Тимоти Лири – кем бы он ни был – видел в своей жизни Лучшие стороны человеческой природы и пытался отделить моменты истины от моментов идиотизма своих современников. И оставил после своей «несовременной смерти» ещё один Дизайн Бессмертия. Так или иначе, эти времена должны были оставить след в истории, но наш Разум не Высший, и мы не понимаем, зачем мы жили.

Не верьте тем, кто хочет вам это объяснить вместо того, чтобы дать шанс – понять этот мир без них.

КРИТИКА ЭЛИТЫ АВАНГАРДА

Timothy Leary. «Design for Dying».

Рецензия

Смерть как вечеринка в университетском кампусе

Тим Лири – свидетель шестидесятых. Он написал около сорока книг о human conditions. Насколько содержание этих книг общезначимо, полезно для истории, не ясно. Но материал существует. Возможно, это всего лишь контент в киберпространстве, столь презираемый людьми, имеющими академический стаж.

Буду исходить из того, что есть. Тим Лири всю свою жизнь выявлял разного рода табу и нарушал все запреты, сознательно вносил хаос, создавал «пробки» в системах. Люди, паразитирующие на короткоживущих – до ста лет – концепциях, принципиально хотят считать все идеи Лири графоманством, интеллектуальным мусором.

То, что устроил Лири из своей смерти, – ещё одно покушение на социальное табу. Почему бы нет? Это были его последние слова: «Why not?» Перед смертью он снова собрал вместе свои мысли, которые не столько уж глубоки, но всё же точны. Они не глубоки, потому что «связь истории» в них порвана, или вообще в них нет никакой истории. А точны они постольку, поскольку точно работал его мозг, или его нервная система, которую он всегда считал, скажем так, ВАЖНЫМ узлом эволюции всей жизни на Земле. Это его концепция номер один.

У Тимоти Лири исторические знания были «вынесены за скобки» – в главе «Принципы Жизни» он рисует придуманный им иероглиф – (...), и рассуждает в связи с этим о сложнейших вещах. Вместо исторического познания он приспособил для себя

некий миф о дезоксирибонуклеиновой кислоте – ДНК. В первую очередь, это панспермия – учение, которое, строго говоря, до сих пор не доказано, но со времён Джордано Бруно висит в воздухе. Ну кто не верит в то, что в нашей Галактике есть звёзды, на которых есть жизнь? Разве что какой-нибудь цензор академии наук. Тимоти Лири пишет, что он заключил «пакт с ДНК». Это концепция номер два. Ну, я далее нумеровать не буду...

Так или иначе, если исходить из всех нейроконцепций Лири, смерть – это интересное время. Собственно говоря, смерть – своего рода экстаз. Если, конечно, позаботиться о дизайне смерти. В момент смерти нейроны и ДНК как-то должны взаимодействовать. Прежде чем отключиться, мозг может некоторое время работать в необычном режиме. Причём умирающего уже никакие инстанции не накажут. Узнав, что у него рак простаты, Тимоти Лири стал готовиться к путешествию, на этот раз не смешивая ЛСД и ДМТ или что-то там вроде этого, а предвкушая то, что в фокусе сознания проявится информация, доступная только при окончательном сбросе всех нейробиологических импринтов. Если кто-то не уверен, что знает, о чём идёт речь, то простейший импринт возникает у новорождённого птенца, который начинает ходить за мячом, если мяч ему покажут раньше, чем он увидит свою мамочку – ну там, курицу или гусыню.

Известно, что старики устают жить и встречают смерть радостно. Тимоти Лири решил позвать друзей. И даже понаехали журналисты. Вообще-то, хотя те и сказали, что старик сделал good job, – лучше бы их не было. Такое развлечение, конечно, не для всех. Как говорится, смерть – это последний одинокий бизнес. Однако почему нет – why not? Какие ни есть, а друзья нашлись. Возможно, наличие друзей важнее последнего диалога нейронов с ДНК. А то, когда друзей нет, – ну что там разговоры?..

Что досталось Богу

Тимоти Лири – вряд ли антисемит, хотя в антисемиты каждого могут зачислить за всё что угодно. Но иудеохристианство, и шире – монотеизм, он попытался охарактеризовать негативно. Впрочем, известный способ познания – перечисление того, чем Бог не является, так что Иегова не обиделся. Ибо совершенное существо

не может обижаться – в этом было бы отсутствие совершенства. Впрочем, по поводу гнева Божьего в классическом варианте – всякие там нашествия саранчи на неразумного фараона Лири не мог не обойти вниманием и вволю поиронизировал, мягко выражаясь. Бог-полицейский, апостол Пётр, охраняющий рай от инакомыслящих, – это всё задевает верующих, которых на Земле великое множество. Но Лири не к верующим обращается, верующие его книги не читают. Скорее, он обращается к тем, про которых Ницше задавал вопрос: «И что же у них есть такое, что они считают себя лучше пастухов?» – «А! – говорил Ницше. – Вот что отличает их от пастухов – у них есть образование!» В наше время Ницше, возможно, расширил бы парадигму своей «Весёлой науки»: и что же у них есть такое, что отличает их от образованных? «А! – сказал бы Ницше. – Вот что у них есть – степень доктора философии, или у некоторых даже faculty position». Тимоти Лири, как известно, из Гарвардского университета изгнали за опыты со своим сознанием, но в своём интервью он назвал всех, кто в Гарварде остался, роботами. И уехал путешествовать в Индию за свой счёт.

Вообще, в те времена, которые меня интересуют, многие путешествовали в поисках духовной пищи. Безработные on the road колесили между Сан-Франциско и Новым Орлеаном.

Джек Керуак пишет о том, как шериф задаёт этим ребятам «хороший вопрос»: «куда вы едете?», «куда-то?» или «просто едете?». «A tall, lanky fellow in a gallon hat stopped his car on the wrong side of the road and came over to us; he looked like a sheriff. We prepared our stories secretly. He took his time coming over. «You boys going to get somewhere, or just going?» We didn't understand his question, and it was a damned good question». Jack Kerouac, «On The Road», 1955.

Стихи писали – кто, как Хлебников в России, перевозил их в наволочке, кто пошёл по пути социальных метаморфоз и далеко зашёл, как Роберт Циммерман. А если рукописи, в частности стихи, не горят – разве что, когда 451 градус по Фаренгейту, – то сколько же заброшено в параллельные миры? А там, где-то в параллельных мирах, есть Бог, может быть, Иегова (jude hej vav hej), коль скоро методисты всё же настолько восхищены священным текстом как таковым. Вот и радость хасидов проходит мимо нас. А на месте поколения хиппи сейчас поколение сети. Мало кто в это поверит, учитывая роль интернета в коммерции и бизнесе.

Тимоти Лири, впрочем, настолько увлекался компьютерами, что его можно назвать пионером сети. Моя тётя в Вирджинии, женщина образованная, сказала мне: «Мы к интернету не принадлежим». Это было в 1990 году, и она предпочитала вступить в *rotary club*, а интернет мыслила себе как новый бизнес или новую политическую партию, то есть *Brainwashing*. Вероятно, эта точка зрения актуальна и двадцать лет спустя. Тимоти Лири считал, что поколение хиппи имело экологическую нишу – тело. А для поколения сети экологическая ниша – мозг. Ещё одна неакадемическая концепция, а впрочем, может быть, уже купили! Но Тимоти Лири, конечно, несёт, и он придумал ещё и нанопокорение – *nanotech generation*. Но пройдем мимо, мало ли что пишут.

Да, так Тимоти Лири умирал в 1996 году. Кроме своего «*Why not?*», он ещё успел записать: «*I don't believe in belief*», – перевести эту фразу легко, но лучше оставить так, как она звучит. А свои концепции панспермии, эволюции мозга и *message* генетического кода Тимоти Лири тут же называет «*probably a reasonable good guess*», возможным предположением. Так что Бог не обидится.

Увлечение молодости

Тимоти Лири сообщает, что когда ему был двадцать один год, он решил стать психологом. Видимо, он в этой области разбирается, так как сделал исторический обзор от бихевиоризма – *deindividualizing psychology of behavioral control* – до последних гуманитарных подходов. Последние гуманитарные направления в психологии, пишет Лири, надоели людям хуже, чем бихевиоризм и психоанализ, ангажированные ЦРУ. Что же купили себе спецслужбы за свои деньги? Три науки – клиническую психологию, психологию личности и социальную психологию. Но все три науки занимаются вопросами приспособления – *psychology of adjustment*. Лири спрашивает: «*Are you well adjusted? Huh? What the fuck does that mean...*» Вы хорошо приспособились? Какого чёрта... что это значит в обществе 1990-х? Приспособлены к «чему»? Мы пришли к пониманию того, что ничего «нормального» не существует. Видимо, поэтому центральная глава последней книги Тимоти Лири называется «Мутанты».

Мутанты

Рыбы плавали в океане и высовывались из него, чтобы дышать атмосферным кислородом. У рыб была своя эволюция и своя ниша существования. Но всё-таки эволюция шла вперёд, и жизнь продолжалась на суше, на сухих поверхностях, – жабры остались у рыб, а кислород стал поступать в мозг через лёгкие. Тимоти Лири сравнивает ход эволюции тогда и сейчас. Люди, которые употребляют ЛСД, ДМТ и кетамин, стали дышать «новым кислородом», и для них открыт новый путь эволюции.

Церковь учила: только Бог может быть бесконечным. Среди математиков и «кислотных голов» («acid heads») еретическое переживание бесконечности процветает. Ещё Евклид, изучая свойства треугольника, обнаружил несоизмеримость отрезков и иррациональные числа. Современная высшая математика продолжает становиться ещё более высокой, get higher – игра слов!

Предположим, важно не средство, а цель, то есть эволюция считается возможной. Мутанты победили – the mutation is a success, Doctor. Наша культурная война закончилась победой. Тимоти Лири прямо отождествляет мутантов и элиту. Элите свойственно творчество, и воображение, и даже «хакерство» – toward scientific and technological reality hacking. Фридрих Ницше и Алистер Кроули сделали всё, чтобы декаданс стал демократичным. Впрочем, изучая человечество в состоянии дикости, Джеймс Фрезер в книге «Золотая Ветвь» пишет:

«...Племя в скором времени приобретает богатство и рабов, которые, освобождая целые классы людей от постоянной борьбы за выживание, дают им возможность посвятить себя бескорыстному приобретению знаний – этого благороднейшего и сильнейшего орудия – с целью улучшить жребий человека».

Другими словами, элита, в том числе рабовладельцы Древней Греции и Древнего Рима, играют в истории человечества благороднейшую роль и улучшают жребий человечества – эта мысль не очень хорошо согласуется с тем, чему нас учили в школе.

В главе «Мутанты» Лири практически воспроизводит содержание главы «Из внутреннего пространства во внешнее» из своей книги «Нейрополитика». А именно определение контуров – circuits – сознания. Контуров выше пятого предназначены для

будущей эволюции. Кстати, в книжных магазинах можно купить совсем популярные изложения этой теории – ликвидация безграмотности молодых людей. Но, разумеется, никто эти пособия не покупает. Серьёзные молодые люди предпочитают не читать тонкие брошюры в ярких обложках, а взять солидный курс у живого профессора в университете.

Современная алхимия

Современной алхимией Тимоти Лири называет киберпространство или «кибернавтику» – то, что пришло на место старых, мёртвых, ограниченных хиппи. Но в киберпространство входит нечто большее, чем поколение сети. Тимоти Лири пишет об управлении хаосом, ссылаясь на Эйнштейна и Пригожина. Как известно, Эйнштейн сказал, что Бог не играет с миром в кости («God does not play dice with the universe»). Сегодня стало ясно, что, напротив, «многие боги на самом деле играют» – «there are many gods who do indeed play dice». Илья Пригожин называет это эволюцией, диверсификацией и нестабильностью. Пригожин изучал самоорганизующиеся «диссипативные» структуры, которые могут вопреки интуиции сопротивляться закону возрастания энтропии и могут достигать состояния локальной упорядоченности.

Трансцендентная физика больше не имеет дела «с тремя коровами и с тремя яблоками», план строится в абстрактном пространстве, во внутреннем мире, а затем проецируется (answer back) во внешний мир. Поэтому не удивительно, что математика есть, вероятно, единственная область науки, в которой внутренние миры полностью приемлемы (inner worlds have achieved complete consensus acceptability). В рамках математики дискуссия о нематериальном (intangible) никогда не будет считаться мистическим нонсенсом.

Конечно, Тимоти Лири в очередной раз ссылаясь на массовую культуру. Да, абстрактная чистая математика хороша сама по себе, но важно, что практическая технология непрерывно пополняется. И тут же поп-звезда David Bowie упоминает в откровенно неакадемических источниках «airy inner and earthy outer worlds» – внутренние миры на небе и внешние миры на земле, и более того, это не что иное, как Кетер и Малхут – каббалистские тайные вселенные.

В корнях программирования компьютеров Тимоти Лири усмотрел *intimation of godhood* – можно перевести как «намёк на божественное». Но, очевидно, только потому, что, как свидетельствуют биографы, сам увлекался «программизмом». Так же, как Алан Тьюринг плохо играл в шахматы, но шахматы любил. С точки зрения социальной реальности программисты – всего лишь обслуживающий персонал, ценятся личности, например, «настоящие физики», которые говорят программистам, что они должны программировать. Но, как всегда, бывают плохие и хорошие программисты. Хорошие, возможно, могут иметь интимные отношения с Богом. По крайней мере, так считает Тимоти Лири. Или, в любом случае, программирование – это очередной инструмент для мысли (*tool for thought*).

Галактика Гуттенберга

В эпоху между Платоном и Кантом считалось, что власть слова есть абсолютная и объективная власть, и все, кто разговаривают на данном языке, разделяют одно и то же значение – *same thing*. Эпоха Гуттенберга, печатание книг, на самом деле имеет свои негативные стороны.

Кто-кто, а уж искушённые постмодернисты (*sophisticated postmodern citizens*) знают толк в мультимодальной игре. А прочие смертные до сих пор путают целостность, непротиворечивость и истину. Система может быть внутренне когерентна и широко применима – например, религиозная догма, – но может не иметь отношения к истине. Конечно, вопрос прокуратора Иудеи Пилата: «А что есть истина?» – актуален и сейчас. Но очень уж много тренеров (*coaches*), так много, что нельзя доверять никому. Не покупайте!

Однако то, что пишет Тимоти Лири, звучит правильно: каждая личность, индивидуальность должна быть «личным учёным» (*personal scientist*), конструктором фреймов значений. Это пересекается у него с декларацией правильной позиции психолога – не авторитарные, но коллаборативные отношения. Терапевт и пациент должны работать вместе как команда – *as a team*. Терапевт должен предоставить пациенту инструмент и тренинг, необходимый последнему для исследования собственного психологического

makeup. Очень всё это хорошие слова! Вероятно, исключительно благими намерениями, как всегда, мостится дорога... Как там говорил один лирический герой: «Я очень хочу работать агентом КГБ! Запишите меня в КГБ! Я обязательно напишу письмо в КГБ!» Это из редкой записи «Через Призму Винта» Сергея Глазатова. Но и в «Дизайне Смерти» есть глава «Мутанты становятся агентами». Разумеется, не агентами разведки, а агентами эволюции, но агенты разведки могут назвать себя агентами эволюции... Более того, Тимоти Лири заявляет буквально, что история цивилизации есть история агентуры. Но это остаётся на его совести.

Оказывается, если верить Тимоти Лири, индустрия развлечений (entertainment) – это тоже диверсия мутантов. От джаза до сюрреализма, от Пикассо до Элвиса Пресли, от Гретты Гарбо до Мадонны – список в книге длинный. Тут уж обнаруживается явно «пиндосская ментальность», которая систематически критикуется и пародируется оппонентами с «правильной ментальностью».

И, наконец, Тимоти Лири упоминает то, как умирал Сальвадор Дали: уединившись и в нищете (если не материальной, то в духовной). Хорошо известно, что не только Сальвадор Дали, но и многие другие уходили в одиночестве. Хотя ещё лучше, может быть, умереть в авиакатастрофе или в автокатастрофе. Это пропуск в Центр Галактики.

КРИТИКА ЭЛИТЫ АВАНГАРДА

Timothy Leary. «Politics of Ekstasy».

Рецензия

«Я не знаю, где здесь пластика, если люди падают ниц».

Евгений «Джон» Соловьёв

Конечно, никому не нужны динозавры. Если есть интерес – в связи с тем, что происходит в мире здесь и сейчас. Уроки истории должны учить тому, что актуально относится к современности, так или иначе. С другой стороны, все эти потерянные поколения, кокетливо потерянные Хемингуем – дескать, потерянные-то, конечно, потерянные, но... Также и другие случаи, поколение «хиппи», поколение «шестидесятников», клуб самодетельной песни – целые букеты субкультуры и контркультуры. Делать-то нечего – со своим поколением, со своей эпохой: это и Dasein, и лягушки, которых резал Базаров; для кого-то это – родина, которая непонятно, с чего начинается и чем кончается.

Переписку Каутского с Энгельсом я не читал, но переписку Гинзбурга с Керуаком – взял. Я и не гомофоб вовсе, с хорошим гомосексуалистом и на брудершафт выпью. Впрочем, гендерные вопросы вообще за пределами данной статьи. Примем аксиому, что когнитивная сложность не способствует коммуникативной компетентности, и тогда проваливаемся в континуум диалогических социальных миров, когда все друг другу внимают, но каждый вещает для себя, не в интересах истины, но в интересах ипотеки.

Мне сказали, а также я это и прочитал в интернете, что лучшая книга Тимоти Лири – это «Политика Экстаза». По крайней мере по критерию «настольности» для поколения, которое вроде бы и вымерло, но всё-таки ещё реферируется пиаром. Тимоти

Лири, недаром что Ph.D., он определение даёт тому, что такое экстаз. Впрочем, именно это определение я цитировать не хочу, и так понятно тому, кто понимает. Там у них была Лига – IFIF – International Federation For Internal Freedom. Опять же, кому надо, прогуглите, пожалуйста.

Всё, что я писал до сих пор о Тимоти Лири, всё-таки недостаточно полно. Абсолютной полноты, как сказал Гёдель, не бывает, но меня там перепечатывают на leary.ru и scortcher.ru, и даже залили на ebookscenter.co.uk – коль скоро чёрный пиар стал таким нудным – я чувствую желание дополнить свои импрессионистские исследования. Дополняя и дополняя, мы приближаемся к так называемой истине. Не к той истине, про которую Пилат спросил – «а что это такое?». И не к той истине, на водоразделе материального и спиритуалистического, для функционирования которого требуется Параматма, и не то, что побудило Хайдеггера уклониться от визита на похороны Гуссерля... Всё-таки, что есть истина-процесс? Во всяком случае, может, и стоит держаться от неё подальше.

Тимоти Лири кем только не был, а был он и психологом, и первым internet savy – и он изложил учение о нервной системе как божественном устройстве – device – для того, чтобы пользоваться которым, нужно прочесть инструкцию. В Америке, вообще, пишут инструкции везде и приделывают их всюду – это менталитет. Начиная от инструкции что делать, если – choked – подавился. Или, что сотрудникам кафетерия после посещения туалета – мыть руки. Эти инструкции какое-то дополнение к свободе. А тут инструкция от профессора Гарвардского университета – что делать с мозгами. В глобальном баре Америки, если вспомнить Rammstein, есть sometimes кока-кола, sometimes война.

Лири – писатель, а вероятно, от писателя ждут предвидений и прогнозов так или иначе. Кое-что он и на самом деле предвидел. Но я хотел бы соотнести предвидения старого времени с последним временем. Замечу, что моё «последнее время» точно также окажется устаревшим через декаду-другую. Всё, что говорилось о так называемой киберкультуре, или cyberspace, в момент зарождения этой киберкультуры – было правильно и точно. Подтвердить это может Стивен Уилсон – Steven Wilson – из Porcupine Tree. Или Дэвид Бирн – David Byrne – из Talking Heads.

Или вот цитата из канадского поэта:

*Теперь я поселился в Монреале, и тут моя работа.
В чём заключается она? Всё, что мы делаем, – сидим в
кафе,
И обсуждаем лишь единственную Тему:
А стала ли литература Available for free on the Internet?*

*David McGimpsey, «Моя Жизнь как Жизнь Канадского
Писателя».
Перевод автора.*

И в чтениях Щедровицкого (а Г.П. Щедровицкий, если кто не знает, – это гений всех советских времён и всех советских народов) упоминается конец «эпохи общественных институтов». Его окончательно признают, когда восстановят СССР.

Что есть общего во всех атаках против общественности и общественных институтов – то, что эти институты больше не нужны, или у нас теперь другие представления – зачем они нужны, кому они нужны, и как они работают в цивилизации. Возвращаясь к Тимоти Лири – тот говорил о конце политики, о переходе от земной политики к политике космической – *terrestrial* и *celestial*. Дэвид Бирн называл себя наблюдателем за человечеством, пришельцем из космоса. Стивен Уилсон – по эстафете, сообщает, что современное искусство, если это мануфактура, никому не в радость, и именно для поколения «хиппи», или поколения «политики экстаза», искусство стало способом существования. Стивен Уилсон заходит в музыкальный магазин, берёт там в руки пачку аудиодисков – и, как я, утверждает, что интернет и свободный поток – *streaming* – музыки, который не контролирует музыкальный бизнес, – есть свобода. Поколение Сети, поколение интернета – преемник свободы «хиппи», которые начали с освобождения тела, в то время как предвидели освобождение нервной системы. И, оказывается, наркотики – частный случай медитации. Что касается литературы, книг – то и тут тема: насколько они стали свободны в интернете, и что теперь является очередными задачами союзов писателей?

У меня есть плохая манера – сливать в ведро несколько тем сразу. Тороплюсь, и, вообще, это можно считать компактным стилем, или импрессионизмом, или мозговым штурмом. Вероятно, кому-то ясно всё, что я пытаюсь сказать, а кому-то даже в медленном темпе не поможет. Но у меня вот такая вторая сигнальная система, можно

жаловаться психиатрам. Но и это совершенно двусмысленно – они сами мне жалуются.

Я хотел бы поиграть со своей второй сигнальной системой и сравнить полёты. Полёты в Америке, Get High. И то, что ассоциируется с бригантиной, поднимающей в дальнем синем море паруса – как это они так взяли друг друга за руки, чтобы не пропасть по одиночке – в России. Эпоха одна и та же – 60-е годы двадцатого века. Но пропадали. И в Америке, и в России.

Заметим, между организованным насилием, типа гитлеризма и холокоста, и насилием в Комбинатах имени Кена Кизи, с полётами над кукушкиным гнездом, есть, как говорят в Одессе, две большие разницы. Приведу длинную, но поучительную цитату:

Хребты безумия – тайны психиатрических больниц штата Огайо.

Athens Mental Hospital/Athens Lunatic Asylum.

Афинский центр психического здоровья располагается на холме, по соседству с рекой Хокинг. Он открылся 9 января 1874 года на землях, приобретённых у местного фермера Котса. Больница была построена как дом для ветеранов гражданской войны, страдающих от посттравматического стрессового расстройства. Lunatic Asylum создавалась с философией д-ра Томаса, который верил в проектирование приютов в форме реального дома, чтобы принести знакомый комфорт для своих пациентов. Население быстро выросло с 200 до 2000 в начале 1900-х, правильный уход был даже отдалённо не возможен. В попытке сделать большое количество психически больного населения более управляемым, регулярно проводилась лоботомия в 50-х годах. Доктор Уолтер Джексон Фримен, доктор философии, иначе «Отец трансорбитальной лоботомии», проводит более 200 лоботомий в одиночку.

В последние годы кампус Государственной больницы, также известной как «Хребты», перешёл в распоряжение Университета штата Огайо, и сейчас там располагаются сразу несколько учебных зданий.

Старожилы города помнят старую государственную больницу. Это было внушительное массивное здание, стоявшее на северной стороне Уэст-Брод-стрит. Психиатрическая больничная система была создана в Колумбусе в 1838 году, но главное здание возвели только в 1870-1877 годах. Постройка была настолько огромной,

что, по некоторым источникам, стала лидером по площади чуть ли не во всей стране.

Больница для умалишённых просуществовала до 1980-х годов, когда уже почти вся краска слезла со стен, и клетки-комнаты в подвалах давно были заброшены.

Сейчас на этом месте высится новый монстр из стекла и стали – Департамент транспорта штата Огайо. Но остатки старой лечебницы ещё можно кое-где найти.

В *Columbus Dispatch* за 18 октября 1894 года была опубликована одна любопытная статья. Надо отметить сразу, что тот отрезок эпохи отличался особыми стандартами журналистики (полная свобода) и медицинской этики. Абсолютно спокойно печаталось содержание предсмертной записки самоубийцы, а порой и убийство из ревности облачалось в романтические цвета. Это был почти особый вид искусства, в котором сплетались тёмные и чарующие нотки. По этой теме даже вышла книга Майкла Леси «*Wisconsin Death Trip*», по которой в последующем был снят одноимённый фильм.

«Это коллекция фотографий и статей, описывающих жизнь в маленьком городе штата Висконсин. В книге были фотографии младенцев в гробах, сообщения из психиатрических больниц, детали сцен убийств... это невозможно забыть. Книга произвела на меня огромное впечатление». (Уэйн Статик, лидер индустриал-метал группы *Static-X*)

Так вот, остатке. Она называлась «Капризы разума». В ней врачи лечебницы спокойно раскрыли детали различных психозов своих пациентов, что сейчас является совершенно неприемлемым. Более того, газета опубликовала статью в качестве юмористической колонки.

Приведу самые яркие случаи. Один пациент, совершенно нормальный на первый взгляд, имел лишь одно отклонение: знание о Море смерти. Он утверждал, что это море составляет 18 дюймов в ширину, 150 футов глубиной и тысячи километров в длину. Больше о нём рассказать ничего не мог.

Госпиталю принадлежали четыре кладбища (по другим источникам: три):

- *State Old Insane and Penal Cemetery (oldest)*
- *State Feeble-minded Cemetery (second oldest)*

- *State of Ohio Asylum for the Insane Cemetery (third oldest)*
- *State New Insane Cemetery (most recent)*
- *State Old Insane and Penal Cemetery.*

В списке это самое крупное кладбище, к тому же самое трудно находимое. Оно служило местом захоронения пациентов Государственного института для слабоумных (старое название бывшей психиатрической больницы Колумбуса) и заключённых пенитенциариев Огайо (исправительное учреждение тюремного типа). Исправительная (пенитенциарная) психология изучает психологические основы ресоциализации (восстановления утраченных социальных связей и качеств личности, необходимых для нормальной жизнедеятельности в обществе).

State Feebleminded Cemetery.

Columbus Developmental Center Cemetery.

Государственное кладбище слабоумных является вторым старейшим местом захоронения при психиатрической больнице Колумбуса. Здесь уже даты начиная с 1906 года. Как вы можете увидеть на фотографиях, здесь почти одни таблички. Пациенты не имели семей, которые могли заплатить за достойное надгробие.

State of Ohio Asylum for the Insane Cemetery.

TICO Cemetery.

Упадок больницы. Убежище неимущих пациентов. Только 75 могил имеют даты и имена, остальные же – только номера. Более того, есть два надгробия, которые сообщают: «Образцы». Образцы чего? Трупы для медицинских экспериментов, а может, всего лишь части?

Существует одна жуткая версия.

Образцы – это дети, посаженные на наркотик Triavil 4-50, вызывающий жуткие галлюцинации. Некоторых детей буквально заставили его принимать. Их избивали, пытали и насиловали. Беспризорники, за которых некому было вступиться. Их держали на специальной ферме. От этих таблеток мозг словно жарился. Кто не выдержал – стал «Образцом». Некоторые выжили. Тем детям около 40-50 лет на данный момент.

А таких мест по всей стране ещё очень много...

Да, 40-50 лет... И уже все 60-70 лет. Потерянное поколение, и в Америке, и в России – никаких преимуществ СССР не наблюдается. Впрочем, тут можно и организовать дискуссию – с товарищем Швондером, трансформировавшимся в Кургиняна.

Следует отличать истину и конфиденциальность истины. Больному не дают читать его историю болезни, он ничего там не поймёт, или поймёт неправильно. И более того, аморально «обнародовать» содержание досье, в котором хранится нечто, что может сойти за истину. Такие «истины» нам не нужны. А какие нужны? Видимо, в качестве социально допустимых истин могут выступать коллективные инварианты, групповые паттерны мышления. Психологи не скрывают, что опасаются фрейдистского переноса, контрпереноса. За персональный психоанализ получают особые гонорары. Нужно на берегу договориться, принять аксиому – то, что мы счастливы, может быть, в рамках, ограничено, финитно, «в отдельно взятой стране». Впрочем, давно известно отличие Сущего и Бытия. Известно также, что психологи советуют родителям радоваться, когда они замечают, что дети уже научились врать – это симптом приспособленности.

Нет ничего удивительного в том, что Ph.D. Тимоти Лири в своих сочинениях что-то и соврал. Хотя это называется по-другому. А именно, субстанциональный социум без личного вранья не существует. История создаётся усилиями воли, и без вранья никак не обойтись. Любое усилие воли противостоит массам, и как фермент или рычаг – ложь, переход в новую систему координат. А потом, массам разъясняется нечто типа того, что сбор желудочного сока полезен государству. А Ph.D. Лири – известный прозелит рок-н-ролла. 16 видов грибов из Мексики – это тема диссертации номер один, но медитация – тема, которую невозможно игнорировать. И, как известно, Лири детально характеризует творчество Циммермана, Боба Дилана, который, если я изучил правильно доступные материалы, – параллельный Владимир Высоцкий. В 1961-1964 годах Боб Дилан собирает на стадионах аудиторию и поёт перед ней чисто бардовские песни, типа

*Who killed Davey Moore,
Why an' what's the reason for?*

Это чисто волевое искусство – «хочу и буду». Я мог бы привести ещё любимые мной примеры, когда некто «собирает на стадионах аудиторию», и это не имеет отношения к критике, общественности, общественным институтам. Тем не менее, общественные институты и критика не могут остаться в стороне и «лезут». А именно, и Тимоти Лири утверждает, что «литературная мафия» сделала Циммермана своим агентом. Но вопрос: только ради подключения к доходам шоу-бизнеса или ещё чего-то ради? В России-то не было ни секса, ни шоу-бизнеса – до Бари Алибасова, или кого там?

Вообще, существует бесчисленное множество оттенков любви. А ненависти как таковой нет, точнее, ненависть – это когда платят киллеру... Уточняю то, что я trying to say.

Существуют же нераскрытые преступления. Убить предумышленно и расчётливо можно, и есть вероятность, что не поймают. Представьте себе таких «удачников»: они не сидят в тюрьме, они вспоминают то, что сделали, но об этом нельзя говорить публично. Кто собрал статистику таких случаев? Вот это пример ненависти. А всё остальное – оттенки любви. Более того, иногда даже мысль в голову не приходит о том, чтобы кого -нибудь убить, хотя *if looks could kill they probably will...*

Данная исключительность «квантовой истины» наводит на размышления. А что такое Истина и Правда вообще. Да! Историю творят люди. Одинаковых людей нет. Позиционируя себя во второй сигнальной системе, просто полезно и awarding врать, лгать и помогать спецслужбам разгонять оранжевые революции. Это у Ньютона абсолютное пространство, и «тело» одинаково летает и с Пизанской башни, и по орбите до самого Плутона. А что там наабсолютизировали человеки и напредлагал Фрейд – спросите у методологов, которые восстанавливают СССР. Впрочем, Александр Зиновьев писал: «не подам руки стукачу». Молодец, видимо, таки да, были случаи, что он не подавал. И пигмеям Горбачёву и Ельцину тоже досталось от него, по возвращении из Мюнхена в Московский кружок.

Всем известно, что Тимоти Лири был агентом. Он там пишет о небесной политике, нейрополитике, политике экстаза, об агентах

par excellence, на которых держится цивилизация. Но когда его посадили в тюрьму, он там стал писать письма в FBI и сдавать товарищей по IFIF (International Foundation for Internal Freedom) и S.M.I.I.L.E. (Space Migration, Intelligence Increase and Life Extension), и просто всех, кого знал на западном побережье. Для того, чтобы его выпустили из тюрьмы досрочно. Ушлый Циммерман и другие люди Love Generation были заинтересованы в экономических зонах, где можно уклониться, видите ли, от уплаты налогов. Удивительно, что обстоятельства сотрудничества Лири с ФБР стали доступны для всех – у меня есть его биография, она продаётся во всех Chapters.

Проводя аналогии между поколениями, one dimensional men в Калифорнии и теми, кто надувал паруса на «Бригантине», взявшись за руки, чтобы не пропасть по одиночке... Как тот попугай Хазанова, который пролетал на городом Орлом в году пленума об усилении идеологической работы... Я хочу сказать, что по той самой теореме Белла о вероятности спонтанного квантового взаимодействия, про которую знают только умники старшие научники и Ph.D., пропагандирующие любовь к кислоте... В общем, понятно, что я trying to say. Понаведаетесь в архивы. Или заплатите немного в нужное время и в нужном месте, вам из архивов вынесут.

В Канаде и, видимо, вообще в странах золотого миллиарда, предпринимаются попытки глобального социологического исследования того, как население сотрудничало с beasts. По крайней мере, с гестапо при Гитлере. Что касается Сталина – я не знаю, наверняка материалы для диссертаций найдутся, но пока это «не обнародовано». Что касается нацизма, Геббельса, Холокоста – у меня есть и книги, и фильмы. Да, Большой Брат хотел любви. Любви как спектра оттенков ненависти. Если с этой точки зрения посмотреть на уроки Счастливых Шестидесятых – что мы выучим в школе матушки истории... Я, по крайней мере, для себя нашёл там нового бога – который существует и должен прийти, но пока это общая идея, некая будущая истина. А все Боги Библии, увы, умерли. Так говорил Заратустра. В СССР не было ни секса, ни гомосексуализма, ни религии – один государственный антисемитизм хотел рулить и вырулил в штопор. Интересно, что чисто милитаристская разработка, коммуникационная сеть для атомного похода, трансформировалась в Интернет. И поколение Сети получило в наследство нечто. А что именно? Трудно сказать – нужно лет 100 наблюдать за явлением. Но ясно, что «заправлены в

планшеты космические карты», а Большой Брат на Земле почти умер также. Теперь Большой Брат наблюдает за нами из космоса. Тимоти Лири, умирая, так и сказал своё последнее слово – «поехали!». Так или иначе – примерно все говорят одно и то же...

Броненосец Потёмкин уже никого не вдохновляет. Подумаешь, черви в супе! Есть сети ресторанов быстрого питания. Вес набирают, вес сбрасывают. Drop in, drop out. Суперкоммерческий рок-н-ролл Pink Floyd уже показал, каких червей следует ожидать и опасаться со стороны всемогущих боссов, раскуривающих папиросы, отнюдь не «Беломорканал». А мы-то, офисные топ-менеджеры, прозябаем между вакациями в снега Килиманджаро и в музей Эрмитаж. Хотя Академия Пджеа и DeJa Vu со всем разберётся.

Да, Хемингуей предвидел дешёвые туры к Махариши в Индию. У него там потерянные поколения, яйца фугасом оторвало в Первую Империалистическую. А Лири, Керуак, Барроуз, Гинзберг уже не пропадали. Они менторы и прозелиты следующего поколения, от генерации битников – генерации хиппи, география trips расширяется.

А тут ещё LSD оказывается ответом небесной космической обороны ядерным экспериментам Трумена в Хиросиме и экспериментам Сталина в Языкознании. Но как-то химическое стимулирование не прижилось. Потому что кислоту забивает героин, который всё же груб.

Я знаю человека в Израиле, который живёт на «системе» – то есть на системе из капельницы и иглы. Он описал мне героиновый финал. Он в Нетании, на побережье Средиземного моря, лечится от этого электрошоком, но говорит, что электрошок – это совсем не больно. Израильский электрошок. Он ездит в психушку и принимает свой сеанс электрошока под общим наркозом. Он спит, к нему подключают гуманные электроды – он просыпается и едет домой, к своей «системе» и платит наркодилерам. Ах да – ещё в той психушке есть кабинет арт-терапии. Там – пластилин, всё, что требуется для акварели, и фантастические мелодические песни на современном иврите.

Groovy музыка поколения любви трансформировалась в дискотеки с удовольствиями от таблеток экстази, и это уже не pot шестидесятников. Это просто такой очищенный sex drive, и

уже не требует прикалывать цветы к причёске, если ты едешь в Сан-Франциско.

Но позволено при Обаме много, и явно больше, чем было позволено при Никсоне. Не рекомендуется кричать на каждом углу, как ты счастлив, это да, нужно быть скромнее, хотя счастье, можно сказать, куётся на конвейере, входит в пакет банка, в потреблятскую корзину и даже на велфере можно поговорить, если прислониться к сухой тёплой стенке.

Книги Лири, Спилберга и Уотса продают в Cannabis Culture Headquarters Store. Я видел «Космический Триггер» на книжной полочке в Ванкувере. Вообще, я выписал с amazon.com несколько дешёвых переизданий Тимоти Лири. Впечатление лубка. Везде-то они впечатывают этот титул «Ph.D.» и излагают схему «попадания» и «выпадания» популярным языком для парикмахерш. Но и парикмахерши из Net Generation плюют на титул. Хотя на самом деле аутентичный Тимоти Лири писал лучше – иногда он и действительно взламывает социальные табу. Систематически он пытается излагать свою теорию нервной системы – но это уже не по вкусу «настоящим Ph.D.», обязанным соотноситься с цензурой и диссертабельными авторитетами. В России и в постсоветской Вокруг-России обитают так называемые научники. Они себя считают лучше.

Как я уже сказал – нам интересны результаты. Потерянное поколение – что это такое? Если смотреть «сентиментальными глазами» – собираться, выпивать, закусывать, вспоминать каждому своё, то это хорошо с точки зрения группы или коллектива некоторого типа. Скажем так, тип этот может варьироваться неожиданно – ветераны обкомов КПСС, поклонники кислоты и фестиваля Woodstock, узники сиона из СССР, накопившиеся в Израиле. Каждый тип потерянного поколения гладит себя по голове, поёт в своём клубе самодельной песни. Если цель именно такова – в узком кругу собираться вокруг костра своей клубной истины – то да здравствует свобода! Но, какие-то сталкеры, и, я думаю, из молодых, которые ещё не определились со своим выбором клубной истины, всё-таки пробуют поместить себя «вне измерений» и подыскать нечто для своего поколения. Возможно, через 40 лет они также сядут в кружок вокруг костра, но пока они ещё не присели... Они пока, как пришельцы, – смотрят и изучают НАС, которые потерянные, мудрые до дури от своих персональных

сорока лет любви и ненависти. И в таком случае остаётся вопрос: кому нужна эта история, чему можно научиться у поколений, которые оставили артефакты, публикации, архивы – но сами в это всё не хотят верить?

Последняя книга из числа букинистических про Тимоти Лири, которую я достал, – «Flashbacks»; причём, кажется, с автографом самого Лири, посвящением каким-то Neusa и Raimond, to distinct individuals. Это personal and cultural history of an era, или автобиография Лири. Кому она нужна? Книгу продали мне, возможно, внуки – распродают хлам дедушки и бабушки. И у меня дома такого хлама накопилось, и распродать-то будет некому, просто выбросят, как прочие тюки с имуществом. Видимо, книг Тимоти Лири, которые у меня есть – мне хватит. Тем более, что среди аутентичных много «конспектов», почти комиксов для чайников.

Но во «Flashbacks», в главах про побег из тюрьмы в Кабуле, затем арест в Кабуле, затем про впечатления о тюрьме Folsom, также упоминается книга «Neurologic», которую Лири написал в тюрьме with two-inch pencil stub. Я бы её купил себе. Хотя тезисы также воспроизведены в «Design For Dying», которую я знаю.

Говорят, продано миллион копий «Neurologic», переведена на французский, немецкий, испанский, японский. Хорошо иметь «писательскую жену», которая бегаёт по редакциям, когда ты сидишь в тюрьме. Но интересно ещё то, что в этой тюрьме Folsom Лири писал эту книгу, а не только доносы в ФБР, если верить биографам. Я попробовал найти во «Flashbacks» что-нибудь про ФБР. Что он там «обнародовал»... Escape Plot... страница 350. Есть! Но не так уж много о том, что есть в биографии некого Robert Greenfield...

Следуя пояснениям самого Лири, ФБР запросило доносы на организацию «Синоптик» – «Weatherman». Именно она организовала побег из тюрьмы в Кабуле. Несколько далее, по тексту «Flashbacks», утверждается, что в деятельности этой организации были замешаны сами агенты ФБР. Собственно, эту информацию раздобыла Джоанна, которая также бегала по издательствам с «Neurologic». FBI было замешано во взломах квартир, за что следовало посадить 20 агентов или сколько-то там. Но если бы удалось получить от Лири доказательства, что CIA (foreign powers) замешаны (или, как при Сталине говорили: болтун – находка

для шпиона), то взлом частных квартир можно было бы считать хорошей работой, а агентов бы отмазали. Эти подробности в книге Greenfield отсутствуют, но правда в том, что речь шла о сроке в 10 лет. Досрочное освобождение в обмен на показания. Да, Тимоти Лири согласился давать показания.

Что это за «Weatherman»? Вам не нужен синоптик, чтобы узнать, куда дует ветер. «You don't need a weatherman to know which way the wind blows». Bob Dylan, «Subterranean Homesick Blues».

Самыми известными операциями «синоптиков» были:

- организация побега Тимоти Лири 12 сентября 1970 года.
- взрыв в здании Капитолия 1 марта 1971.
- взрыв в Пентагоне 19 мая 1972 года (в день рождения Хо Ши Мина), который вызвал затопление, опустошившее секретные данные на компьютерных плёнках.

С окончанием войны во Вьетнаме организация самораспустилась. Обвинения со многих членов организации были сняты, так как ФБР нарушало законодательство при проведении расследований.

Вообще-то, если говорить о революции применительно к движению 60-х в Америке, то это как бы границы той самой революции. Левее уже ничего не было, может быть, Чарльз Менсон, но это уже не революция, а уголовщина. Но так или иначе, студенты, новые левые, читатели книг Герберта Маркузе, которые особенно не отличали Мао от Че Гевары... ФБР, собственно, делать было нечего, было там постановление об усилении расследования и наблюдения за безработными, хипстерами и докторами философии, интересующимися наркотиками для расширения сознания.

То, что они врываются в дома и взламывали частную собственность, – это, как говорится, «место встречи изменить нельзя!». Но всё же взрывы как протест против войны во Вьетнаме заслуживают упоминания в Пантеоне Героев.

А теперь чему же научилось у того – это поколение, поколение Сети и интернет-технологий. Есть! Смотрите infowars Алекса Джонса. Я смотрел его документальный фильм о борьбе с Новым Глобальным Порядком, о заговоре Группы Билдерберга и о расследовании 9/11 как Inside Job.

В отличие от битников, которые ездили from coast to coast на всём бензиновом, что могло ездить, в отличие от хиппи, которые

начали вертикальный взлёт в космос с помощью средств медитации, поколение Сети путешествует, не выходя из дома, с помощью devices. Поэтому не совсем очевидно – чем они занимаются, смотрят весёлые картинки на мониторах? А когда же бомбить?

Если сравнить российские и англосаксонские сайты демотиваторов, то российские жёстче, а на англосаксонских попадаются чаще загадки, лингвистические коаны, не столько смешные, сколько требующие умственного усилия и декодирования. Что касается видеокастинга, постов в форумах и блогах, то самое простое – назвать это всё помойкой. То есть, люди просто не понимают – зачем это всё открыто и где тут свобода. Более того, в Сетях сидят тролли. В Сетях сидят парикмахерши, домохозяйки, которые «флудят». Порядочные люди уже написали книги о том, как оставаться человеком в век электронной мафии. Да и демотиваторы регулярно напоминают друг другу – не пости дерьмо. Но проблема в том, что технологическое открытие уже не закроешь, с ним надо жить.

Человек старой закалки или, читай, человек из старой советской России, видимо, уже не откажется от убеждения, что сколько бы обезьяна ни стучала по клавиатуре... и прочее в этом роде. Те, кто родился в 21 веке, видимо, защитный иммунитет к информации вырабатывают. Всё же мозг и нервная система – гомеостатические машины. Но вот что удивительно – что человек из Прошлого, Тимоти Лири, был на стороне киберкультуры. Таких мало, но может быть, они правы.

LEE SIEGEL

«AGAINST THE MACHINE»

Рецензия

Любая реклама, тонкая или грубая, не приводит к обязательному исходу – акту выбора, и тем более выбора в пользу дистрибьютора. То, что рекламы стало много, – это факт, допустим, когда-то не было даже предметов рекламы. На самом деле никто не заставляет ПОКУПАТЬ.

Если выработать иммунитет к рекламе, сосуществование с бизнесами и сетевыми технологиями вполне реально, и ужасы, которые описывает автор книги, исчезают. Тем более, что никто не отменяет нормальное образование, и в школах всё-таки дети слушают человеческую речь.

Не секрет, что объектом бизнесов стало ВСЁ, что может быть продано и куплено, – всё online. Если раньше оставалось что-то «святое» или просто нематериальное, было проще поставить какой-то барьер, табу или методологический критерий. Сейчас даже онтология стала смешанной объективно-субъективной, то есть свойства предметов оцениваются не так, как раньше. Нельзя доверять науке: учёные сами не знают, за кем остаётся последнее слово.

Но особенность современности в том, что наука желает сохранить за собой свои функции, наука за это будет бороться.

С этих позиций и нужно рассматривать отношение различных партий к блогосфере, качеству сетевого образования, к поколению людей сети с laptops in Starbucks – о чём и пишет автор книги.

Но говорить просто о рекламе неинтересно. L. Siegel перечисляет изощрённые ужасы электронного бизнеса – какой-нибудь google

bombing. Впрочем, этими вещами занимаются отнюдь не аморальные люди, и автор утверждает другое: то, что продвигается в поисковиках, не обладает релевантной ценностью. Тридцать тысяч человек нашли и прочитали не самую популярную статью, а популярную статью о популярности. Искать в интернете полезную информацию и отличить её от популярной – трудно.

То, что интернет – это просто ряд удобств для заказа авиабилетов, пиццы на дом, банковских операций, никого уже не вдохновляет, это само собой разумеется и к этому привыкли, как к почтовым лошадям когда-то. До сих пор не ясно, что такое user-generated content. Я лично считаю, что окончательно с этим разберутся только археологи будущего.

Содержание сайта, полностью контролируемое пользователем, означает не просто отсутствие цензуры, но и неограниченные возможности самоцензуры. Можно бесконечно редактировать текст, можно модерировать любые комментарии. И статьи в Wikipedia можно редактировать в зависимости от конъюнктуры. Так ли это хорошо, и приведёт ли это к «мегадемократии»? L. Siegel утверждает: ни в коем случае. Очень мало людей, которым есть что сказать человечеству. Videоблоги на youtube, сайты сетевых писателей и поэтов, так называемые треш-ресурсы это наглядно подтверждают.

Пять Открытых Суперсекретов by L. Siegel:

1. *Не у каждого есть что сказать;*
2. *Мало людей могут сказать что-то оригинальное;*
3. *Горстка людей умеет хорошо писать;*
4. *Большинство людей готовы на всё, только чтобы понравиться;*
5. *«Потребители» (customers) всегда правы – «люди» (people) не правы.*

В другой книге говорится точнее: *«В веру обращают вовсе не для того, чтобы освободить, но для того, чтобы сковать цепями.... Вас будут преследовать, заставлять творить и делать своё творчество достоянием публики, поощрять ваше стремление к скрытой славе – предел желания деликатных и безвольных людей. Энергично и чрезмерно, с деланным восторгом они хвалят ваши робкие опусы, устраивают так, что за вами следуют толпы*

читателей, этих вездесущих и неявленных убийц. Совершив это злодеяние, они успокаиваются и отходят в сторону...» (Э. Чоран, «Портрет цивилизованного человека»)

Интернет, блоги и видеосайты открывают безграничные возможности для творчества, о котором идёт речь, о творчестве, которое, к сожалению, может оказаться никому не нужным.

Естественно, что в научных сообществах, и вообще в традиционных творческих союзах, такой свободы нет. Твёрдые копии трудов хотя бы складываются, и реферируются, и передаются ученикам академиков. Список трудов иногда важнее, чем содержание трудов, но это всё же статический content, поощряемый тем или иным комитетом по ДРУГИМ ПРАВИЛАМ. Всё, что делает L. Siegel, – сравнивает правила. Старые правила известны давно, новые правила – плохие, и автор книги приводит множество примеров, которые, в общем-то, сводятся к тому, что можно по неопытности жениться online на корыстной женщине.

В частности, в книге усиленно критикуется «революция третьей волны», которую описывает Тоффлер (Alvin Toffler). На несколько другом языке можно переформулировать критику Тоффлера так: он выполняет социальный заказ большого бизнеса. They begin to define human life in strictly commercial terms. Alvin Toffler has had a genius for that kind of formulation. Я внимательно читал «Третью волну» Тоффлера и некоторые другие его книги, и мне кажется, что всё не так просто.

Сама по себе концепция «Третьей волны», может быть, – и журналистский brand, хотя нельзя требовать, чтобы всякая концепция опиралась на историю западно-европейской философии. В то же время это довольно точная позитивная концепция, демонстрирующая, что современный капитализм и американский глобализм МОГУТ ВЫЖИТЬ. Если кому-то это не нравится, это особая тема – кто-то хочет доказать себе, что Америка на краю гибели, не важно, это – особая установка.

Если мы живём всё же в период революционных преобразований, то они повлекут изменение менталитета людей, причём менталитет сетевого поколения – net generation – одинаков, что в Америке, что в России. Новое поколение в России уже не помнит «известные принципы» и просто ждёт, когда поколение «совков» вымрет. Напоследок старые советские люди, которые, как известно, жили в

«детском саду» и не работали, а делали вид, что работали, – теперь могут оставить наследство в интернет-блогах.

Конечно, L. Siegel мало что знает о России, но случайно его content оказался близок российскому – выступление против массовой культуры, Internet High Culture, которая стала fatal run of democracy.

Другая важная тема в книге – это «оскорбление науки», возможность неконтролируемой активности в сферах, куда раньше вход был ограничен. Люди искусства ещё ладно, но графоманы... Причём L. Siegel всё время описывает какого-то идиота, который log himself to social network или что-то там покупает на ebay. Более серьёзные примеры – это школьник, который ориентируется на популярность, готов упаковать свою индивидуальность во всевозможные профайлы, якобы такие ребята всегда были, а теперь «у психов свой Интернет»... Да, это НОВОЕ – раньше такого школьника просто били на перемене. Но можно предположить, что наука и образование, которые связаны с колледжами, университетами, приспособятся, пустят в ход ресурсы communication studies или психологические ресурсы, coaches. Другими словами, пользователей сети надо воспитывать. Я думаю, что в где-то в Лондоне эти новые методы уже давно изобрели, судя по тому, какие у них интернет-сайты.

И, наконец, про Новый Модем Голого Короля – 70 миллионов блогов в 2008 году, 40-50 тысяч блогов создаётся ежедневно. L. Siegel всё-таки утверждает, что это – патология. В Америке нельзя критиковать Интернет, так же, как нельзя критиковать демократию... «Нельзя» – только в определённых смыслах, так как в принципе в Америке можно критиковать всё. Имеется, вероятно, в виду, что можно, что нельзя в рамках каких-то lobby и каких-то правил для людей, пользующихся преимуществами социальных ниш.

Но на самом деле книга «Being Human in the Age of the Electronic Mob» – книга о будущем. Опасения, в ней высказанные, окончательно не разрешены. Это интересная книга, потому что век электронной мафии только начинается. Человеком надо, конечно же, оставаться.

ФАРМАГЕДДОН

(Инструкция для желающих вылечиться от шизофрении)

Цель инструкции

В Сети можно легко обнаружить различные сайты по терапии психических заболеваний. Например, есть типичный сайт «доктора Синельникова». Ещё двадцать лет тому назад таких сайтов, форумов, блогов было либо очень мало, либо о них мало кто знал. Теперь же налицо наводнение.

За этими форумами в сети стоят как врачи, так и лица малообразованные, но, главное, это user generated content, то есть то, что пишут больные люди сами. Впечатление от данного вида «творчества» крайне негативное. Я хочу этим людям помочь.

Я хочу обсудить тезис, который звучит резко, но я попытаюсь его обосновать. А именно: то, что единственно правильное отношение к собственной душевной болезни или к психической аварии, – полное игнорирование медицинского диагноза, установка на то, что диагноз – пустая условность, а в некоторых случаях – попытка сознательно ввести в заблуждение самого больного, его родственников и друзей.

То, что я пытаюсь сказать, не имеет никакого смысла для идейных душевнобольных, бомжей в поиске asylum, лиц, закосивших от армии. Другими словами, есть больные, которые не хотят выздоравливать, либо по ряду причин интересуются различными «льготами», считают себя «почти здоровыми», но находят радости и удовольствия в затянувшейся терапии.

В США психиатры выписывают в год примерно двести тридцать миллионов рецептов на антидепрессанты, что превышает число

рецептов на другие виды лекарств. Charles Barber написал книгу «Comfortably Numb: How Psychiatry Is Medicating A Nation».

*The child is grown,
The dream is gone.
But I have become comfortably numb.
(«Comfortably Numb», working title «The Doctor». «The Wall»,
Pink Floyd, 1979)*

Не секрет, что психиатрия тесно связана с фармацевтическими концернами, которые сами создают спрос на лекарства, а затем начинают «бег» – rush – удовлетворение этого спроса. Ничего подобного не было ещё в первой половине XX века. Так что антипсихиатрическая тема выходит за рамки медицины – и это предлог поговорить об индивидуализме как о духовной ценности.

Образ малограмотной медсестры

У Кена Кизи есть примечательный образ «старшей медсестры», которая оттеснила на второй план врача, более или менее знакомого с психиатрией, и захватила фактическую власть в отделении Комбината. Именно с такими медицинскими профессионалами чаще всего приходится иметь дело так называемым амбулаторным больным.

Вообще, «амбулаторные больные», или «наши больные», появились после эпохального изобретения в середине XX века нейролептиков. Раньше были характерные сумасшедшие, хорошо описанные в стихах Рильке. С точки зрения биологической реальности, никто не может отрицать, что иногда люди сходят с ума, становятся беспомощными, стационарными кататониками, и в этом случае помочь им нельзя.

Но то, что врачи «зря не лечат», – это ложь и вымысел той самой «старшей медсестры». Врачи-психиатры, если кто не знает, ОБЯЗАНЫ начать лечение, как только к этому появился повод. И несмотря на то, что «любой студент медицинского института» знает, что ход этого лечения непредсказуем, врачи ОБЯЗАНЫ в общем случае лечить вас пожизненно. Впрочем, врачи – всё, что

могут сделать, – наблюдают за ходом «процесса», а общается с вами вторичный персонал Комбината.

Врачи-психиатры прекрасно осведомлены, что случаи полной ремиссии возможны. Доктор Блейлер называл статистику: 50% случаев выздоровления. Но, к сожалению, медицина никакого отношения к этим случаям не имеет. Если через двадцать лет наблюдения за амбулаторным больным не находят «изменений личности», то никто не отменяет медицинские теории, говорят, что двадцать лет назад диагноз был поставлен неправильно. На самом деле – хитрее, говорят, что нейролептики помогли, но какая-нибудь там «юношеская гебефренная форма» оказалась «приступообразной», – они рады этому. Полная спонтанная ремиссия запрещена «школой», как вечный двигатель.

По поводу нейролептиков можно было бы пересказать всё, что пишут в антипсихиатрических форумах, но это и так хорошо известно – всё про тоталитарные режимы в СССР, в ГДР и на Кубе. Нейролептики назначают после признания факта, что больной не может сам справиться со своими состояниями. Многолетний приём нейролептиков создаёт фон для болезни. Подбор нейролептиков – жёстких, мягких, атипических – означает обход некоторых побочных явлений, поиск компромисса между той или иной формой заторможенности, степенями импотентности, степенями работоспособности, степенями угнетения нормальных сновидений, творческих импульсов. Иногда больные приносят участковому врачу написанные ночью стихи и спрашивают: а это ничего, что я сочинил это? Врач читает и говорит – можно.

С точки зрения химии и биологии, нейролептики – так же, как методы генной инженерии при воздействии на клетку, – ВСЛЕПУЮ подавляют те или иные группы сигналов в нейронах мозга. Фармацевтическая промышленность изобретает всё новые и новые препараты, действующие по-разному, но никто не умеет проектировать эти эффекты, всё выясняется методом проб и ошибок. Но для испытания препарата нужно кому-то принимать это лекарство годами.

Конечно, Ницше в последние девять лет его жизни никто не накачивал нейролептиками. В те времена сумасшедшие были предоставлены самим себе. Правда, буйных тогда сажали на цепь, а теперь с помощью аминазина – после нескольких уколов любой буйный превращается в кисель. Это наверняка – достижение

прогресса своего рода. Другое достижение – видеоролики в интернете, в которых разжиревшие тётки радостно сообщают, что они больше не слышат голоса и ладят в фитнес-клубе с нормальными соседями, – после того, как психотерапевт продал им патентованные таблетки.

Но, в конце концов, не в таблетках дело: кто-то принимает их, и они не мешают, – пусть попробует заменить на плацебо, на антипсихиатрических форумах утверждают, что тоже действует. Дело в социализации вокруг этого. Санитар может в тихом месте ударить больного, а арт-терапевт объяснит больному, как прекрасно место, где он находится здесь и сейчас.

На протяжении вашего неустойчивого состояния между «сбросом в состояние киселя» и приходом в волевое состояние – лучше всего совершить побег, вас вернут, но отпустят скоро, так как вы уже «не хотите лечиться» – за вами наблюдает та или иная малограмотная Старшая Медсестра, уполномоченная сообщать о ваших настроениях врачу за ширмой, заполняющему на вас документацию. Корректировки вашего поведения – или два кубика реланиума, или два кубика аминазина. Есть варианты – грязная психиатрическая больница в Мухосранске или мажорное Кашенко с интернет-кафе и его обитателями.

Родственники

Если родственники отсутствуют, да ещё и нет собственного жилья – дело плохо. Вы наверняка станете местным героем. Может быть, не на час, а лет на десять – вспомним «Жену керосинщика». Как правило, родственники объявляются, и вообще говоря, если мать или жена приложит минимальное усилие, вас выпишут через несколько дней. Не всегда родственники хотят вас забрать.

Во-первых, неизвестно, как вы расставались с вашими родственниками... Возможно, они-то вас сюда и сдали, и за дело... Во-вторых, возможно вас ПОКА ещё любят, но так или иначе просчитывают разные варианты, которые описаны в разных источниках жизненного опыта, а также опираются на консультации с врачами. Надо сказать, ваша психическая авария (и какая по счёту?) для ваших родственников – очень неприятная проблема.

Так что родственников надо жалеть и помогать им.

Кстати, не секрет, что частый исход обострившегося состояния – суицид, это когда врач-психиатр скажет – «жалко». Если у вас есть склонности к этому, то вы не можете не согласиться, что вас спасают от вас же. Лечитесь, пока не успокоитесь. Или... это уже другая тема.

В конце концов, всё же наступит такой момент, что вы и ваши родственники, вы все, получите шанс всё начать с начала. Этим моментом надо воспользоваться. И в первую очередь надо действительно НАЧАТЬ. Всё, кошмар кончился, опирайтесь на свои ресурсы, как будто НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Здесь можно было пересказать всё, что пишет Маслоу про самоактуализированных самодостаточных людей. Но, наверное, что-то вы уже слышали похожее. Может быть, вы не знаете, ни кто такие социологи, ни кто такие психологи, но одно вы должны знать: ваш участковый врач-психиатр – сволочь. Пусть уж он меня простит...

Ваши родственники не могут думать так же, потому что они не пережили того отчуждения, которое пережили вы, им не выворачивали карманы в приёмном покое, они не «клеили коробочки» под наблюдением добряка арт-терапевта.

Друзья

Даже если вы сниметесь с учёта у психиатров, купите себе «BMW», женитесь в третий раз – друзья ваши будут припоминать то, что у вас был официальный медицинский диагноз. Каждый раз, когда им будет что-то не по вкусу, они будут говорить: ну что взять с сумасшедшего?

Тут уместно задать вопрос: а что такое вообще любовь к ближнему? Если вы хотите иметь друзей, хотите, чтобы вас любили, единственная рекомендация – любите их сами, без ожидания взаимности. Они говорят – сумасшедший, а вы им – братья мои! Пока вам не надоест эта игра.

Как известно, в наше время всё держится на интерпретирующих науках. Какое вам дело до интерпретаций вашей личности? Сообщите друзьям факты о себе и предоставьте им эту возможность – интерпретировать эти факты до конца их жизни. Факты вашей

творческой жизни – стихи, прозу, рисунки – сдайте в библиотеки и музеи, пусть их интерпретируют после вашей смерти.

Если вы не будете следовать этим советам, среди ваших друзей найдётся малограмотная Старшая Медсестра и добряк Арт-Терапевт, они будут следить за тем, что вы делаете правильно, а что неправильно – и уже не на территории больницы, а по всей вашей жизни.

Страна проживания

На самом деле состояние индивидуальной психики сильно зависит от состояния социума, культуры и страны, где живёт больной. Так сказать, всё общество в целом подвержено процессам расщепления сознания, а далее, состояние общества отражается на людях. Специальные исследования одной контрольной выборки историй болезни показали, что в США и в Англии диагнозы «одинаковых болезней» ставятся по-разному. В США преобладает диагноз «шизофрения», а Англии – «депрессия». Хорошо известно, что в СССР изобретались такие болезни, как «вялотекущая шизофрения» и «хиппи-синдромы». Конечно, были случаи чисто карательных помещений в больницу здоровых людей – например, по звонку из парткома КПСС, с трапа самолёта, по заданию спецслужб, по указанию военкомата и тому подобное, но не так уж часто, как пишет В.И. Новодворская. Тем не менее, верно то, что психиатрия по своей сути – карательный институт, комфортное место для врачей и их affiliates, отрицательно переживающих инакомыслие. Любая личность, устраивающая себе или своему клану некоторый «отдельно стоящий остров» из своих предрассудков, со склонностью подавлять инакомыслие, охотно делит мир на таких, как сама данная личность, и сумасшедших. Психиатры, как правило, защищают от инакомыслия достаточно большую группу «нормальных» – слой общества, связанный с государством и властью.

Так или иначе, ваше душевное заболевание может полностью исчезнуть при переезде в другую страну. Конечно, не надо всё понимать буквально. Не все могут уехать из страны. Михалков-Кончаловский имеет квартиры в Америке, Европе и России. Вам такой образ жизни тоже помог бы. Но дело не в географических перемещениях. Пользуйтесь культурой, даже

точнее, культурами. Полезно много читать, смотреть фильмы. Ваш дежурный психиатр отметит, что «наш больной» – с хорошим интеллектом.

Паттерны реальности

Рассуждения по поводу психических болезней – всего лишь преамбула.

Если плодотворно упростить ситуацию, то психиатры – это люди, всего лишь требующие послушания. Правила игры для «больных» – выполнять рекомендации. В психиатрическом госпитале эти правила жёстче, а снаружи – могут быть либеральными, вплоть до поощрения творчества душевнобольных.

Так что имеет смысл обратиться к более широкой теме: о какой реальности заботятся психиатры, и что это за оплот жизни – реальность?

В прошлом веке ещё была в ходу привычка пропагандировать жизнь замечательных людей, великих и гениев. В конце прошлого века появилась мода на успешных людей. Изучать успешных людей начали всерьёз. Маслоу называет их самоактуализированными людьми – людьми, что пышут здоровьем. Психотехнологии НЛП исторически начинались с протоколирования привычек и «магии» успешных людей.

Вся «жёлтая пресса» посвящена успешным людям. Яркое представление об успехе «для масс» можно получить на семинарах «супервизоров herbalife».

Можно, конечно, встать на позицию русских аутсайдеров и связать эти явления с негативным культом денег, Золотого Тельца. Ругать товарообмен можно сколько угодно, но при этом имея какой мотив? С точки зрения прогресса и эволюции человеческой жизни, это бесполезно. Всё равно холодильники с встроенными микропроцессорами будут продавать и покупать – они ничего плохого сами по себе не несут людям.

Таким образом, есть реальность чисто физическая и реальность более тонкая. Первая реальность – например, доведённый до совершенства двигатель внутреннего сгорания, или все верят в то, что атомные бомбы могут взорваться реально, как было в Хиросиме. «Настоящие физики», а не какие-нибудь там хлюпики, имеют know

how на эту реальность. А хороший пример второй, более тонкой реальности я встречал в рассказах Александра Куприна: «От, из-звольте. Уся рота, ч-чёрт бы её побрал, идёт не в ногу. Один п-подпоручик идёт в ногу».

Лично я запомнил этого подпоручика с детства и всё время ловлю себя на подобных психологических состояниях.

Но кому нужна психология, когда для успешных людей процветает социология – психиатрия для здоровых? Точнее, для не скомпрометированных медицинским диагнозом. Это моё определение социологии ничем не хуже определения Ленина: дескать, коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация колючей проволоки.

В литературе альтернативной («Убить пересмешника») Харпер Ли от имени восьмилетней девочки упоминает «десятичную систему Дьюи» для первоклашек: «...мисс Кэролайн преподаёт по новому способу. Её этому выучили в колледже. Скоро во всех классах так будет. При этом способе по книжкам почти не учатся, вроде как с коровами: если хочешь узнать про корову, надо её подоить, ясно?»

Действие романа происходит в 1935 году, но и семьдесят лет спустя социология занимается тем же самым.

Припоминаю следующий рассказ, говорили, что это пример из реальной жизни. Где-то в Риге, на каком-то бульваре, успешный человек, чемпион мира по шахматам Михаил Таль, обнаружил каких-то пенсионеров, играющих в шахматы. Таль стал играть с одним таким и почему-то проигрывал... В конце концов Таль сказал: «А ты знаешь, кто я такой? Я – Таль, чемпион!» Ему сказали: «Ну и что? Я тебя узнал давно».

Другой пример – ситуация с мутантами. В определённой экологической нише процветает некоторое абсолютное большинство здоровых особей. Но это до поры до времени. В какой-то момент – изменяются условия – большинство вымирает, а мутанты заполняют всю нишу. Так было с динозаврами. Если, конечно, динозавры существовали «реально», кто знает, если Бог сотворил мир за семь дней шесть тысяч лет назад, – что это за кости, что выставлены в музее? Undercover философы, начиная с Декарта, призывают во всём сомневаться.

Также припоминаю рассказ о том, что бывшие жители СССР, оказавшись в развитых капиталистических странах на постоянном

жительстве по-разному воспринимают рыночное изобилие. Мужчины часто страдают ностальгией, в то время как женщинам по душе супермаркеты. Женщины из СССР совсем уж низкого ранга, если верить лживой «жёлтой прессе», просто выносят из супермаркетов продукты, не заплатив. Женщины из СССР высокого ранга пишут диссертации в университетах, то есть делают shopping высших ценностей. Гендерная дихотомия, конечно, условна. Каждый человек немного бисексуален – в женщине живёт мужчина, в мужчине – женщина.

Так или иначе, я привёл паттерны реальности счастливых людей.

*Doctor Doctor, what is wrong with me
This supermarket life is getting long
(«Amused to Death», Roger Waters, 1992)*

На самом деле Doctor тут совершенно ни при чём. Doctor, или вообще иной Ph.D., растерян не меньше, чем «больной». Зачем позволять «лечить себя» годами людям, которые всего лишь своевременно получили свой медицинский membership...

Паттерны подчинения

Можно подумать, что я призываю к бунту. Я всего лишь рационализирую бунт. Очевидно, существуют альтернативы поведения. В детстве всех нас приучали слушаться взрослых, родителей, учителей. Послушание – сознательный выбор многих людей. Даже такой человек, как Jimi Hendrix, сообщает о себе: «*My dad was very strict and taught me I must always respect my elders. I couldn't speak unless I was spoken to first by grown-ups. So I've always been very quiet*».

С точки зрения социологии и статистики, большинство населения не просто законопослушно, но и безынициативно. Парадоксом является то, что пассивность сочетается с агрессией, например, при поддержке фашизма и тоталитаризма. Психология ещё поощряет индивидуализм, а социология уже ставит рамки и предлагает правила, регулирует. Социальное страхование распределяет «каждому по закону». Впрочем, законы могут быть не такими уж и

плохими. Есть разница между тюрьмой в Амстердаме и тюрьмой в Чите. Впрочем, возможно, везде уже заключённые смотрят телепередачи, а жертвами гомосексуального насилия становятся не зависимо от грубости насильников, а по личной склонности и биологической предрасположенности к подчинению силе. Да и любовь жертвы к насильнику – вполне реальный случай.

Пассивные люди имеют свои ценности и, видимо, также определённые преимущества. Можно восхищаться детьми индиго, но эти дети должны, в первую очередь, научиться держать свои амбиции внутри, быть quiet.

Сальвадор Дали написал автобиографию, в которой утверждает, что мания величия – это его нормальное состояние. Но, конечно, это итог его карьеры. В начале пути необходимо валять дурака, держаться скромнее.

В детстве я не был индиго, а был простым вундеркиндом, и с тех времён сохранил многие предрассудки. Dawid Bowie утверждает то же самое: «My basic outlook is still much the same as it was when I was fourteen». Один из предрассудков заключается в том, что успех в жизни зависит от задатков, способности и, так сказать, таланта. Я хотел заниматься наукой и прилагал какие-то к этому усилия до тех пор, пока надеялся, что у меня могут быть способности к этому, не социально приобретённые, но врождённые – или, так сказать, божий дар. Какие-то признаки одарённости у меня были совсем в юном возрасте, когда я интересовался биологией. Интерес к биологии был подавлен рядом серьёзных обстоятельств, но, как Адриан Леверкюн, доктор Фаустус Томаса Манна, пошёл изучать теологию и богословие, я пошёл в университет изучать математику, так как казалось, что математика – «универсальный язык науки». На третьем семестре стало ясно, что математических способностей у меня нет. Я сравнивал себя со студентами, которые имели ярко выраженные врождённые способности – и наукой я заниматься не стал. Хотя, впрочем, доучился и получил от этого образования как социального акта максимум того, что соответствовало моей природе. В общем-то, я считаю, что я подчинился требованиям советского общества, как утончённый пассивный гомосексуалист. Особенно это последнее относится к изучению в те годы в СССР обязательных идеологических дисциплин. Я и не пытался бунтовать против идеологии. Мне нужны были привилегии высшего образования.

Можно было пойти дальше, быть умнее. Не изобретать для себя личную религию, в данном случае математику как метанауку, а заранее вступить в научное сообщество, как в политическую партию. Посмотрим, чего можно было бы достичь. В южном Техасе обитает ночная птица – tropical nightjar. Некто Mike Wilson, координатор U.S. Nightjar Survey Network, изучает эту птицу двенадцать лет.

Это какое-то сверхтерпение, за которым стоят определённые benefits, привилегии, которые учёный birdwatcher получает, сохраняя за собой социальный статус Координатора Сети. Во всякую работу можно вложить душу.

Недавно я обнаружил разъяснения модной психологической школы – системно-векторной психологии – по поводу различия лидеров и вождей.

«Почему мы ошибаемся? Возможно, оттого, что на первых порах не можем понять довольно тонкое отличие между вождем (уретра) и лидером (кожа). А разница в том, что к лидерству стремятся из всех сил, а вот вождем ни к чему не стремится, он изначально имеет власть и просто берёт на себя то, что на него возложено от природы».

Я был приглашён на форум «Уретрального вектора» какой-то увлекающейся барышней. И с радостью прочитал там ещё следующее: «без здоровых, ведущих общество вперёд уретральников у нас нет будущего. Системно-векторная психология Юрия Бурлана даёт нам возможность перейти к правильному пониманию их природы». А вы говорите: «без здоровых, ведущих общество вперёд... шизофреников».

У Фрейда встречаются ещё более сложные построения, например, в истории маленького мальчика, который выясняет для себя вопрос, откуда берутся дети. Так или иначе, путаница всегда присутствует, более того, удивительно, как удаётся время от времени выпутываться, находить моменты истины.

Кстати, мне встречалось замечание писателя-психиатра, что проблемы личности, которые ведут к прогрессу шизофрении настолько ясны и понятны, что удивительно, как вообще существуют

здоровые люди, как им удаётся уцелеть среди шизогенных факторов.

Паттерны борьбы

Главный большевик Ленин упоминал экономическую и политическую борьбу. Вялотекущую борьбу профсоюзов и терроризм. Удачные реформы могут привести к построению неплохого земного рая. Однако в самом начале «другого пути» можно задуматься об основаниях и рассмотреть условия радикального изменения существующей реальности. Это паттерны Борьбы с большой буквы, или Большая Игра. Знаменитая классовая борьба, или «обострение классовой борьбы» – это, скорее, тенденциозный концепт, или базис спекуляций. Этому концепту соответствует какое-то значение, исторический смысл, но предназначен он для специальной ориентации сознания.

С другой стороны, борьба за выживание, борьба за место под солнцем, в частности, борьба биологическая, за продолжение рода, за корм, – признак здоровья. Душевнобольным свойственно регрессивное поведение – вплоть до того, что некоторые годами лежат на кровати, свернувшись калачиком, что соответствует безмятежному положению плода в утробе.

Многочисленные голливудские фильмы для подростков – сплошь и рядом программирование борьбы. На эгоизм героев фильмов в той или иной степени дозировано можно добавлять патриотизм, национализм, эстетизм. Когда я учился в школе, мне добавляли в литературу «партийность» и Пушкина, в музыку – «классику», Баха и Чайковского. Только прожив сорок лет, я встретил людей, которые прямо и открыто признаются, что не хотят слушать классическую музыку. Меня же, в провинциальном городке в СССР, как всех детей, определяли на курс фортепиано и на балльные танцы. А также почему-то считалось престижным изучать английский язык в «английской» школе, что оказалось миной в благонадёжности, противоречием между русским национальным тщеславием и здравым интернациональным смыслом. В четырнадцать лет музыка, рок-н-ролл, заменили алкоголизм и наркотики. «Music is a safe kind of High», – замечал Jimi Hendrix. Впрочем, в те мои времена в моём провинциальном городе ещё не было панк-рока, психонавтов с их

химической реальностью. Может быть, продвинутые уже нюхали клей и бензин, но я с ними – тогда – знаком не был. Впрочем, портвейны различного качества я застал.

В школе нам преподавали пример опустившегося человека – русского помещика Ильи Обломова. Но затем появились сомнения: а так ли уж плох этот добрый человек по сравнению с деловым и энергичным борцом Андреем Штольцом?

Жена Станислава Грофа, Кристина Гроф, написала серьёзную книгу в защиту наркоманов. Эта книга, конечно, – следствие какой-то должности в центре реабилитации. Но, так или иначе, наркоманы могут выглядеть не как жертвы кайфа, а как люди, пытавшиеся сопротивляться и бороться.

Так что бороться необходимо, это признак здоровья, но контекст деятельности настолько широк, что совпадает со всякой деятельностью. На практике к борьбе призывают разные лидеры с разными программами, политическими или харизматическими. Jim Morrison сказал: «Think of us as erotic politicians».

Он же, Jim Morrison, говорил следующее: «I'm interested in anything about revolt, disorder, chaos, especially activity that seems to have no meaning».

Так называемая нормальная наука, или shopping диссертациями, отрицает спонтанную биологическую борьбу и предлагает организованность – всякая борьба, якобы, требует предварительно создать лобби. Так было и с марксизмом в начале XX века, когда группа лиц решила опереться на аутентичные книги – чего стоит третий том «Капитала», в котором вариации на тему Гегеля записаны автором в перерывах между приступами невыносимой головной боли. Эта книга призвана была заменить Библию. В течение семидесяти лет каждая библиотека России обязана была иметь копию сочинений.

Хайдеггер сформулировал точно: «everything gained by the struggle becomes just something to be manipulated». Видимо, это – закон. Человеческая природа такова, что, получив любые привилегии, люди становятся эгоистами. Поэтому на Востоке существует «активное неделание».

Возникает вопрос: а есть ли различие между empowerment и liberation? «Empowering people», – пишет фирма «Acer» на заставках к своим компьютерам. Любая социальная программа – или фонд – так или иначе полезна для людей. Например, при

психиатрических больницах студия творчества – empowerment, не простая трудотерапия, клейка коробочек или натягивание плёнки на колбасу, а небольшое промывание мозгов, наставление, как надо жить.

Liberation – определённая активность или деятельность, направление, более тесно связанное с индивидуализмом. Liberation существенно иррационально, отметим дзен-буддизм на Востоке. Классическая музыка почти религиозна, нужно получить воспитание в музыкальной семье, и посещение концертов напоминает посещение церкви. Современной музыке присущ code of the street. В этот code входит шум, децибелы – но не всю свою жизнь все слушают одно и то же. Из шума извлекают messages – термин, который употреблял John Lennon. Эти сообщения, messages, могут стимулировать самостоятельное индивидуальное мышление. Для Запада они могут быть аналогичны восточным коанам. «At my concerts most of the chicks are looking for liberation, they think I'm gonna show 'em how to do it», – это цитата из Janis Joplin.

Борьба – столь широкое понятие, поскольку имеет смысл survival, борьбы за существование. В узком смысле это может быть очень частная программа, связанная с очень частными интересами.

Субкультуры маргиналов

Некоторые абсолютно здоровые люди готовы отказаться от правил, которые навязывает им общество. Некоторые законы только для того и существуют, чтобы их нарушать, например, шестьсот с лишним заповедей классического иудаизма. Для христиан сделали всего семь заповедей.

Но некоторые законы, например, закон сохранения энергии, нужно обходить более тонко – этот закон регулирует другие законы. Если вы желаете что-то нарушить и приспособиться жить по-своему, нужно учесть как свои интересы, так и интересы тех, кто заплатит за это. В результате получается душевный баланс.

Как известно, в развитых странах социализм построен: людей, которые не хотят работать, изолируют от людей, занятых бизнесом, тем, что им платят достаточно welfare, чтобы они НЕ МЕШАЛИ.

Вред, причиняемый маргиналами, может быть разнообразный: начиная от революций и бунта и заканчивая пробками на шоссе.

Любой мелкий работодатель хочет не просто делать деньги, а продавать счастье – иметь своих happy customers. С точки зрения покупателей счастья, продавец – всего лишь корова, которая даёт молоко. Когда-то экономисты прикидывали, сколько колбасы и водки нужно обеспечить наёмному рабочему в качестве прожиточного минимума. Сейчас ситуация уже не та, что была в начале прошлого века. Они научились гибкому менеджменту корзины потребления. Сейчас в корзину, как заметил также и писатель Пелевин, входит автомобиль и дом – «Toyota Camry» и mortgage.

В книге «Кризис современного мира» Рено Генон пишет: «... современный Запад не выносит людей, которые заведомо согласны были бы меньше работать и скромнее жить, и поскольку в расчёт принимается только количество, а всё, что не воспринимается органами чувств, считается просто несуществующим, то всякий человек, не пребывающий в состоянии ажитации и не производящий материальных предметов, с неизбежностью квалифицируется как лентяй и бездельник».

Некоторые хорошо известные субкультуры 60-х годов XX века на Западном Побережье Америки: субкультура профессоров из Калифорнии, экспериментирующих с ЛСД, хиппи, панки – закончили свои циклы. По крайней мере, это так, если рассматривать их как социальные явления. В библиотеках, музыкальных магазинах это всё осталось – сборники стихов Джима Моррисона, полное собрание сочинений Jefferson Airplane. «Пыль Панка» – punk dust – нельзя проигнорировать, так как эти люди, отказавшись от какой-либо музыкальной культуры, всё-таки создали свою реальность свободы.

Что такое дискриминация и расизм?

В такой стране, как Канада, дискриминации и расизма нет по определению. То есть, юристы придумали, сконструировали некоторое определение, и того, что это определение определяет, – нет. Что-то («в Датском королевстве») есть другое – нечто близкое к расизму и дискриминации, но что это – наука пока не определила. Just business, nothing personal.

Я не берусь манипулировать сырыми фактами, по крайней мере, сейчас, вот так сразу. Литература, музыка, искусство делают это, но без каких-то обозначений законности – на свой риск.

Почему некоторые формы психических заболеваний неизлечимы? Всегда ли вы готовы отказаться? То есть, следовать реальности того сорта, который считается почему-то высшим сортом?

Для Джима Моррисона obeying было равносильно смерти. Впрочем, он умер, когда ему было двадцать семь лет. Долгая счастливая жизнь предполагает душевный баланс. А лучший душевный баланс – Библия. В наши дни, может быть, и не Библия, но какая-то платформа, получившая солидные рекомендации.

Признаком нашего времени является светское нерелигиозное сознание. Простая политическая благонадёжность для вышеупомянутой стандартной корзины потребления. Предполагается, что есть что-то такое, что «не нужно покупать». Это «бьяка». Как у Войновича: нечто из «стран третьей каки».

*«And did we tell you the name of the game, boy,
We call it Riding the Gravy Trail».*

*(«Welcome To The Machine». «Wish You Were Here», Pink
Floyd, 1975)*

«Riding the Gravy Trail». This phrase is generally used interchangeably with terms like «sitting pretty» or «living on Easy Street». It means your life looks good and seems to be pretty easy, as far as the other person is concerned.

Дети индиго

Пора заканчивать. И хочется обратиться ко всем «детям индиго». Но есть ли в этом смысл, когда «индиго» сам обращается ко всем с собственными идеями. Ну, тогда напомним обитателям сайта доктора Синельникова и творческим людям из арт-студии при психиатрической больнице: ваши благодетели и инструктора вас обманывают по определению. Если то, что определяет определение – тот самый framework, который хотя бы частично отвечает вашим

потребностям... Как там у Тарковского? Хорошее сновторное...
надо брать!

Если попытаться обобщить диагноз шизофрении, можно далеко
зайти, хотя я и попытался это сделать. Лучшее, что я читал про
шизофреников, – «Больница Преображения» у Станислава Лема.
«Дела идут неплохо», но тут приходят эсэсовцы и всех больных
расстреливают. Главный врач пытается вспомнить, где у него
припрятан цианистый калий. Жалко и больных, и главного врача.

БЕНЕДИКТ САРНОВ

«МАЛЕНЬКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

Рецензия

Что такое идеологический яд?

Я читал эту книгу очень внимательно, ничего не пропуская, – почему-то содержание оказалось близким, мысли созвучными. «Новояз» и «Комната Любви» Оруэлла давно уже были для меня каноническими образами. Правда, книгу о языке третьего рейха я пока не читал.

Так или иначе, далеко не всем эта книга может нравиться. Как мне говорили – «в нашей семье никто при Сталине репрессирован не был»... А кто-то из пострадавших от тоталитаризма так ничего и не понял. Я знаю многих, кто продолжает считать СССР великой страной. Пусть считают и пишут свои книги, в которых, может быть, и сумеют передать что-то светлое, например, пусть пишут о песнях Окуджавы. Другая партия всё же не видит НИЧЕГО хорошего в том, что 70 лет на глазах всего мира «скотный двор» обещал сотворить чудо – пролгался и проворовался. Об этом и пишет автор «энциклопедии». В отличии от другой неплохой и весёлой «Энциклопедии русской души» Виктора Ерофеева, в книге Б.Сарнова мало эмоций, это почти научный трактат профессионального филолога, разве что украшенный русскими матерными анекдотами о советской власти.

Я лично пострадал от тоталитаризма, а именно от КГБ, в абсурдной кафкианской ситуации, – можно сказать, никак. Единственное обвинение, которое удалось сформулировать и предъявить, – то, что «они всё-таки читали Ницше!». Но в сером доме мне показали обязательные «портреты Феликса на стене»: писанный маслом в комнате для «хороших» и чёрный фотопортрет в комнате для «плохих», по ходу того, какие показания от меня ожидались. Показали также дворик – казематы, и стайку сонных сотрудников, которые складировали списанные портреты членов Политбюро, засиженные мухами. Но более интересное случилось на втором году жизни в Израиле, когда меня вызвали в «разведку» при администрации премьера Барака – вероятно, стандартная процедура для «олим хадашим» – и в течение двух часов уговаривали назвать свою кличку в КГБ СССР – дескать, «все вы там друг на друга стучали, и если ты сам не признаешься – мы твоё досье поедим и купим». Ну я этим израильтянам, похоже, репатриантам из СССР, во всём, что смог вспомнить, «признался», и они были очень недовольны собой, тем, что мало узнали. Этот русскоговорящий гбист, обосновавшийся в Израиле, швырнул мне визитку через широкий стол: чтобы, если «придут оттуда» – позвонил... Вот и весь идеологический яд, кульминация персонального опыта мелких репрессий. Дурной сон. Мне до Валерии Ильиничны Новодворской, как до Луны, далеко.

Внимательный читатель пребывает всё же в некотором недоумении – о каких «показаниях» шла речь, и всё-таки подписывал я доносы или нет? Я не против, если протокол из моего досье будет извлечён и опубликован в каких-нибудь «секретных материалах». Первые 10 строк этого протокола написал сам майор и спросил – подпишу ли я «это»? Я довольно мягко поинтересовался – как же я подпишу, если это не соответствует действительности? Мне пояснили, что это не важно, главное – что я уже «здесь». К сожалению, я ответил майору – «да, подпишу», хотя выбор у меня, конечно, был. Все 26 лет, которые прошли с тех пор, я об этом сожалею, хотя в принципе мои «показания» доказывали полную нелепость «состава преступления». Кроме того, на следующий день я сообщил о своём визите «под колпак КГБ» другим участникам событий, но восторга это, конечно, не вызвало. Я также никогда не узнаю, почему именно меня «позвали». Я спрашивал майора, но он уклонился от ответа и сказал, что «на свете много добрых людей».

Так что кафкианская эта история или банальная, как знать... Но приурочена она была к андроповскому пленуму по усилению идеологической работы. Не знаю, могу ли я утверждать, что моя история типична для СССР. Я думаю, что да – типична, но добрые люди не собирают статистику подобных случаев.

Но если начать вспоминать совсем юные годы! Не могу сдержаться и кратко не дополнить исследование Б.Сарнова.

Школьный опыт вхождения в советское общество

Первые антиобщественные идеи у меня появились примерно в 5-м классе. Я заметил, что где-то на задворках города находится православная Церковь, и на уроках истории проходили войну Англии с Испанией, откуда следовало, что религия существует, и миллионы людей воспринимают её всерьёз. А моя маменька, видите ли, читала атеистические лекции от имени общества «Знание» – просто так, за деньги и в качестве общественной нагрузки. Я стал данной тематикой интересоваться и не находил ответы на многие детские вопросы.

На следующем этапе, уже слушая подрывную радиостанцию с новостями об отщепенце Солженицине, я ещё наивно спросил более опытного товарища: «Так когда мы построим коммунизм?» Он мне хорошо всё объяснил, хотя немного образно и непримично.

И наконец, я повторил опыт, о котором упоминает Б.Сарнов – из воспоминаний Бориса Хазанова. Хазанов пришёл к мысли, что социализм и фашизм – это одно и то же. И у меня была записная книжка со свастикой и лозунгом «Слава КПСС» на обложке.

Студенческий опыт выхождения из советского общества

Но не всё так просто. Мозги-то нам промывали всем, и весьма умело.

На «Истории КПСС» мне отказались ставить зачёт, и рыжая ведьма прямо-таки и написала заключение в зачётной ведомости. И отправила меня к читавшему лекции бойкому кандидату наук Миндолину для зачёта, объяснения и мелкого персонального

промывания мозгов. Он меня слушал долго и мрачно, но потом я предъявил в удачный момент цитату Энгельса – что-то там о роли масс в превращении революционной идеи в политический результат, и он сказал «то-то!» и расписался в зачётке.

Это вообще-то смешно, но не так всё просто. У меня сложилось впечатление, что полный курс «марксизма» мне не одолеть. Слишком у меня циничные взгляды, они это чувствуют, и единственный способ получить образование – это вникнуть в предмет. Второй экзамен по истории КПСС я ещё сдавал в анекдотической форме. Уже другой историк, постарше, рассматривал картинки в моей тетради с лекциями. Для порядка спросил: «А что такое буржуазный объективизм?» – потому что эти слова были написаны рядом с какой-то чернильной мозаикой. Вероятно, подумал: «Взять бы и уехать в Урюпинск», – но вслух сказал: «Безобразие!» – и расписался в зачётке.

Тут-то я как раз и бросил университет вообще. Однако через год продолжил изучение марксизма в другом университете. «Ну посмотрим, товарищи, на Спинозу. Спиноза пишет в своих воспоминаниях, что он был так беден, что ему не хватало денег на стакан красного вина КАЖДЫЙ ДЕНЬ. Но, если Спиноза каждый день выпивал стакан красного вина – то он же был, товарищи, алкоголик!»

Ну и я тут начал сходить с ума. То есть, я всё выучил и сдал им диамат, истмат, кап/политэкономия, соц/политэкономия на «отлично». На госэкзамене по научному коммунизму мне всё-таки не поверили, что-то я подозрительное стал им говорить про Леви-Стросса и Тойнби, но уже можно было расслабиться.

Однако и тут я не могу сказать, что легко отделался. Марксистский аппарат в голове ещё долго шуровал. Я и все выступления Горбачёва слушал, генсек же не отказывался от принципов, так казалось, что эти принципы ещё долго будут нависать над миром.

Опыт 90-х годов

В 90-м году, летом, съездил в Америку, но вернулся домой – в страну победившей демократии.

Если всё-таки была у КПСС реальная власть, так надо было эту власть преобразовать во что-то, как в Китае, и править. Так нет,

вылезли сплошь и рядом какие-то государственные ваучеризаторы, криминальные «братки» с палёной водкой и кое-чем похуже, и над всем этим какой-то «красный смех» не то Жириновского, не то папаши Зю, не то Егора Летова. Сейчас как раз можно было бы начать цитировать книгу Б.Сарнова, но эту книгу лучше прочесть от корки до корки. Всё же процитирую коротко: «И вдруг меня осенило, что «лицо еврейской национальности» – это не что иное, как бывшая жидовская морда. Просто калька».

Так что в 98-м году – я позвонил в еврейское агентство, и мне сказали: «Чего вы ждёте? Всё, что сейчас надо – свидетельство о рождении – в будущем году в Иерусалиме!»

Выводы о человеческой природе

В Израиле было плохо, в первую очередь, потому, что вся русскоговорящая община как может наслаждается израильским социализмом, построенным, как считают враги Израиля, в отдельно взятой арабской стране. Есть, конечно, убеждённые сионисты, и тем более религиозные евреи – им хорошо, они у себя дома. Хотя, если бы не получилось без особых сложностей уехать, – я бы жил в Израиле, в Россию бы не вернулся. Стараюсь ничего плохого про Израиль не говорить. С точки зрения National Geographic, Израиль – настоящая жемчужина и заповедник истории. Ну да, жить не безопасно: в автобусах, дискотеках гремят взрывы. В публичных зданиях сумки и кошельки проверяют. Но это люди такие там живут, противоречивые.

В середине 90-х, когда я ещё хотел жить в России и надеялся на лучшее, мне говорили, что за границей я стал бы любить Родину больше, чем оставаясь внутри. Якобы, как в квантовой механике – не было бы искажений в измерениях, оттого что приборы слишком чувствительные. Удивительно, что Бенедикт Сарнов совершенно не страдает от таких искажений. Если верить его книге, он родился в СССР и сразу же понял то, что всё очень плохо – и в масштабах Всея Лицемерной Империи. Сам при этом он не был лицемером – но что это значит, и возможна ли объективация такой мощности? То есть, встречаются они там вдвоём с Борисом Слуцким, поругают Твардовского, перетрут советские язвы – и идут служить в «Литературную Газету». Я вот так не мог, я вовлекался.

Мне понадобилось эмигрировать, чтобы прочистить «приборы в сознании».

Но со стороны мне теперь видно, что Б.Сарнов написал замечательную книгу. А как же язвы свободного мира, ужасы капитализма? Во-первых, есть язва капитализма или нет? Можно найти аналог книги Б.Сарнова – «энциклопедию реального капитализма»?

Очевидно, что аналоги должны быть – человеческая природа остаётся несовершенной и противоречивой.

Дистанция власти

Хотим мы того или нет, быстро приготовиться к войне и уничтожить врага невозможно. Хотят того или нет – мирное сосуществование неизбежно, и лучше всего его использовать для культурного обмена. Вообще-то, существуют ситуации – когда и Ненависть есть прекрасное чувство, т.е. непримиримая ненависть к врагам советской власти, к евреям, к помещикам и капиталистам, к интеллигенции, к Ельцину, Гайдару и Чубайсу. Длинный ряд ценностей жителей города Ибанска, прозябающих внутри магического круга. Б.Сарнов пишет: «Пролетарским гуманизмом у нас именовалась наука ненависти».

В логике и в языке существует некоторый трюк, когда проблема исчезает, если истина «удваивается». Оказывается, что проблема только «вот здесь», а если «здесь» неоднозначно, то в ином мире проблема исчезнет. Кому-то нравится такая методология, но она чревата злоупотреблениями. У Б.Сарнова упоминается вопрос: «Ты за истину или за правду?» Истина – это нечто, имеющее долгий цикл жизни, а «правда» – «социальная справедливость» или что-то вроде справедливости Шарикова: важно не то, что ты начальник, а то, что спишь с секретаршей. Или вот были передовицы в газете «Правда» для разъяснения текущего момента – демонстрировали, как надо мыслить, приспособившись к колебаниям курса...

И всё время кто-то в России хочет ввести проект единомыслия. Хотя разнобой в мировоззрении зияют. Так, если единомыслие ввести не удаётся – а это научно доказанный факт – надо попробовать «делать что-нибудь другое». Единственный выход – договариваться, и согласиться с тем, что глобализм – не только ругательство, но

и объективная ситуация, когда жителям Земли становится тесно. Проблема уже не в том, что московские доставалы что-то там вытаскивают из-под полы для своих клиентов или для кремлевской элиты, а в том, что доставалы никому не нужны – всё в Москве продаётся свободно, что продаётся и в Нью-Йорке. Видимо, кроме «дефицита» материального – распространяется среди своих дефицит духовный, интеллектуальный.

Культурный обмен по крайней мере может научить русского человека пусть не двусмысленной демократии, но хотя бы другой «дистанции власти» – power distance – «степени принятия людьми, обладающими меньшей властью в обществе, того факта, что власть в обществе распределена неравномерно». Когда дистанция власти уменьшится – есть шанс на то, что уменьшится популярность ФСБ и вертикали власти с Путиным на вершине.

Всё-таки книга Б.Сарнова – книга о прошлом. Я не думаю, что мой сын будет читать её с таким же интересом, как я. В конце концов, «Энциклопедия реального социализма» – всего лишь сборник анекдотов, хотя и составленный со вкусом.

ДЖЕЙМС КУГЕЛЬ

«КАК БЫТЬ ЕВРЕЕМ»

Рецензия

Пан Козлевич в «Золотом телёнке» Ильфа и Петрова боялся чёрных ксендзов. Я тоже опасаясь раввинов, ортодоксов и просто некоторых порядочных людей... Так что ёрничать над книжкой «известнейшего современного библеиста Джеймса Кугеля» – большой риск. Риск, что Б-г не распишется в Книге моей судьбы на Йом-Кипур очередной осенью. Но и Люцифер – хотя и падший ангел, но божий(!) ангел. И, когда я читаю, скажем, следующее: «У тебя есть большое преимущество – ты поэт, и одновременно большой недостаток – ты русский еврей», – так говорит Давид Романович аспиранту Юре... Нет, я не могу промолчать, как тот попугай Хазанова, который пролетал над городом Орлом.

Мне пришло в голову, что James Kugel вообще не существует, что это вымышленный автор. Но нет, в интернете он присутствует и, кажется, исследует Foundations of Religious Belief. Тем не менее, книга «Как быть евреем» мне кажется странной. Чего ради действие разворачивается в Москве, в центре небольшого банка? Кстати, в 1990 году. Русский перевод появился позже.

Странность книги, мне кажется, в том, что в этих диалогах Давид Романович излагает свою точку зрения твёрдо и жёстко, как говорится, жестоковыйно, а Юре не удаётся высказать ни одной законченной мысли. Тем не менее, он всё время что-то спрашивает, но, похоже, только для того, чтобы Давид Романович отвечал и формулировал. В первой главе Юра получает однозначный выговор за то, что женится на русской православной девушке. В последней главе, Юра сообщает, что «план моей диссертации утвердили» и

он едет в Израиль – посмотреть! Заметим, что только посмотреть – побывать в Иерусалиме, повидать Израиль и израильтян. Тонко и политкорректно – пока что не репатриироваться, что неполиткорректно читается между строк. Но во всеоружии знаний о том, «как быть евреем». Это какой-то придуманный сюжет. Книга, кажется, глуповата, если убрать из неё еврейские стандарты, которые критике не подлежат, если критик – не антисемит. Но всё происходит совершенно иначе. Между первой и последней главой содержатся конвенциональные истины и вариации на тему еврейских традиций. Например, я бы выделил тезис: никакого самосовершенствования, только служение Б-гу. Или характеристика языка иврит как языка, на котором возникают еврейские мысли. Все эти клише порождают рой ассоциаций в моём сознании.

Возникает вопрос: кто я такой? Но понятно, как можно ответить. Хотя моя идентичность не русская и не еврейская. Обе партии легко разместят меня в своих расстрельных списках. Так или иначе, в Израиле я жил 7 лет и видел там так называемых русских евреев, их там просто русскими называют. Жена у меня русская православная, и пришлось пробивать ей израильское гражданство – на что ушло 5 лет. Не всем это удаётся. Но факты некоторой дискриминации хорошо известны, я бы мог указать статьи и книги. Я даже не хочу перечислять и описывать свой случай. Я хочу заметить – что на фоне российского антисемитизма, скорее я ЗА Израиль. Я видел, что люди, которые там живут, любят эту страну и патриоты не меньше, чем другие иные патриоты в других больших и средних странах. Русские евреи, которые поехали в Израиль, обнаружив еврейскую бабушку в своей родословной, – служат в израильской армии и верят, что новую свою родину необходимо защищать. И взрывы на дискотеках не вызывают у меня прохановского умиления Хамасом и Хизбаллой. При этом иудаизм в целом как старая семейная мировая религия не вызывает никакого энтузиазма.

Что касается дискриминации в Израиле – ничего в этом нет особенно нового и злободневного, и я бы не стал преувеличивать. Во-первых, если я не ошибаюсь или если цифры не изменились, агентство Сохнут получает 50,000 долларов за каждого «оле хадаш». Во-вторых, сотрудники Сохнут не скрывают, что Израиль – перевалочная база, на стене в Сохнуте я припоминаю плакатик – верстовой столб с указателями из Израиля во все стороны мира. Так что, если дискриминация есть – это внутреннее дело Израиля.

Через пять лет, отработав «подарок» Сохнута, корзину абсорбции, уезжай. Моральный аспект отношения к «русским евреям» – отдельная тема, так же, как и «личная маргинализация» всех иммигрантов вообще. Но зачем же мелочиться... Спасибо, адони, за деньги, и прощай. Впрочем, Иосиф Бродский пять лет «корзину» не отработывал, он быстро уехал в свой Мичиганский университет, хотя в КГБ и ворчали, что «мы отпускали его в Израиль, а не в США...».

Но вернёмся к диалогам Давида Джинджихашвили и Юрия Левакова, русского еврея. Я позволю себе некоторую фантазию, и договорю вместо Юры...

Д.Д. У тебя есть большое преимущество – ты поэт, и одновременно большой недостаток – ты русский еврей.

С.З. Давайте начнём с хорошей новости...

Д.Д. Поэт способен улавливать детали, нюансы, частности, а не ограничиваться общими местами и лобовыми вопросами. А в нашей стране все привыкли к обобщениям, так что поэт внутри тебя противостоит русскому.

С.З. Я Вам этого не говорил, уважаемый. Вы говорите – потому, что Вам так хочется. Вы смотрите на мир глазами еврея?

Д.Д. Да я вообще читаю «Шма Изроэл» каждый день. Я никогда не ухожу от специфических деталей к обобщениям. И никаким самоусовершенствованием я не занимаюсь. Только служу Богу.

С.З. Меня учили, что чувства верующих следует уважать. Я прожил тот минимум – год в Израиле, чтобы прочувствовать цикл еврейских праздников. На самом деле – я там семь лет прожил, спасибо службе социального страхования за это. Красивые праздники! Например, Песах – годовщина освобождения от египетского рабства. Горшки с мясом осуждаем и говорим, что в Иерусалиме – высший пункт духовного пути.

Д.Д. Нужно, чтобы ты просто предстал перед Б-гом, – но не менее того.

С.З. Удивительно, но я готов допустить то, что Вы правы, и то, что Вы жили, живёте и будете жить вечно. Ведь никто не может предсказать будущее. Ваш «семейный иудаизм» может оказаться актуальным и в последующих веках. Но всё же я, будучи не любимым Вами русским евреем, не считаю себя «вашим». Люди, мыслящие не на иврите, а на прочих языках, – прекрасно отличают

абстракции от «деталей, нюансов и частных». Вы хотите примеры? Что-нибудь из английской поэзии?

Д.Д. Я не уверен, что это имеет отношение к нашей теме. Я рассказывал тебе про мицвот, кашрут, танах, мидраш – и тебе это было, кажется, интересно, несмотря на то что ты женился на русской православной – от чего я тебя отговаривал и приводил аргументы. А теперь ты начинаешь балансировать на грани явной враждебности к еврейству... И в Израиле тебе что-то не нравится...

С.З. Давайте выясним ещё раз окончательно некоторые основания. Я ЗА государство Израиль, хотя, если бы там был британский мандат, мне бы там было легче жить. Но это мне и только мне. Я не говорю за всех ваших весёлых хасидов. С другой стороны, на культурных сайтах Израиля, не религиозных, а вполне светских, утверждается, что евреи – авангард рода человеческого. Так оно и есть, по факту мировой истории, но будет ли так вечно?

Также фактом мировой истории является холокост – хотя все жидокомиссары постсоветского российского пространства утверждают, что в концлагерях просто была тяжёлая работа. В мультикультурной Канаде студентам преподают историю холокоста как историю «фашистского бизнеса» и относятся к холокосту как к патологии цивилизации и гуманизма. Поэтому я ЗА иудаизм. Но, следуя и Вашим ясным указаниям, я ЗА семейный или клановый бизнес еврейского народа, но не за то, что это **ЕДИНСТВЕННЫЙ** реальный клан в мировой истории. Б-г – так как Он вещь в себе – в любой момент может «назначить» избранным народом русских. Однако не следует забывать пословицу древних римлян: «*Summum jus, summa injuria*» – «Чем чище раса, тем чище зло».

Д.Д. Для меня Израиль – это почти родная земля. Этот белый, ослепительно белый, свет утреннего солнца – настолько яркий, что приходится зажмуриваться, когда смотришь на город... И когда идёшь по пыльным дорогам, в этой белизне, мимо старых каменных домов – там даже цвет пыли особый, гораздо светлее и более жёлтого оттенка, чем здешняя пыль. Всё это очень напоминает мне Тбилиси, его виды и запахи, сады, я чувствую себя там как дома. Конечно, для русских всё иначе – те, кто едет жить в Израиль, обычно делают это из страха перед антисемитизмом или ради материальных благ.

С.З. У тех, кто едет жить в Израиль, – разные бывают мысли и соображения, причём в Израиле то, что нравится Вам, нравится также и им. С точки зрения National Geographic, красоты природы

и прекрасного тёплого климата, красоты весенней флоры, архитектуры Иерусалима – это всё хорошо. Но, начинаются и некоторые неприятности. Все шаги карьеры требуют кошерности. Требуется понимать, что там на иврите произносит начальник-цабар (а начальство из «русских евреев» очень редко встречается) и смеяться над шутками на иврите... Но если не утрировать, к сборнику Моше Кенингштейна «Русское лицо Израиля: Черты социального портрета» даётся приложение – 17 биографий хороших успешных репатриантов. Многие довольны. С другой стороны, в этом же сборнике упоминаются и менее успешные обладатели удостоверения личности и явной или зашифрованной пометкой в удостоверении личности – «гой». А вообще, есть и категория «обыкновенные русские сумасшедшие».

(Справка. Утверждение о существовании «зашифрованной пометки» может показаться довольно сильным. Впрочем, иным израильтянам, жестоковыйным носителям еврейского менталитета, всё равно – их этим не удивишь, бывает хуже. Однако читатели, более чувствительные к «демократическим ценностям», могут недоумевать... Так что приведу документальную цитату:

«С середины 2002 года, после продолжительной общественной политической дискуссии, в новых удостоверениях личности запись о национальности аннулирована, хотя сведения о национальности и конфессиональной принадлежности граждан Израиля, родившихся в стране или иммигрантов, имеются в их личных делах, хранящихся в МВД.

Если в графе «национальность» значится «еврей», то в графе «религия» может быть только одна запись – «иудаизм», даже прочерк в этом случае не допускается.

При этом, в новых удостоверениях личности израильтян сохранились косвенные идентификационные «маркеры»: номер паспорта (точнее, первая цифра номера) и запись даты рождения владельца (по еврейскому или международному календарю). По этим признакам не только раввин, но и чиновник, полицейский или работодатель могут без труда «вычислить»

иммигранта-нееврея. Иначе говоря, несмотря на внешние, «косметические» изменения, государственная политика деления граждан на евреев и неевреев продолжается».

«Русское лицо Израиля: Черты социального портрета», Москва, 2007, стр. 220.)

Д.Д. Наверное, я не могу тебя сделать «нашим» и убедить предаться медитации на иврите в синагоге. Более того, уезжай в Америку, там тебе будет лучше. Если, конечно, организация B'nei Brith не подаст на тебя в суд, и наши юристы тебя не разорят. Ты же печёшься о материальных благах. Выучишь английский за зарплату 40,000 в год... Кстати, ты думаешь: там, в Америке, нет личностной маргинализации иммигрантов?

С.З. Скорее уж, у меня страх перед чёрными ксендзами... А конца света мы не боимся. Но кроме всего прочего, у меня есть личные заметки: пара русских евреев, которые уехали в Израиль в 1991, когда я ещё «не созрел», – мертвы. Русский утонул в Ашдоде, русская похоронена в Эйлате. Но, субъективно, я представляю, как всё это происходило. Мне не важно – что бы мне рассказали «объективно» в министерстве внутренних дел, если бы я заявил, что я их еврейский родственник. Я им был русский друг.

Д.Д. Теодор Герцль, в известном смысле основоположник современного сионизма, так сказал: «Пламя антисемитизма будет поддерживать сионистскую кастрюлю на точке кипения и обеспечит ровный поток иммигрантов в будущее еврейское государство».

Но все эти доводы кажутся сегодня довольно смешными. Ну, как ты знаешь, Герцль был секуляристом, довольно невежественным в иудаизме.

С.З. Вот так! Сионистская кастрюля не нравится и партии «Шас». В День Катастрофы на улице Иерусалима звучит сирена, олицетворяющая концентрационный лагерь. Все останавливаются и вспоминают жертвы, кроме бородатого раввина, который демонстративно продолжает разговаривать по мобильному телефону. Как же так? В кнессете заседают такие разные евреи, не бывает консенсуса, только подковёрные операции. А что же тогда ждать от какого-то там датского королевства? Но, Вы, Давид Романыч, вообще не касаетесь вопроса «миссии русской алии». А она есть ли? Миссия репатриантов, выходцев из России. У них в Израиле свои газеты, свои партии, свои телепрограммы. Есть даже

владельцы автозаправочных станций и преподаватели (на хорошем иврите) в университетах. Наконец, и в коммунистических кибуцах обитают русские евреи. И, наконец, Даниил Штайн, переводчик, который хотя и литературный персонаж, – но правильный израильский типаж, который знает чего хочет, и именно в Израиле самореализуется. Игорь Губерман, который жалуется на «нехороших соседей», – не совсем то: его миссия всё же – лишь сводить счёты с писателями-деревенщиками, социалистическими реалистами – выдать им кузькину мать из земли обетованной. Так всё же, есть такая партия! Давид Романыч, Вам последнее слово.

Д.Д. «Sergey, I agree that Israel is a defective state because there has been no constitution considered for more than 50 years of its existence. It represents, in my humble opinion, a Jewish equivalent of an Islamic state. All those shit religious and, of course, «the only real Jews in the world» must be denied of any Israel state support and not get paid any money for their monkey business. This is not a democracy at all those European Jews have dreamt of for centuries and whose descendants created Israel actually. That is a betrayal of Jewish ideals».

С.З. Давид Романыч, это же не Ваши слова! Да и изъясняете Вы еврейские мысли, если в кайф, то только на иврите. Или это нечто из Вашего подсознания прорвалось? Да уж! Никогда два еврея не договорятся, а я, хотя и «русский еврей», но включаю «еврей» в определение. Тем более что – ну какой я «русский»? Я личностный маргинал.

Так мы и бросаемся всю жизнь из крайности в крайность – и некому придумать новую мировую религию.

ЗАМЕТКИ ПРО ИЗРАИЛЬ

База общественного питания

Что-то писать про Израиль – ответственное дело, так как существуют известные партии – основные две – сионисты и антисемиты, и ряд промежуточных. Скорее всего, не удастся написать текст, с которым согласятся и те, и эти... Но постараюсь воздержаться от шаблонов и банальностей.

Когда-то я уже посылал друзьям реалистический очерк о том, как я в Израиле «работал на базе общепита», но он не сохранился. Друзья же сделали вывод, что мы там «ели обеды». Но говорили, что текст был интересный. Интересный так интересный, я попытаюсь его воспроизвести.

Начну же в этот раз несколько издалека.

Евреи, которые выросли в семьях, имеющих хоть какое-либо отношение к еврейским традициям, находятся за пределами моего очерка. У них своя литература: Игорь Губерман, Дина Рубина, ну и конечно, Танах, каббала Михаила Лайтмана, философские работы Мартина Бубера, и просто израильская пресса на русском языке, и для продвинутых на «нашем языке» иврит.

Когда я в Израиле проходил интервью в университетах и технионах, один сотрудник выложил мне прекрасную формулировку, что я «некошерный еврей»... Собственно говоря, я и хочу рассказать, что это значит, – таких, как я, много. Да, один из признаков «некошерности» – фамилия с окончанием на «ов». Как-то раз в очереди в консульство России кто-то кричал – с юмором: «Всех тут, кто на «-ов», – не пускать и выставить из очереди!»

Но начну с так называемого ульпана. Ульпан – на иврите просто «студия». Иврит – язык музыкальный, компактный и логически хорошо построенный. Я самоотверженно пытался научиться читать на иврите. Говорил – так себе, и писал в объёме, нужном

для заполнения бланков. Так как я человек книжный – то я думал: мне поможет продвинутый курс, и я ездил на курсы учеников Соломоника, которые ругали рядовых учителей иврита и обещали дать какие-то схемы на нескольких листочках, изучив которые, всё станет понятно. Что касается учителей иврита из бесплатных ульпанов, то ругали их правильно – учителем иврита может стать человек с улицы, если он «носитель». В результате иврит преподают какие-то безработные, и стиль у них в духе: «Мотек» – сладкий мой!» – то есть они просто пишут на доске слова и произносят их.

Ульпан – это вообще предприятие министерства абсорбции, и интересен он скорее тем, что вместе собираются люди, только что приехавшие в Израиль, и как-то начинают дружить. Кстати, ульпаны международные. Кроме русских евреев – есть люди, например, из Калифорнии. «Мои родители зачали меня, когда я была в Израиле, – и я считаю, что родилась здесь!» Почему ей было плохо в Калифорнии, я не понял. Или вот девушка из Дании спрашивала меня: «А у вас в Сибири есть вампиры?»

На самом деле так называемое «ульпанское братство» неоднородно. Часто при первой возможности люди расходятся по разным своим дорогам – поднимаются или опускаются.

Но после первого ульпана я «взял» ещё второй и третий, так как упорно хотел научиться читать, да и это было практически бесплатно, после работы. Практически я запомнил только одного мужчину из ульпанского братства – биолога, окончившего МГУ. Это был интересный человек, ему удалось открыть свой бизнес – всё бы было хорошо, но его семья в России с ним порвала у меня на глазах, и я думаю, из-за этого он умер в своей «технологической теплице» в израильской пустыне от сердечного приступа.

Однако на русскоязычную публику в ульпанах я насмотрелся. Один дядька – был в России кем-то большим – в Нетании делал пружинки на каком-то заводе, он эти пружинки приносил в ульпан и говорил, что ему ничего не надо, он рад, что дети устроены. Семейные пары устраивались как могли. Муж – сторож с казённым пистолетом на боку, жена – кассирша. Процесс трудоустройства в Израиле – особая тема. Есть, конечно, и квалифицированная работа. Я, в принципе, работал в хай-теке на так называемой стипендии Шапиро. Проработав год, я нашёл работу с нормальной зарплатой – но когда я уходил, босс Дуду сказал так: «Ты за это

заплатишь... Израиль – маленькая страна, здесь все друг друга знают. В промышленности ты работать не будешь».

К счастью, свой новый рабочий контракт я успел предъявить в иммиграционное агентство при канадском посольстве – «с таким контрактом ты пройдёшь» – и после долгой очереди и войны в Заливе – «прошёл» в Канаду. Я не знаю, как там работал механизм «в маленькой стране», но меня и на самом деле уволили через 10 месяцев. В принципе, я уже ждал канадскую визу, но бросился в поток жизни, другими словами, попробовал работать где попало.

Тут и довелось мне работать примерно месяц «на базе общепита». Другими словами, на чисто социалистическом предприятии, на котором воображали, что таким, как я, оказывается бог знает какая милость. А именно, нас вывозили в Герцлею – то мыть посуду, то расставлять мебель (стулья в синагоге при гостинице). В субботу, когда кошерные евреи только молятся, надбавка за нашу некошерность. Мытьём посуды руководили арабы, в частности, на Песах довелось драить медные краны в составе бригады. Я как-то раз заговорил с бригадиром на английском языке. «Ты что, знаешь английский, тогда что ты здесь делаешь?» – и он повёл меня в каптёрку и налил рюмку бренди. Но смысл базы общепита был в том, что мы могли увозить домой сколько угодно еды из ресторана, иначе её просто выбрасывали. Мои друзья из России прокомментировали это следующим образом: «Стоило ли ехать в Израиль? Он там не только собирает отбросы, но, похоже, он их ест».

Ещё я работал пару недель на заводе, который делает пиво, – крупный завод в Нетании. Но там делали также раствор апельсинового сока – миц тапузим. Концентрат с соком привозили в больших чёрных пластиковых бочках. Моя первая промашка состояла в том, что я как-то умудрился стереть с бочек клеймо раввина, означающее, что сок кошерный. В стране, где религия не отделена от государства, это означало – что раввина вызвали снова, и он снова проклеил бочки, качая на меня бородой с осуждением. Моя вторая промашка состояла в том, что в цехе стояла автоматическая немецкая линия для перемешивания концентрата с водой, и когда пришли техники, я по-простому к ним подошёл и стал спрашивать что-то про компьютеры. К компьютерам таким, как я, подходить не полагалось. И третья промашка, в общем-то по справедливости фатальная, была та, что я повернул не тот

кран и добавил лишних 15 литров воды в апельсиновый сок. Им пришлось пробовать, и чуть ли не делать анализ, и через два дня мне предложили сдать пропуск...

Ещё я грузил израильскую клубнику в английский самолёт – кстати, с мальчиками из России, которые живут в Израиле зимой, а летом едут на заработки в Европу. Я как-то разгружал морской контейнер, кстати, с напарником, который тоже объездил всю Европу. Коробки были по 40 килограммов, со мной мы еле выполнили норму, и домой я пришёл и лёг в ванну весь в крови. И ещё были разнообразные мелкие приключения.

Потом я всё же находил что-то вроде контрактов для программиста. Это также смешно: работодатель из Ашдода, хозяин туристического бюро, хотел одного – коробку с товаром, программным продуктом, которую он мог бы начать продавать. Мне он заплатил 100 долларов на еврейский Новый год, Рош а-Шана, в качестве подарка плюс дал баночку с кошерным мёдом. Остальные деньги обещал потом – когда пойдёт бизнес. Но «база общепита» была, конечно, смешнее.

Когда я уже жил в Канаде, другой еврей, который прожил в Израиле 11 лет, сказал: «Я в Израиле дружил с людьми, а ты там замечал не то, на что надо было обращать внимание». Может быть, это так и есть на самом деле. Я обращал внимание на то, что именно для меня было важно. Конкретно, речь шла о том, что я обращал внимание на развешенные на центральной улице Нетании объявления: «Евреи, бойтесь проповедников христиан, которые хотят вас крестить». Другой еврей, из Америки, спрашивал меня, кому я хочу продать этот текст (предыдущий утерянный) про общепит?

Кому я хочу продать этот текст?

Смысл, скрытый внутри этого вопроса, – если не найдётся покупатель, то всё остальное теряет смысл. Неизвестно, где и как всегда может появиться некий смысл. Если что-то и продаётся – это тоже не предмет ругани. Так всё же...

Вернёмся к вопросу построения социализма – скажем, справедливого еврейского общества – в отдельно взятой, как говорят враги Израиля, арабской стране.

О какой справедливости может идти речь? Бедным уделяется колоссальное внимание. В том числе старикам и инвалидам, матерям-одиночкам, потому что они рожают евреев, новым репатриантам без гроша в кармане. Бедным – услуги для бедных, богатым – услуги для богатых.

«Как? Вы живёте в Израиле без американского гражданства?» – такой вопрос задают в определённых кругах – в фирмах хай-тек в Израиле.

Кстати, многие устроенные люди в Израиле находят утешение в религии, или точнее, в еврейской духовности. Я знаю примеры, когда всей семьёй изучают тайное еврейское учение каббалу. Впрочем, именно еврейская духовность в Израиле процветает. Мне, например, нравится еврейский седер на Песах. Агада – очень красивые тексты, обряд, и в современном Израиле это настоящий праздник. Вообще, широко известен тезис о том, что государство Израиль должно сохранить «еврейские корни». С корнями всё понятно, вопрос о будущем: еврейские модели подходят оставшейся части человечества или не совсем?

Нельзя же отрицать, что В ПРОШЛОМ роль еврейской культуры для цивилизации велика, осторожно выражаясь. Христианство откуда? Но может быть, человечество уже подросло, а Бог возьмёт и объявит избранным народом русских или китайцев. Бог же – вещь в себе, всякое может быть.

Но это было бы абстрактной декларацией, рассуждением по пустой аналогии, если бы не опыт социализма. Социализм – это уже нечто конкретное, что можно посмотреть. Мне лично не нравится ни социализм бренда СССР, ни социализм бренда «Эрец Израел».

Различие цивилизаций

Я на самом деле придерживаюсь, может быть, старомодных взглядов на то, что существует Истина, пусть как процесс, но процесс в своей целостности. Мой отец был по сути аполитичен, но говорил мне, что границы между странами когда-нибудь исчезнут. Если это ошибка, и «национализмы» разного рода должны отстаиваться, процветать независимо друг от друга, зачем же тогда ругать евреев? Еврейский национализм образцовый. Нам эклектика не нужна.

Но совсем без коммуникаций между парадигмами тоже нельзя. Волей или неволей, как говорится, объективно, «национализмы» должны взаимодействовать. Оставив в стороне всякие эмоции, опираясь только на ледяную логику, как говорил Хайдеггер, приходится допустить, что глобальная цивилизация на пороге. Так что «ругать» никого не надо, но надо научиться правильно отрицать.

Впрочем, может быть, надо спросить не меня, а учёных. Учёные консультируют, как известно, тех, кто управляет всем реально. А кто сейчас управляет цивилизацией? Но это уже другая тема.

НОВОКУЗНЕЦК

Всем хорошо известно, что родителей не выбирают. Но жаловаться некому – наши родители были «рождены, чтоб сказку сделать былью», они этим занимались честно, и вот мы имеем эту сказку. Если сузить эту глобальную ситуацию до рамок, в которых можно что-то сказать серьёзно, – можно ли считать, что наши родители что-то оставили и передали нам, что свяжет нас с историей, более, чем просто звериная любовь детёнышей к родному гнезду? Ответ, конечно, обязан быть положительным, но допускает много вариантов. Так или иначе, кто-то вообще не поймёт, о какой истории идёт речь, более продвинутые интеллигентные люди зададут себе вопрос: к какому поколению они принадлежат? То есть, есть интеллигенты в первом, втором, третьем поколении... кто-то помнит бабушку-гимназистку или дедушку, офицера белой армии.

Важно заметить, что даже если дедушка в царской армии не служил, в силу каких-то влияний, мало изученных компетентными службами, внук часто не любил действительность, которая его окружала. Вероятно, несмотря на советский быт, в воздухе носился какой-то дух. Да, песня помогала жить, строить, но люди пропадали целыми оркестрами, – и почему-то кто-то начинал мстить за повесившуюся Марину Цветаеву, отсидевшего 10 лет собственного дедушку, просто ТАК, ну что-то в воздухе носилось, какая-то гадость.

Существование духа самоотрицания никак не объясняют маститые сатирики и диссиденты. Что касается сравнительного жизнеописания «прежней жизни» и жизни «в советском клоповнике», то можно найти блестящие аналитические экзерсисы. Но анализ не полный, так как моё поколение в нём практически не присутствует. Вообще, русский народ, как его понимали Достоевский, Толстой или, скажем, Чаадаев, – лежит как на блюдечке. Но, почему я, который «до перестройки» Чаадаева в книжных магазинах не

видел, – в силу какой-то декартовой врождённой интуиции – не любил советскую власть? Кто я такой и откуда взялся?

Я, конечно, сам виноват, что не читал Чаадаева «до перестройки», разумеется, если бы захотел, то нашёл бы и прочитал. Но тут как раз уместно вспомнить опять родителей. Родители мои читали много: про путешествия Дерсу Узала, детей капитана Гранта – а кое-чего не читали. Я, конечно, не могу их обвинять – существует мнение, что много читать вредно. Хорошо, что они вообще научили МЕНЯ читать. Вообще, мои родители начинали не с нуля, так что я, скажем, поколение 2 с половиной. По тем меркам, это более чем достаточно. Но начну отдавать долги – по порядку.

Родители мои познакомились и полюбили друг друга в городе Нижний Тагил, на Урале. В силу того, что отцу не давала развод его первая жена, подруга детства, мои родители вынуждены были начать новую жизнь сначала. Они поехали в столицу СССР, город Москву, и в министерстве просвещения получили направление в город Сталинск, он же Кузнецк, и позже Новокузнецк. Достоевский по пути на каторгу, или по пути с каторги, проезжал Кузнецкий острог, но это было очень давно. Город Новокузнецк прославил поэт Маяковский – насколько я помню детство, на вокзальной площади всегда висел транспарант: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвезть». Когда я попал в Новокузнецк в 1992 году, этот транспарант убрали – обидно даже. Как пишет Глеб Павловский: «Я глядел на всё это, задумчиво вытирая с лица сей очередной плевок перестройки, и гадал, что он мне напоминает».

Так или иначе, мои родители начали новую жизнь в городе, который тогда ещё назывался Сталинск, и скоро там родился я. Мой отец подчёркивал, что они меня запустили на орбиту в 1957 году, когда был запущен первый советский спутник. Родители преподавали в монтажном техникуме, а чуть позже отец стал работать в проектных институтах. Я смутно представляю, как там всё крутилось – до меня дошли отголоски, но кое-что важное, видимо, я запомнил. Но ещё у меня были две замечательные бабушки – натурально классовые враги. Мама отца была из каких-то супермельчайших дворян – некий дворянин женился на актрисе, которая родила ему 13 детей, выжили только двое. Эта бабушка-«дворянка» училась в гимназии, получала из Москвы посылки с книгами, пила хорошо заваренный чай, обожала Гагарина и вешала по старой памяти портреты Сталина то там то сям. Вторая бабушка была из Одессы,

одесской национальности. У неё 12 братьев и сестёр один за другим уехали в Америку, но она, видите ли, вышла замуж за какого-то мерзавца, друга детства, который распространял на Украине марксизм. Потом мне рассказала мама, что он завёл себе какую-то пролетарскую дублирующую жену – и бабушка от него ушла. Но клеймо троцкизма, институт красной профессуры, предрассудки против самогоноварения – всё это осталось. Две эти бабушки друг друга не переваривали.

Меня, собственно говоря, воспитала бабушка, тайная троцкистка. Она очень много мной занималась, мы ходили гулять, ходили в кино. Я дома сооружал какие-то катакомбы из игрушек, но не столько из магазина, сколько их всякого утиля, подобранного на улице. Утиль этот скапливался в огромных количествах – и раз в два месяца отец устраивал чистку: я помню металлический грохот и его недовольный вид – 90 процентов занимательнейших штук отсортировывалось в мусор.

Бабушку, любительницу чая, отец скоро умудрился отселить в квартиру, которая ему стоила, вероятно, куска советской жизни. Бабушка там поставила книжный шкаф, кресло Вольтера, с которого кидала пасьянс. Вот телевизор тогда ещё не существовал – невероятно. Позже, когда я учился уже в школе, я по средам делал визиты – кушал разогретую котлетку из кулинарии и пил разнообразные отлично заваренные чаи. Мы даже беседовали – но не очень содержательно. Немного о Гагарине, немного о Саге о Форсайтах.

Конечно, полученное мной воспитание никак нельзя назвать классическим. Это типичное ни то ни сё. Никаких православных, ни тем более иудаистских верований мне не представили. Я вообще случайно сам на каких-то задворках обнаружил церковь и, пожалуй, испугался. С книгами ещё было ничего – когда я болел, отец прочёл мне вслух, пожалуй, все четыре тома Жюль Верна. Потом организовал специальную секцию детской литературы на стеллажах. Музыка – благородную – мои родители не слушали. Моё музыкальное самосознание началось с песен Владимира Высоцкого, когда отец купил электронную новинку – магнитофон. Как было тогда модно, хотели меня отдать в музыкальную школу, но я провалился на экзамене – чего-то там не спел, что отец разучивал со мной на аккордеоне, а «пусть всегда будет солнце» провыл как-то без куража. Всё же меня назло отдали какому-то

домашнему учителю музыки, я довольно далеко зашёл — что-то до сонат Бетховена. Но потом приехал мой брат из Абакана.

Это было знаменательное событие. Это был сын отца, его первенец, которого он когда-то очень хотел. Его матушка решила его отдать на воспитание нам. Он был немного меня старше и обладал интересными врождёнными способностями и талантами. Например, он в первый раз в жизни на катке надел коньки и поехал, как будто всю жизнь умел кататься. Быстро собирал кубик Рубика. Что касается игры на фортепиано, то он меня за один месяц обогнал. У него был абсолютный слух. Позже, в советской армии в Эстонии, он пристроился музыкантом, и когда вернулся из армии в Новокузнецк, то начал играть в ресторанах на гитаре. Он там музицировал постоянно до самой смерти. Он ещё успел закончить пединститут, ему нравилось возиться с детьми в ПТУ. Но потом скопил денег на новый холодильник, у него эти деньги отобрали в районе Точирино, и милая дама пробила ему висок какой-то «хрустальной пепельницей». Мы до этого только что встретили мой день рождения, 35 лет, и собирались ездить друг к другу в гости, общаться.

Я, собственно говоря, не пишу мемуары, мне важно создать фон. Вероятно, довольно характерная советская семья. Никакой достоевщины. Я хочу понять – как в таких семьях вырастали отщепенцы. Вообще-то, если определённой следовать логике – наш быт называли, в традиции Михаила Зощенко, советским клоповником. Уровень клопов моя семья, вероятно, преодолела. Но вот что пишет Бенедикт Сарнов про снег. Сарнов встретился как-то с эмигрантом, кажется, тот когда-то был врангелевским офицером, и спросил его:

- *Как вам показалось, есть ли что-нибудь общее между нашей, сегодняшней Россией – и той, старой, которую вы знали когда-то?*

Он ответил:

- *Только снег.*

(Бенедикт Сарнов, «Случай Зощенко. Пришествие капитана Лебядкина», 1993)

В принципе позиция маститого филолога ясна – он сравнивает старое дореволюционное время и время, когда пришёл «новый

человек». Исследование, предпринятое на определённом уровне абстракции, сделано мастерски. Если кто не знает, вот знаменитое стихотворение капитана Лебядкина, «второстепенного героя Достоевского»:

*Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства.*

*Место занял таракан,
Мухи возроптали.
«Полон очень наш стакан», –
К Юпитеру закричали.*

*Но пока у них шёл крик,
Подошёл Никифор,
Бла-го-роднейший старик.*

Абстракция Бенедикта Сарнова состоит в том, что потомки такого персонажа принципиально не нуждаются в какой-либо другой поэзии. Критика Михаила Зощенко заключается в том, что у Зощенко нет никакой иронии, он показывает, что если «поскрести, то обнаружится свиная кожа у ВСЕХ». Если бы шла речь о деталях творчества писателя Зощенко, то это можно понять. Но так же, как ирония Зощенко объективирована Сарновым, можно объективировать иронию самого Сарнова. Уважаемый филолог «ставит мужика на колени и бьёт его палкой» точно так же, как эту процедуру приписывают Сергею Жарикову, автору многочисленных стихотворений, не подлежащих классификации. Классификации – «до 1917» и «после 1917». У Сергея Жарикова, у его любимого ученика Игоря Летова – нестандартные для советского человека менталитеты, нестандартные для людей из клоповника, которым методически подсовывали переписку Энгельса с Каутским. А как вообще мог возникнуть какой-то нестандартный менталитет у потомков капитана Лебядкина? Либо всё же новые люди без свиной кожи есть, либо мы имеем дело с концом цивилизации, имеем абсолютный снег – генетический пул российских алкоголиков.

Я ещё раз сообщаю, что не пишу мемуары. Подробности моей жизни даже меня самого не сильно интересуют. Однако иногда подробности частной жизни нужны как фон для более интенсивного бытия, что останется после нас. Именно такой фон создают для понимания своего личного мифа Карл Юнг («Сновидения, воспоминания, размышления») и Станислав Лем («Моя жизнь»).

Я, конечно, в детстве общался с другим детьми. Из детского сада я как-то странно убежал – вышел за ворота посидеть на солнышке на скамейке, и какие-то тётки меня отвели в детскую комнату милиции. Мама и бабушка чуть с ума не сошли – больше меня в детский сад не отдавали. Далее, за год до школы меня научили читать. Когда я пошёл в первый класс, то проявил фантастическую гибкость и приспособляемость: полгода притворялся, что читать не умею – читал со всеми по складам. Учительница знала, что я читать умею, и была в восторге от моей хитрости – ожидалось, что я сделаю политическую карьеру. Во втором классе я всё же осмелел и вышел из подполья – на уроках внеклассного чтения мне предоставили аудиторию, и я пересказывал какие-то вычитанные истории о путешествии в мире козявок и букашек. В третьем классе произошёл некий переворот в жизни – родители устроили меня в местную элитную английскую школу. Вместе со мной – туда шмыгнули ещё несколько моих первичных одноклассников, хотя они были из бедноватых семей.

Советское общество было стратифицированным, неравенство существовало, хотя было бы грубо говорить о существовании каст. Исторически касты были в Индии, так что не надо смешивать. Дети – привилегированный класс, и постепенно усваивают условия взрослой жизни. Но вспомню взрослых... Меня мои родители часто брали с собой в гости. И к нам домой приходили и одиночки, и семьи – тогда ещё в моде были так называемые застолья. Жизнь взрослых, различные типы семейств, диверсификацию общества в провинциальном российском городе я хорошо помню. Семья, в которой отец занимал пост главного инженера завода, и семья, в которой отец занимал пост участкового милиционера, – это были, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Одна семья, которую я помню, была особая – она устраивала приёмы. Бабушка в этой семье была не чем-то там гимназическим и из советской бухгалтерии, а дочкой директора банка. Она показывала купюру – «катеньку» – на которой «мой папа» дал подданным

Российской Империи свой автограф. Эта семья попала в Сталинск из Петербурга. Глава семьи, как сообщила разведка уже после 2000 года, имел в органах кличку Ленинградец, и старушки злословили, что приёмы в те времена финансировали также органы, желающие быть в курсе умонастроений. Может быть, это и не совсем точные слухи. Но приёмы поражали своим размахом, по крайней мере, еда на столе и напитки стоили две-три зарплаты. И все действительно гадали: на какие деньги? Ну, в 1967 году вслух рассуждали так ещё: что папа-банкир, наверное, оставил ящик с золотыми червонцами, который где-то хорошо припрятан. Я, будучи совсем ещё ребёнком, на этих приёмах вёл себя примерно так же, как в первом классе, когда притворялся, что не умею читать. Все говорили: какой воспитанный мальчик.

Мой отец, однако, был сыном врага народа. За его толерантность стояли определённые воспоминания и память. Бабушку из мельчайших дворян когда-то взял замуж некий спец, окончивший до 17 года коммерческое училище и при НЭПе в городе имени большевика Яши Свердлова заполучивший иностранную концессию, на которой заработал и построил приличный дом. Он уже тогда был поставлен на учёт в НКВД, но вспомним, как Солженицын описывает своего рода пасьянс, в который играл Сталин – от Соловков до Гулага. Дедушку посадили на 10 лет только в 1942 году. Доказательства существования «пасьянса» мой отец получил примерно в 1992 году. В Екатеринбурге, где он систематически подавал запрос о реабилитации деда, наконец до него дошла какая-то постперестроечная очередь, и на приёме в КГБ ему выложили досье. Демократия! Через год или два отец приезжал ко мне в гости в Новосибирск и подробно пересказал содержание этого досье. Действительно, досье состояло из доносов бабушкиного брата в основном. Этот субъект как-то приезжал повидаться в Новокузнецк, и есть фотография, что я сижу у него на коленях.

Имея некий опыт отчуждения от социалистического общества, мой отец скептически относился к правильной городской прослойке и заводил знакомства с мелкими охотниками, музыкантами. Да, вот был один милиционер, который давал мне подержать пистолет. Другими словами, с беспартийными. То, что он Высоцкого слушал, – тоже признак нестандартного менталитета. Он со мной никогда не говорил об определённых тонких вещах, пока не наступит время.

Когда, забегая вперёд, такое время наступило – меня закономерно исключили из комсомола – он рассказал подробно, как реагировали на флоте, на Дальнем Востоке, где он воевал с японцами-фашистами, на сообщение об аресте в Екатеринбурге его отца. Он мне рассказал некоторые психологические подробности, которые, честно говоря, действительно дело личное.

Но вернёмся к детям. Забегая вперёд, когда я посмотрел краем глаза телесериалы, вроде «Элен и ребята», я вспомнил свою элитную английскую школу. Никаких отношений между детьми в школе на переменах, говоря это с некоторым приближением к истине, не существовало. Я припоминаю ЕДИНСТВЕННЫЙ случай, когда группа девочек и группа мальчиков после урока устроились друг против друга и начали по-детски откровенничать. Как-то была затронута тематика секса, эротики – что называется, выговорились. С 3 по 6 классы я не припоминаю, чтобы это повторилось. В 7 классе я из этой школы уехал, так что не знаю, возможно, они стали более нормальными.

Однако советские дети общались – в группах. Мне это до сих пор напоминает отношения породистых собак. Может быть, это звучит и обидно, но это правда. Самая престижная девочка класса никогда не открывала рта – на переменах и после школы. Но вокруг неё началось брожение. Мне лично на первых порах она не сильно нравилась – но я «помогал». Это выражалось в том, что у неё в подъезде была засада... И вот, что я помню... Подслушивать под дверь, конечно, нехорошо, но один был влюблён, а я помогал... Так вот, дома эта девочка болтала, верещала, может быть, и пела – как канарейка! Полный контраст с каменным видом и непроницаемой маской в школе. В конце концов мы заполучили эту девочку ко мне на день рождения, зимой, после Нового года – повторяю – я только помогал тогда, дело было не во мне, но именно у меня случился день рождения. Играли на фортепиано, записали праздник на магнитофон. Но было скучно. Девочка, разумеется, была из высшего общества.

Я общался с детьми попроще. В частности, это был один мой друг ещё по первому классу пролетарской школы. Нас с ним на самом деле что-то связывало. Во-первых, мы стреляли сигареты во дворе у старших товарищей, во-вторых, у этих же старших товарищей выясняли, откуда берутся дети – те над нами, вероятно, до слёз смеялись – так как наводящие вопросы формулировал я,

путаясь в абстракциях. Вспомним Фрейда – историю мальчика Ганса. Но в конце концов мы разобрались, как это бывает. Далее, мы решили что-то практически предпринять. Одна девочка из класса как бы подходила... Мы прикидывали, как бы это могло произойти, но потом вернулись к реальной жизни. Мы даже поссорились из-за дилеммы – идти играть в хоккей или изучать химию.

Химию я начал изучать из-за своей мамы. Она в основном работала на двух-трёх работах, но иногда на неё находило, и она начинала мной заниматься. Во-первых, она занималась со мной английским языком по самоучителю. Во-вторых, она в Харькове закончила физфак и любила популярно излагать основы естественных наук. Зачем-то она, когда я был во втором классе, объяснила мне про молекулы, атомы и валентность и даже выписала формулы. Через год она рассказала мне про преобразование Лоренца, научила пользоваться логарифмической линейкой, и я завёл тетрадку с расчётами: на сколько лет состарится человечество, если я буду год лететь в ракете со скоростью, близкой к скорости света. Явно нездоровое и шизогенное влияние на ребёнка, и без того отягощённого подозрениями о фальшивом мире фальшивых людей.

Дома у нас была партиячейка. Бабушка по маме была фирменный старый большевик. Папа вступил в партию, скорее всего, ради карьеры начальника отдела, но, вероятно, из-за настроений хрущёвской оттепели. Мама вступила в партию, чтобы не отставать. И, вообще, зарабатывала деньги тем, что читала лекции по атеизму в обществе «Знание». В 1995 году уже каялась... Она также занималась всю жизнь людьми: помогала маргинальным гонимым баптистам, позже пыталась проявиться как любитель-экстрасенс, и в более позднее время стала крёстной – относилась серьёзно к обязанностям воспитывать крестников. Бабушка любила рисовать, и в начальных классах рисовала вместо меня домашние задания, – объясняла, как рисовать птицу. Сначала надо нарисовать яйцо, потому что птица вылупилась из яйца, потом пририсовать лапки, клюв и крылышки. На какой-то новогодний праздник уже в английской школе она сшила мне экставагантный наряд, состоящий из 15 флагов Республик СССР. Помню, я вырядился в этот наряд и пошёл на ёлку. Люди были не дураки. Папа одного моего соклассника, замечательный геолог, вынув изо рта красивую трубку, уставился на меня и спросил: «Что это?» – «Триумф

Страны Советов!» – бойко ответил я. «А-а..!» – сказал геолог, и я и сейчас помню выражение его лица. Потом всё же я ходил к ним домой в гости, его мама, также геолог, взяла меня в институт и подарила ископаемые отпечатки. Я уже читал об этом в детской энциклопедии, но тут держал в руках что-то, что было живым в эпоху Ордовик, и проникся интересом к Творению.

Все, конечно, умерли. Одна бабушка от рака, пережив мои «фокусы» после отторжения от комсомола. Её хоронил горком КПСС с табунчиком пионеров. Другая бабушка дожила до глубокой старости, сморщилась и усохла от подагры, и умерла на руках у отца. Мать и отец тоже умерли. Умер и мой дружок, сначала по исследованиям вопросов несуществовавшего в стране секса, а потом, когда нам было 16, по более весёлым стычкам с милицией, с комиссаром военкомата. Его мама сказала, что он умер от сердечного приступа, но дошли слухи, что он покончил самоубийством, «устав от алкоголизма».

*День прожить бы без вранья, тихо и спокойно,
Заебала болтовня достойных из достойных,
Но увь, поберегись, шмякает пехота,
Заберите вашу жизнь с признаками рвоты,
Заберите вашу жизнь с запахом блевоты.
(Сергей Жариков, «ДК ЛИРИКА», 1982. «Заберите вашу
жизнь»)*

Вернёмся к вопросу: откуда в клоповнике берутся диссиденты? Бенедикт Сарнов не объяснил в чём тут дело, хотя объяснил негативным способом, что ничего хорошего здесь не будет после того, как Александр Блок умер от неврастения, Михаил Зощенко заболел паранойей, систематическим бредом при полной ясности сознания. Есть другой советский писатель Александр Зиновьев, автор «Ибанска». Он тоже мыслит о происхождении диссидентов из ничего. Согласно концепции Зиновьева, Синявский, Буковский, другие официальные диссиденты – не являются настоящими инакомыслящими. Они игрушки Системы с оригинально промытым мозгом. А подлинные инакомыслящие жили в симбиозе с советской властью и разлагали её изнутри. Далее Зиновьев приводит примеры, как можно было это делать. Типичный пример Зиновьева – его собственный опыт работы сначала лаборантом в

институте философии, а потом подмена текста прошедшей цензуру диссертации литературной бомбой.

Уникальные личности, конечно, способны на уникальные поступки. Но и путь «отрицательной теологии» тоже хорош и восходит к Дионисию Ареопагиту. Советская власть – это не это..., не это..., не это... И не то, и не другое... Но длинный список отрицаний приводит нас к пониманию. Импрессионистское мышление, конечно, рассматривает одни лишь шутки, смефуёчки, что-то вроде положительного определения – «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей колючей проволоки».

КОНЦЕРТ ИЛИ МИТИНГ?

Поминок по Фенигану мне не сочинить. Разве что поминки по Диме В., гитаристу группы «Бомж», который вчера повесился в Улан-Удэ. Ночью они с Кириллом бросили кости – Диме досталось взбираться по пожарной лестнице на крышу, чтобы прыгнуть на балкон – открыть дверь квартиры, так как мне негде было ночевать, а ключ я потерял. Мемуарная часть вся. Необходим позитив.

Да вот, говорят, поколение Y. А я ещё помню dialup. «Всё-таки я преклоняюсь перед возможностями интернета – и как мы до этого без него жили?!» Y-хромосома с I-net геном какая-то. Часами выуживать ёжиков в шампуне. Или лубки Heide Presse. Когда же я доеду до Мадрида – посмотреть Капричос?

Как-то всё сразу вывалилось терабайтами, торрентами. Хотя в объединённом королевстве это происходит более естественно, чем в городе Омске. В объединённом королевстве я подписался на рассылки галереи Saatchi. Присылают – из Лондона бритпоп, из Омска – Васю Обламова. Бритпоп – лучше – absolute beginners. А тут ещё Член Науки не разбирает «Чё?» к чему, ему надо ставить пометку – Readonly. «Из моря информации, в котором мы тонем, единственный выход – это саморазрушение», – но автор строки не саморазрушается и пиарится, и пиарится – правда что ли скрытый еврей?

Успешные люди – катафатическое богословие успешных людей. Всё, что не позитив, – паранойя.

«...именно здесь мы подходим к удивительному открытию: эта наивная детская вера русского народа, его доверчивость и кажущаяся беззащитность перед злом, его упование на божественное чудо – и является удивительной чертой, отличающей русских от других народов, делающих русских божьим народом, народом преобразений». (Александр Проханов)

А вообще-то, появляется «чувство» (без границ)! Чувство, что весь мир против тебя, – есть не просто «чувство». Что-то там я ассимилировал, ассимилировал – и недоассимилировал. Кефира мало пью.

Собственно говоря, дело революции живёт. *Revolutions per minute!* Революция, т.е. «геволюция в отдельной взятой стгане», – дело прошлого, большая организация, потом большой концлагерь. А мелкая революция – либерализация, катарсис – живёт. Революция – это, собственно говоря, скачок в развитии. Что-то там ползёт, накапливается много ерунды, шлака всякого. А тут – шёл дурачок себе по лесу, всех послал куда подальше и вышел на новую себе дорогу.

Transmission for the people and by the people. Остаётся проконсультроваться у серьёзного бородатого дяди: а разрешена ли иная форма творчества, с точки зрения его высшего вкуса? А какая (ПАРТИЙНАЯ ИЛИ ПРАВОСЛАВНАЯ) КУЛЬТУРА стоит за тем или иным актом подконтрольного творчества?

Все знают музыкальный коллектив АББА из Швеции, злые языки говорят, что сексуальные меньшинства распознаются по страсти к этим мелодиям... (*dictionary of sarcasm*). Но шведы не чужды и «революции» – на панк-продукции «*Refused is fucking dead*» читаем slogan: «Протест прекрасен в наше безобразное время». Таким образом, противоположности объединяются чьим-то высшим вкусом.

Эксперты (Bruce Pollock) считают, что «добрые Beatles» и «злые Rolling Stones» находились у истоков революции. Но кому нужны музыканты, когда речь идёт о революции? Революции той, что внутри нас. Для «этой» революции музыка и любые формы искусства не нужны – нужна пара лёгких, и будет песня. Так что понятно, что такое панк. Но всё же, до того как появляются эпигоны, обычно кто-то бывает первым, и он во что-то верит.

«Великая Революция Рок-н-ролла» 1969 года опиралась на революционеров, которых Bruce Pollock характеризует следующим образом. Интервью с Essra Mohawk:

«Мы были вечными подростками. Нам позволили оставаться подростками дольше, чем какому-либо другому поколению в истории. И мы не знали, что

такое ответственность. Мы не знали, что такое осмотрительность. Всё, что мы знали, – свобода (freedom). Что-то было не так с нашими предшественниками. Они что не знали, что такое быть свободными? Но и для нашего поколения, если бы мы жили достаточно долго, чтобы начать соображать что к чему, мы бы начали соображать... Однако, лично я считаю, это замечательно, что мы не докатились до этого – если бы я имела успех, я бы, вероятно, умерла».

Однако это интервью было взято в Филадельфии, в США. Посмотрим, что сказали бы в Новосибирске, в России. Статья Сергея Глазатова:

«На мой взгляд, гибель рок-музыкантов в последнее время объясняется прогрессирующим распадом единого духовного поля, объединившего всех нас в недалёком прошлом. Будучи Зазеркальем коммунистического тоталитаризма, андерграунд цементировался наличием двуединого монстра – врага тоталитарного государства и совкового менталитета. Стоило тоталитарному колоссу на глиняных ногах хоть чуть-чуть пошатнуться, как немедленно обнаружилось, что все мы разные люди со своими многочисленными комплексами, амбициями, иерархией ценностей, жизненными устремлениями и социально-политическими взглядами. Вследствие этого и происходит упомянутый распад духовного поля, сопровождающийся колоссальным выбросом энергии».

Трудно отрицать, что сравнение двух «держав», имеющих большое сходство в амбициях и претензиях на истину, – довольно интересное занятие, особенно что касается революции и свободы. Считается, что Россия не является родиной рок-н-ролла, и «русский рок-н-ролл» приписывается чуть-ли не отщепенцам и непатриотам, тем не менее, это не так, и всё сложнее. В определённом смысле речь идёт о характеристике целого поколения и о некотором вышеупомянутом «духовном поле». Как представитель этого поколения, который всё же волею судьбы долго не умирает по сей

день... я хочу уточнить кое-что, что не может считаться просто мемуарным мифом.

При наличии склонности к дедукции и привычки опираться на «общезначимые» ценности, нужно заметить, что духовные поля являются полями «трансмиссии» информации от человека к человеку. Так же иногда упоминаются «двери восприятия» – doors of perception. Считается, что хорошо бы иные двери держать закрытыми. Такие серьёзные общественные институты, как образование, религия, медицина, намеренно разрабатывают программы управления сознанием – счастье важнее поиска неопределённых ресурсов. А человеку всё же свойственно уклоняться от управления – начиная с азов творчества и вплоть до политических альтернатив существующим основам. Также человек обычно проходит сквозь кризисы. Если кризис и не настолько разрушителен, чтобы быть необратимым, всё равно здоровому человеку разрешено думать обо всём, включая мысли о смерти, или мысли о том, что его сознательно или непреднамеренно обманывают, или просто о том, что в мире нет совершенства. Кризисы начинаются, как всем хорошо известно, в подростковом возрасте – и возможны разные пути эволюции и революции.

Рок-н-ролл – всего лишь одна из антикризисных программ. Если иной еврейский мальчик успокаивается игрой на скрипке – это другая программа. Но еврейское воспитание – дело тонкое, это тема специальной статьи. Посмотрим на революцию как форму шумового протеста. А именно, я помню шумовые стереоустановки, из которых изливались «диппапл, криденса» и прочий «black sabbath» – и это была «прекрасная форма протеста», как сказано гораздо позже в Швеции. Хотя я припомнил как раз времена «тоталитарного государства и совкового менталитета». Как известно, распад и развал не заставили себя долго ждать. И тогда появился более агрессивный рок-н-ролл, точнее, уже нечто и не рок-н-ролл, а формы, более близкие к объектам карательной психиатрии.

В России русский рок-н-ролл не был так сильно привязан к психоделии и к наркотикам, как в США и Англии. В русском рок-н-ролле 80-х годов не было своего Тимоти Лири, изучавшего наркотики и ставшего прозелитом музыки. В 1986 году в Новосибирск приехал Борис Гребенщиков с группой «Аквариум». Билеты были распространены среди комсомольских активистов.

После выступления Гребенщиков беседовал с залом. Он говорил об элементарных основах индивидуализма. «Я один, и другого такого, как я, больше нет», – сказал его гитарист Александр Ляпин, и никто в зале ДК Чкалова не понимал, о чём это им говорят. Это тогда был такой этап революции.

Вэтом же, 1986-м, году я бывал на квартире известного тусовщика, Александра «Иваныча» Рожкова – он мой одноклассник к тому же. На этой квартире постоянно бывали Егор Летов и Янка Дягилева, и там начинался новый этап революции. «Если бы я мог выбирать, я был бы Гребенщиков», – говорил Егор Летов. Я, к сожалению, с Янкой практически знаком не был, но с Егором много разговаривал. Однажды Рожков повёз его в так называемый «зомбарий», а меня не взял – ну у него были свои там соображения, кому делать какие экскурсии. Меня он водил в другие места. С «зомбарием» этим работал некий следователь милиции Борискин, которому по долгу службы приходилось пробовать на себе всё: «колеса», «известку» и разные другие суррогаты психотропных препаратов. Также у Рожкова я познакомился с некой Галей-галопиридол, которую её первый муж, Сергей «Джекл» Глазатов, звал «бесноватой», а второй муж собирал библиотеку «мрачных книг». Когда они уезжали в Израиль, Рожков все эти «мрачные книги» по методологии наук и математике похоронил в погребке своего дома. В Израиле сборщик этих книг Виталий, будучи русским, долго не протянул и утопился в Средиземном море. Я, когда приехал в Израиль, пытался Галю найти по её следам в городе Ашдоде, но не удалось. Чуть позже мой экскурсовод Иваныч, который отслеживает все рождения и смерти, сообщил, что Галя похоронена в Эйлате. Но это я отошёл от своей статьи и увлёкся мемуарами, впрочем, только чтобы напомнить тем, кого это как-то касается, об их старых друзьях.

Егор Летов является учеником Сергея Жарикова, который, по крайней мере, сам это утверждает. Он называл Егора хиппарём, а затем, считает, что сделал из него человека, т.е. как бы человека – панка. Познакомил его с Лимоновым и Баркашёвым. Это уже выходит за рамки мемуаров, так как панк-рок – это политическое движение. Зачем Егор Летов явно злоупотреблял политикой – это ему виднее. Но, он это делал давно, когда панк-рок ещё был другим. Сейчас то, что называется панк-роком, – скорее hardcore стиль, и в России ему аналогов нет. В России «русский панк-рок» умер вместе с Егором Летовым.

В общем-то, я занимаюсь анализом текстов. Из дисков я выдёргиваю книжки с explicit lyrics и пытаюсь, когда это возможно, переводить, а чаще просто отношусь как к серьёзной форме поэзии, что, разумеется, не все одобряют. «Какова эффективность механизма воздействия, доступная поп-артисту?»

Как ни странно, у Егора Летова очень необычная и оригинальная лексика, и его стихи не ценят образованные литераторы совершенно напрасно. Иногда, конечно, какие-нибудь «нерукотворные п###дюли» ставят в тупик, но успех «Гражданской обороны» основан на таланте Егора Летова. Видимо, поэзию Егора Летова можно сравнивать с поэзией Яна Куртиса и Джима Моррисона. Я не буду много писать про Летова – так как это дело живущих в России.

Ян Куртис, если верить его жене Деборе, вершиной своего творчества считал «Transmission» и ничего другого уже в этой жизни не захотел творить. «We would have a fine time living in the night, left to blind destruction». Впрочем, Дебора выбрала другую эпитафию для его могилы – «Love will tear us apart again». Любовь каждый раз разъединяет нас. Ян Куртис был болен – эпилепсия, и, возможно, никакого экзистенциального чувства вины у него и не было, просто не хотел быть инвалидом. Но миф есть миф. Ему приписывается так называемая ангедония – болезнь отсутствия радости. Выхода нет, и суицид оправдан. Имидж Яна Куртиса успешно ассимилировала группа New Order – но это уже чистый бизнес, а не революция.

Джим Моррисон умер, в некотором смысле, естественной для рок-звезды смертью от передозировки. Всю жизнь Джим был в первую очередь поэтом и даже время от времени уходил от деятельности на сцене и от музыки. Он оставил сборники стихотворений, далёких от рок-н-ролла.

Егор Летов, Ян Куртис и Джим Моррисон являются исключением из правила, из массы артистов. Они могли бы прожить свою жизнь, не будучи «марионетками музыкального бизнеса» – «music-business puppets» (Deborah Curtis). Их творчество самодостаточно и открывает двери восприятия. Строчка песни – может остаться в памяти на всю жизнь. Но многие образцы иного революционного искусства, может быть, и на самом деле только дразнят начальство и развлекают публику?

Некоторые поп-артисты, на самом деле, преднамеренно несерьёзны. В конце концов, шут – это тоже профессия. А профессионализм всё что угодно превращает в «высший сорт». Вот, скажем, Элтон Джон – делает своё дело хорошо, и хорошо зарабатывает. Есть примеры более откровенные. Скажем, Сергей Шнуров – поёт про задницу.

Эволюция панк-рока достигла стадии «революции в стакане». Ещё была стадия «революционного танцзала». Revolution Ballroom – Нина Хаген. Ещё «гигант среди карликов» Марк Болан утверждал: «No, you won't fool the children of the revolution». Танцевали все. Эта танцевальная функциональность больше никому не нужна. Рок-концерт превращается в митинг.

Панк-митинг в качестве цели ставит тоже освобождение, liberation, но у него что-то общее с пролетарской культурой. «Птичка чирикает на ветке» – не в духе панка. «Американская мечта – чёрная маска и газолин» – это по-нашему. Характерно, что в своё время отказались от музыки как от буржуазного элемента, но также и стихотворения, или «тексты», стали набором слов, над стихотворением никто не работает как над произведением поэзии. Речь уже давно не идёт о рифмах и размерах, но и лексика, образы выхолощены до простых утверждений типа «богатые – г#вно», «деньги – г#вно», «евреи – г#вно». Выпускается пар, и ничего не сообщается.

Впрочем, и того хуже. Если ругательства ещё есть своего рода какой-то (политический) бизнес, то иногда просто перечисляются эмоциональные состояния. «Я шёл по своим делам, а они все делают свои дела. Какое мне дело до них? И какое им дело до меня?!» И музыка, и слова на редкость серые и утлые.

Если послушать старые, oldies, – скажем, Deep Purple, Led Zeppelin, Creedence Clearwater Revival – в те времена творчество ещё было старомодным. Неудачные вещи были – но они были экспериментальными, были поисками индивидуального стиля. Индивидуумы перевелись, выжил новый подход – подход общения здесь и сейчас. Концерт закончен, пиво выпито – разошлись и продолжили свои занятия. Ничего не ожидалось в saturday night такого, чтобы можно было запомнить – вход 5 долларов, выход – ноль.

«Boys wanna fight, but girls are happy to dance all night». (Shirley Manson) – это бритпоп, но не панк-рок. А что бы вы хотели от революции? Опять научную теорию и руководство по геноциду?

Как сделать, чтобы «андерграунд цементировался», в конце-то концов? Вообще, о каком андерграунде и о какой контркультуре всегда шла речь в России во времена Подольского рок-фестиваля? Это тексты, которые Егор Летов передавал на свободу, находясь на принудительном лечении? Кажется, в России – это основной архив революции. Но об этом пишут подробно заинтересованные лица.

«By the time we got to Woodstock» – revolution of 1969 – я дочитал до конца. Автор 17 лет делал интервью, увлекательно сообщает подробности, которые только ему известны были, но ничему не учит. Может быть, это правильно. Джим Моррисон сказал нечто такое:

*«Послушай, истинная поэзия ничего не утверждает, ничего не
говорит нам.*

Только отмечает возможности. Открывает двери.

Ты можешь войти в любую дверь, которая тебе нравится».

Применяя эту уловку к революции, мы уходим в сторону от больших вопросов. Но в таком случае нужно «послать подальше» и Лимонова с Дугиным, которые механизм воздействия любой поэзии на простых русских фашистов превращают в политический механизм.

Но, в узком смысле, обычно речь идёт о «трансмиссии» революции в области взаимодействия. В России, почему-то, вся деятельность революционеров, друзей Егора Летова, оценивается как героическая. Вся страна пришла в состояние разбитой империи, которая управляется полковником КГБ, но «лидеры мужчин», которые 20 лет топали ногами и плевались ненавистью, саморазместили себя в русском интернете, пишут мемуары о своём житии и борьбе, неясно с кем и неясно с каким результатом. В сферу революционного пафоса попала и Яна Дягилева, которая участвовала во всех мероприятиях, вклинилась в игры этих людей со своим отчаянным творчеством, но которая как человек никому не была нужна. Впрочем, я заведомо субъективен, но это неплохо.

*«От этих каменных систем в распухших головах,
теоретических пророков, напечатанных богов,
от всей сверкающей, звенящей и пылающей ### Домой!»
(Яна Дягилева)*

В цивилизованных странах героический этап всякого рода революций ушёл в архив поколений. Классификация поколений хорошо известна: начиная от битников, Керуака, который не признал хиппи, и его друга Гинзберга, который участвовал во всех мероприятиях хиппи. Поколение Baby Boomers, поколение Generation X и современное поколение Сети, Net Generation, а также более тонкие Y, Z поколения – сводные таблицы свойств поколений опубликованы – это интересно, но в данной статье, может быть, лишние. Современное поколение пользуется «трансмиссией», сильно привязанной к социальным сетям, и вообще к компьютерам. Но удивительно, что компьютеры изобретены недавно, каких-то 50 лет тому назад. Блогосфера и навыки broadcast yourself – новинки культуры. Очень правдоподобно, что этим ресурсом человечество ещё не научилось пользоваться.

Но, интернет как факт, поэзия как факт, революция как факт – свершились. Старый Чарли локомотив не остановит, но что он может? Broadcast himself, как все. Что, интересно, останется от нынешней блогосферы через 200 лет, и будут ли на «серваках» вестись такие же раскопки, как в мусорной яме Иерусалима? Очень правдоподобно, что после очередной мировой войны или мировой революции, от всей презентации в интернете ничего не останется, какое-то будущее поколение Space Generation всё сотрёт с магнитных media и начнёт переписывать всё заново. Может быть, с библиотекой конгресса США и библиотекой Ленина в России так не поступят – не будут же сжигать всё подряд. Хотя многое сторит, даже рукописи у Воланда в аду.

БЫТИЕ И НЕНАВИСТЬ

Жан-Поль Сартр написал хорошие антифашистские пьесы, которые, может быть, и скучны, но если их всё же прочесть, понятны. Философия Сартра – это феноменологический коктейль: Пруст, Пьер, какой-то риторический педераст вместо плохого капиталиста из «Капитала» Маркса. И неясно, а что же мы можем всё-таки спросить у Гегеля – о «смертельной борьбе сознаний» и «отношении господина и раба»? Но, так или иначе, Сартр написал толстую книгу «Бытие и Ничто». В этой книге есть две небольшие главы о любви (первая установка) и ненависти (вторая установка). Почему-то опыт феноменологической онтологии любви и ненависти в основном является опытом телесной любви и ненависти, которые логически заканчиваются мазохизмом и садизмом. Видимо, Сартр ставил задачу – скомпилировать своё исследование, заполнить материалом печатные листы – и до конца не додумал все следствия, связь между Ничто и обществом. Почему-то Гитлера и Хайдеггера он сделал своими оппонентами, а к достижениям сталинского социализма относился благосклонно. Может быть, на то она и феноменология – не дотягивает до оснований и сущности.

Толк в ненависти я познал в полный рост в Израиле, на родине христианства, христианской любви. Дина Рубина, хороший «русскопишущий на иврите» автор, высказала точную мысль: *«...я оставлю в стороне Аллу Шаинскую в обнимку с её «оппонентами», но скажу лишь несколько слов о нашей национальной болезни. Евреи – старый народ. Долог наш путь, а в пути, бывает, подхватишь какую-нибудь заразу. Таков тяжёлый недуг: еврейская самоненависть. На протяжении истории им страдали немногие, но во все времена случались люди, заболевшие этой болезнью. Евреи, как известно, – народ-богоборец. При условии, что Бог есть. Если же Бога нет, то всю священную ярость еврей обрушивает на собственный народ. Как скорпион, жалит самого себя в голову».*

Здесь для меня наиболее интересна ремарка: «при условии, что Бог есть». Я ещё 30 лет тому назад слышал заявление, что Ленин/Ульянов всю свою «скромную публицистику» писал, отвечая на этот же вопрос – «а есть ли Бог?». Так что «условие» витает в воздухе.

Почти во всякую дискуссию, во всякий блог, скажем, в «Гайд-парке.ру» обязательно вклиниваются несколько, как их иногда называют, троллей. И напоминают, что Медведев, дескать, – на самом деле Мендель, развал СССР – диверсия, на которую США потратили столько-то миллиардов долларов, агенты влияния и власовцы повсюду насаждают свою русофобию. Оставим в покое литературу, которая – бумага или html – стерпит всё, но обратимся к точности, если уж не к истине, вышедшей из моды.

И само понятие любви к месту, где ты родился, к Родине так ли уж очевидно и не нуждается в оценке критическим мышлением? Ведь кто-то родился в Москве или Омске, а кто-то в Нью-Йорке – что же теперь, единого Бога для них быть не может?

Библейский Бог – известно, что это наследие евреев – историческая реальность. А также историческая реальность – это wisdom евреев, что подчёркивают Лайтман и те, кто всегда будут «хотеть быть» евреями. Напомню, что еврей по матери – официальный статус для закона о возвращении в Израиль, но есть и альтернативный подход. Любой может пройти процедуру гиюра, но его спросят: «Знаешь ли ты, что евреи – народ, гонимый во все времена, и хочешь ли ты в этом случае стать евреем?» Достаточно на этот вопрос ответить «да!» и стать евреем.

Впрочем, лично я хотел бы – чтобы наконец-то выросли другие нации, и появилась бы альтернативная историческая реальность. Поскольку Библейский Бог – частный случай. Что такое 4000 лет? Может быть, человечество не вымрет ещё 400,000 лет?

Моя-то жизнь коротка – вряд ли 100 лет проживу. Так что не лучше ли остаться в рамках «своего и нашего» и не пускаться в экстраполяции эпох. Однако возможно ли в принципе такое – философия, которая что-то положительное утверждает относительно всей существующей истории человечества и даже нечто о будущем человечества? Может быть, я лично недостаточно умён и недостоин. По крайней мере, когда-то я что-то произнёс на каком-то семинаре,

не являясь «членом науки», и меня прямо спросили: «Ты кто такой?» Но это мелкая мстительность, обратимся к достойным мыслителям, а не к «членам наук». Всё же достойные мыслители, получившие талант от Бога, не в «Гайд-парке.ру» спорят друг с другом, а как-то по-другому вносят положительный вклад в Единое Поле.

Таким образом, в качестве исходной точки, или оснований wisdom, необходимо признать возможность отражения в конкретной голове замысла некоего Бога. Если это невозможно, тогда существует только Бред – даже допускающий успешных в некотором деле людей, но учиться успеху у них можно только обезьяньим подражанием. Это отдельное направление, которое я оставляю для соответствующих coaches и гуру.

Кто-то на Востоке сказал, что после смерти атеисты получат свою пустоту – сольются с каким-нибудь космическим излучением. Получат то, что они хотели. Если ты любишь мясо – станешь тигром, любишь сладенький секс – станешь растением, а ничего не любишь – так ничего и не получишь, получишь своё Ничто.

Философия нигилизма у Ницше не совсем универсальна, там упоминается Вечное Возвращение, и ночные песни Заратустры – это всё скорбь по тем, кого «мелкие люди, щёлкающие языком», уничтожают и будут уничтожать в силу своей человеческой природы. У Ницше поэзия, а философия постольку и в той мере, в которой поэзия может являться высшей формой языка. Но последователи Ницше пытаются описать Ничто – может быть, с научной точки зрения. Кстати, хорошие учёные говорят, что они верят в Бога, в деизм, в природу, в демона Лапласа – но верят во что-то высшее, иногда даже и в библейских аватар.

Но интересно было бы скрестить проблему Ничто с проблемой Ненависти. Ненависть как способ познания видимо приемлема, в науках будет работать. Схоласты признавали способ познания Бога через перечисление того, чем Бог НЕ является. Имея такого рода «фильтр», можно уже строить дискурс, рассуждая о разных законах природы, общества и человека. При этом можно смело утверждать, что никому не желается конкретное зло, но деление на друзей и врагов следует из «слишком человеческих» предрассудков и слабостей. Можно сказать: мы безусловно желаем всяческого зла своим «оппонентам», но мы опираемся на правильное понятие

о зле, или на научное понятие о зле, какое-нибудь классовое зло правильного класса.

Ничто – это такой же континуум, как и Бытие. Однако Ненависть – это некий субъективный выбор, решение практическое. Поскольку необъятное никто не обнимет – нужно жениться по расчёту, а не по любви, и интересы семьи – например, какой-нибудь Семьи Бориса Березовского – это то, на что можно в жизни опереться, на дружбу порядочных людей, снабженцев друг друга благим дефицитом. Такие кланы есть в любой нации, и, по-видимому, это ступень эволюции. Небезынтересно заглянуть в женские социальные сети, и даже в книжные магазины, в которых продаются книги серии «сволочь ненаглядная».

Но в чём состоит методология ненависти? Тут хорошо можно опираться на методологов, обсуждающих сталинизм и развал СССР. Для меня не ясно, понятное им, универсальное значение дефицита внешнего бюджета. Я успел прожить свои лучшие молодые годы при Брежневле и помню, что «внутренне» тошнило – руке, что многим бесполезно было объяснять, так что я подозревал, что со мной что-то и на самом деле не в порядке. Когда выяснилось, что «мы были правы», состояние того времени стало ресурсным. Но, что удивительно, оказалось, что есть люди, которые считают, что были правы они – поскольку «у них в семье никто от сталинских репрессий не пострадал». Но на данном этапе, в 21 веке, это уже не какая-нибудь ложная шизофрения, а самая естественная здоровая ненависть. Таким образом, всё встало на свои места – но, при условии – методологическом – что Бог есть.

Ненависть в узком смысле никакого отношения к Богу и философии не имеет. Не зря старый бихевиоризм рассматривал человека как крысу в лабиринте. Есть стимулы и реакции, и хорошо известны такие реакции, как зависть и ревность. Старое мотто «око за око, зуб за зуб» не стоит того, чтобы ссылаться на Библию. Животные убивают ради еды, но агрессивны становятся при наличии опасности. У людей агрессия и деструктивность – расширение принципа удовольствия. Мазохизм и садизм у Сартра – установки бытия для-другого.

У алкоголика сосед – геолог, и алкоголик завидует – это юмор Владимира Высоцкого. Облава на волка по-советски – это уже сатира. Но это происходило в «отдельно взятой стране» и

по-своему вызывало сочувствие. Если алкоголик остаётся на своей родине, а сосед его попадает в загробный мир, в Рио-де-Жанейро какое-нибудь, не дай бог, в Израиль, то это уже не юмор, и не сатира – это глухая стена, хуже может быть только отчуждение сумасшедшего. Конечно, обычная белая ложь отрицает этот эффект.

Хотелось бы сопоставить бытовую ненависть с уровнем интеллекта носителя ненависти. Уровень интеллекта не то же самое, что уровень образования. При наличии хорошего интеллекта обострения шизофрении проходят мягче, злобные и глупые больные чаще приобретают необратимые изменения личности. Один мой знакомый ждал 30 лет, когда же у меня будут обещанные ему наукой изменения моей личности, а потом, когда я послал ему по почте написанные мною книги, расстроился. Но я так и не знаю, что же его расстроило больше... А может быть, он просто умер. Но ненавидеть человека с нормальным уровнем интеллекта бессмысленно, коль скоро его ответная ненависть становится психической самозащитой и компенсирует слабый ресурс воли нападающего.

Жан-Поль Сартр знаменит ещё тем, что написал письмо в СССР в защиту преследуемого поэта Иосифа Бродского. Поэту Бродскому было плохо в СССР, и эту историю с председателем народной дружины все знают, хотя сам Бродский просил не акцентировать внимание на роли политических марионеток в большой картине своего творчества. Но всё же поэт не только стал нобелевским лауреатом, но стал и объектом ненависти, скажем, саксофониста Сергея Летова, а чего ещё ждать от исполнителя соло в «Песне Огня» из «Оккупации» Бати Жарикова? Хотя Бродский считал себя русским поэтом, и даже писал Брежневу о своей душе... Но русские патриоты в России своим (или «нашим») поэтом его никогда не признают. Анна Ахматова и Сартр сделали Бродскому имя и способствовали его карьере на кафедре Массачусетского университета, но свои «части речи» Бродский написал сам. Памятник Пушкину сделан из того же металла, что и кандалы, и русские непатриоты считают Бродского Пушкиным, освобождённым от национальной ответственности. Но мы имеем тут дело с достаточно сложной формой ненависти. Это не просто ненависть Ивана Говнова к Васе Пупкину, а ненависть внутри интеллигенции.

Кстати, об интеллигенции. Всех нас учили, как мил был будущий вождь мирового пролетариата в эмиграции на Капри – его, любя, звали господин Дзинь-Дзинь в честь колокольчика, привязанного к удочке – по одной из версий Максима Горького. Но интеллигенцию Ленин не любил, в частности, многих расстрелял, вырезал, и стал господином Дзык-Дзык. Это из воспоминаний художника Юрия Анненкова, которому случилось рисовать в 1921 году Ленина.

«Я, знаете, в искусстве не силен, – сказал Ленин, – искусство для меня – это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его – дзык, дзык! – вырежем. За ненужностью». И далее: «Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к зарождению новой интеллигенции. «Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая. Только и всего».

Так... ещё один анекдот. Ильич умничает. Но всё-таки – диалектика пролетарской ненависти.

Сейчас появились информационные системы, в которых аналог убийства на дуэли – простой отказ от сервиса. Это что-то вроде этиологии детской шизофрении: ребёнок бежит взволнованный к родной матери, но так называемая шизогенная мать никак не реагирует, не обрабатывает эмоциональный запрос. Детская психика накапливает отказы матери, простейшие реакции и рефлексy искажены, и нормальное сознание и нормальная психика не формируются. Шизогенную мать заменяет шизогенная компьютерная Сеть. Тем более, когда Сеть импринтирована как социальное приложение. Впрочем, для меня и для моего поколения эти вещи – относительная новинка, а здоровые мозги у новых поколений, которые с мобильным интернетом «на ты», приспособлены лучше. Но приспособленность не означает, что не существует новый тип психического травматизма.

Большая звериная ненависть, которая кончается тюрьмой или политической карьерой с вовлечением в орбиту ненависти народных масс, возможно, поддаётся оценкам большой этики, и можно было надеяться на революции, религии и разумное коллективное соглашение, которое реализует государство и государственные институты, – надеяться на какой-то Свет, который лечит души.

Когда мелкая звериная ненависть становится распределённой, поддерживается в интересах лиц, способных организовать общественную инфраструктуру, в которой контроль 50% населения возможен и эффективен с точки зрения неодошевлённых форм технического прогресса – воспоминания о Свете для души могут уже не заинтересовать идущих и ведущих. С точки зрения организационного оружия, ничего нет проще, чем устроить революцию или заставить обывателей сдавать желудочный сок марсианам. Зачаточные навыки самостоятельного мышления легко запрограммировать в нужном направлении.

Напомню: есть ещё «еврейская самоненависть» как следствие неверия в Бога. Так многие думают. А также шутят, что все антисемитские анекдоты сочиняют сами евреи. Так что, господа, «русак!» – хотите соревноваться – сочиняйте анекдоты сами, не списывайте. Плотность троллей в интернет-парках настолько высокая, что любая тема как правило многократно прерывается «еврейским вопросом» и со стороны антисемитов, и со стороны сионистов. И те и другие высказывают в каких-то немислимых чепчиках старой Коробочки из «Мёртвых душ». Где же поколение Z? Почему в форумах сидят старики, герои, не сумевшие когда-то, в уже забытые времена, прикончить врагов своих Гайдара, Чубайса и Березовского?

Когда мы слышим «долой!» – оказывается, это не значит, что всё нужно понимать буквально, это может быть заковыристая игра ума. Я хорошо помню, как это начиналось в СССР и чем это кончилось в России. Но я как могу – стараюсь не копать и не злоупотреблять мемуарами, разве что на данном этапе иногда передам «привет» – а если проживу дольше, попробую что-то сказать про себя, а не про знакомых.

Александр Зиновьев уже всё сказал про диссидентов из СССР, подписантов и про самого себя – это были герои на один час или на несколько дней. За инакомыслием в СССР просматривались,

как сквозь стакан с плохо заваренным чаем, – агенты влияния, такие же революционеры 60-69 годов – которые надышались своей свободой и ныне отошли в небытие. Остались мемуары про Woodstock. Оказывается, все революционеры после Второй мировой – простые кайфунчики. Я не имею в виду террористов. Что касается революционеров-троллей, то всё, что они делали, можно понять только при условии отказа соглашаться буквально со всеми, стоящими за этим, социальными теориями и заказами. Революционный Дух превыше Буквы и Толкования. Возможно, начало для революционного кайфа заложил тот самый Жан-Поль Сартр – с одной стороны, официально признанный антифашист, а с другой стороны, плохой философ, который для сопротивления современному фашизму никуда не годен.

Впрочем, у каждого конкретного человека только одна жизнь.

ОГНЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И НАВОЗ

*«Сижу в серой рубахе
Смотрю в окно
Цивилизация Россия мать земля
Трагические формы»
Яна Дягилева*

Надо же – прислали человека с ледорубом... А он, Лев Троцкий, верил в «огненную революцию» и писал статьи по искусству, про Александра Блока: «Конечно, Блок не наш. Но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался». Ещё характерный оборот пролетарского комиссара: «Присоединившиеся ни Полярной звезды с неба не снимут, ни беззвучного пороха не выдумают. Но они полезны, необходимы – пойдут навозом под новую культуру. А это вовсе не так мало».

Революция и культура данного толка существовала в политическом государстве с 1917 по 1990. Но рукописи не горят. И сочинения Ленина и Троцкого, следовательно, не горят – напротив, остаются владеть умами. Ишь ты – Зюганов принимает в пионеры школьников из города Жуковского! А у школьников есть родители, с которыми Зюганов договорился.

Наблюдая исторические метаморфозы – просто теряешь нить здравого смысла. Не то Светопреставление, не то «реальность», с которой ничего не поделаешь, только что можно отгородиться от людей и бога персональной каменной стеной. Огненные революции ещё покажут кузькину мать каким-то там недоприсоединившимся или опизденевшим.

И куда же без революции? В наши подлые времена, ему, Полиграфу Полиграфовичу. А вожаком революции – генерала выбрать, раздувшегося от любви к Родине. Ибо что такое Родина –

картинка в букваре, импринт, за пределами Родины – Ничто. Так хочется генералу. Или генералу так нужно.

Okay. Но все хотят отдохнуть от политики. А для этого всё есть. Grand Parade of Lifeless Packages. Понастроили. Законнектили. Выход в параллельный мир начинается сразу на сайте с банкоматом. Или Бригантина! Корабль, куда всё включено.

Хорошее и доброе слово об СССР сказать можно. О писателях «застоя» хорошо отзывается Сергей Довлатов: они, эти писатели, ему помогли или Андрею Битову. Потому что действуют законы природы – как бы ни старались испортить всё социальные реформаторы. И в средние века в Европе нельзя было ни строчки написать без ссылок на Фому Аквината, но Николай Кузанский, и уж тем более Николай Коперник, сумели что-то сказать важное. Таким образом, существовали «благополучные семьи» между 1917 и 1990 в Российском пролетарском заповеднике. Им создали условия за счёт перекачки энергии с других ресурсов, и они этими условиями воспользовались в самом благородном и положительном смысле. Иной сын секретаря райкома начитался и Фрейда в закрытом отделе ГПНТБ, и всего Фолкнера прочитал. А также господа учёные – эти уж точно в собственном соку в полный рост втянули в себя лучшие достижения человечества. И господам студентам было не так уж плохо – на лекциях им перепали остроумные и умелые выкладки буржуазного в том числе интеллекта.

Я вот думаю, что общего между мной и Янкой Дягилевой? Я где-то там был на грани поступления в аспирантуру на Урале, а она изучала высшую математику в институте водного транспорта в Сибири. И оба мы обязаны были изучать элементы так называемого научного коммунизма – по определению социальной системы с религией данного типа. Конечно, мне далеко до неё – она звезда культового рок-н-рола, и «послав» институт – вышла с концертами в народ. А то, что я «послал» теорию Галуа и машины Тьюринга, – это скорее минус. Я, так сказать, – аутентичный поэт. Плюс на минус дают освобождение. Это Освобождение как раз и есть то Общее... Я, она и многие родственные нам товарищи с незаконченным опытом интеграции в комсомол, партию, в систему перекрёстных доносов местному майору – мы НЕ ПОЛЮБИЛИ. Мы не полюбили ни «нелепую гармонию пустого шара», ни дедушку Ленина, ни всё остальное благо, может быть, и существовавшее, а может быть, и частично переползающее в будущее, в 21 век. Как мёртвые обычно

хоронят своих мертвецов, я не против, пусть живые продолжают любить Ленина и огненную революцию, потому что их так «гармонично» воспитали. Пусть ЛЮБЯТ. Любовь – это всегда хорошо.

Многие безусловно не любят сатиру, их коробит. Скажем, некоторые поэты серебряного века называли Гоголя некрофилом. Но Гоголь писал и о любви. О любви Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. В этой повести нет ни грамма ненависти. Так что эта повесть – видимо, контрреволюционное сочинение. В наше время в школе на уроках литературы его почти не комментировали, и кажется, и в школьную программу оно не входило.

Хотя я и избегаю мемуаров, в интересах законченной мысли всё-таки вспомню, что родом я из города Новосибирска, где два с небольшим года проучился в ФМШ в Академгородке. Это, вообще-то, было явление советской системы, в первую очередь, этот самый Академгородок. Не то 40,000 курьеров, не то 40,000 кандидатов наук, собранных в одном месте. Можно было бы цинично использовать еврейское слово «цимес». Кроме всяческого советского позитива, института ядерной физики, который построил Берия, но почему-то некоторое время возглавлял Герш Ицкович Будкер, в Академгородке были явления, так сказать, классического антисоветизма.

Например, всякая Психоделия Today, Битлс, Криденс, в том числе, виниловые пластинки того самого Deep Purple, помеченного на карикатурной маечке нынешнего президента Медведева. И некоего Сергея Кургина, который сейчас борется как может за восстановление СССР, называют «главным битломаном кремлёвской психоделики». Короче, это то, что нам и сейчас не могут простить, – интерес к нерусской западной культуре. Из «Гайд-Парка» – «...ваше поколение купилось на Битлс и карошу жисть...». Хотя, надо сказать, все эти тяжёлые мегаватты какого-нибудь Оззи Осборна, которые обрушивались на родителей шестидесятничков, – в ТЕ времена имели другой смысл, ничего общего с западной культурой. То, что эта культура «западная», подметили в своих интересах лица, не чуждые политехнологиям, лица, манипулировавшие интересами.

Надо сказать, Янка Дягилева была знакома с «чуваками», которые в Академгородке снабжали её психоделией today на

систематической основе. Без этого она, как знать, может быть, гораздо дольше проучилась бы в своём институте водного транспорта. Существует толстая книга мемуаров друзей Янки, и главный друг – Егор Летов. Вообще-то, Янка выманила Летова из гбистского отделения психбольницы в Омске (страдая от нейролептической неусидчивости, он там пристроился на кухне чистить картошку) и удачно довезла до Крыма – откуда и пошёл весь этот культовый рок-н-ролл. Слава Психонавтам, конечно, но с другой стороны, она долго не прожила. Ну, мы всегда только догадываемся, в чём смысл жизни – так что Слава! Слава Психонавтам!

Читатели, которых всё же интересуют исторические детали культового рок-н-ролла 90-х годов, могут обратиться к изданию «Янка. Сборник материалов», 2001, «Облик», СПб, г.Павловск, 607 стр, ISBN 5-85976-223-3-2. Я не могу к этой книге что-либо добавить того, что касается хроники и документов тех времен.

Главный панк постсоветского пространства носил чёрные одежды, которые обязывали «гореть на костре». Пишут, что не то Баркашов, не то Васильев заметили ему, что он плохо одевается, ходит ещё и в кедах. На что Егор заметил, что одевается бедно, как одеваются его поклонники. Но, впрочем, дело не только в одеждах, а в двойном концепте. Во-первых, для себя и для поклонников всё-таки имелось не одно и то же. Большинство поклонников отродясь не прослушивали компактные диски Сида Баррета. Во-вторых, знаменитое «пошли на xxx» – в одном контексте означало одно, в другом – другое. Последнее своё «пошли на xxx» он так и не сказал своим нацболам и теоретическим пророкам фашизма – то ли очередная клиническая смерть не выпустила «домой», то ли просто захлебнулся. Так или иначе, последний бог революции – умер.

А дальше таксисты в серых рубашках включают свои счётчики. Дождутся и дня, когда умрёт Чубайс. Отметят по традиции. Так до конца всей Кали-Юги... или что-то произойдёт?

Известно, что наука стремится к строгости, и когда это адекватно, применяет математику. А математика – это не только формулы, что понимают далеко не все, – а структуры мышления. Искусство, в общих чертах, всегда может сказать гораздо больше, чем наука. Но если от потока сознания, журналистского, и тем более современной мусорной ямы блогосферы, попытаться абстрагироваться – перейти

к структурам – то это уже приближается к искусству. А наука – это, вообще, «симптом жизни» или нет, как вопрошал Ницше?..

После данной тёмной и, не побоюсь слова, тёмногегельянской преамбулы, я задам вопрос: а можно ли абстрагироваться от евреев, размышляя об огненных революциях, 1917 года, в частности? Тут необходимо немного понять, что значит абстрагироваться, потому что никуда не денешься от анекдота: «Если за столом сидят шесть комиссаров, что под столом? – Двенадцать колен Израилевых». Впрочем, этот анекдот не от жидокомиссаров из «Гайд-Парка», а из книги Владимира Хазана «Особенный еврейско-русский воздух», которую интересующиеся читатели могут поискать: Москва, Мосты культуры, 2001, ISBN 5-93273-065-X.

Экспертами по обману русского народа евреями являются Сергей «Батя» Жариков и джазмен старший Сергей Летов, брат Егора Летова. Сергей Летов тоже учился в ФМШ в Академгородке и снабжал младшего брата виниловыми пластинками Moody Blues и того хуже. У меня там в Омске один знакомый в школе от AC/DC был без ума. Что возьмёшь... Молодые и политически неграмотные, битла волосатая, гопники, социальные меньшинства.

Политграмоту «простому мужику» преподавала в полный рост группа «ДК», и соло на саксофоне Сергея Летова, право, дивно хорошо в «Песне Огня». 40 лет назад я и Сергей Летов слушали вместе «Поэму Огня» и «Поэму Экстаза» Скрябина, хотя я плебейски нисходил на «Whole Lotta Love» Led Zeppelin.

Я помню Сергея Летова по ФМШ, и потом как-то в командировке в Москве зашёл на его концерт. Притом другой одноклассник, Станислав Черновский, резко осудил меня, что после концерта я не пошёл с ним за кулисами выпить коньяка. Но на самом деле я на этом концерте сидел, выпив грамм 100... Я же не бочка! Просто так получилось, что в ФМШ между двумя потоками, жившими в разных корпусах, существовали натянутые отношения. Потом, перед выпускным экзаменом, все подружилось, и главный всеобщий друг – Александр «Иваныч» Рожков, с которым, впрочем, до сих пор даже я переписываюсь. У Рожкова на квартире были и Янка, и Летов, и Селиванова он знал – так что он и главный мемуарист. В десятом классе в ФМШ дирекция начала «вышибать» из школы за разные грехи. Меня вышибли первого, хотя на селективном педсовете мы рассматривались трое: я, Летов и Гневкин. Про Гневкина читатель может узнать всё, или почти всё, прогулив

«Калинов Мост» и «Ёк-Макарёк». Гневкин истерически подстриг длинные волосы, как под заключенного гулага, я не рассчитал и из лесов вышел на трассу милицейской машины, что квалифицировали как алкогольный синдром. А Серёге Летову, одному из нас троих, было всё равно – он волосы стричь не стал, и сейчас не стрижёт. Впрочем, из школы его выгнали по счёту десятым или пятнадцатым, перед самым выпускным экзаменом, за чтение Булгакова «Мастера и Маргариты» – почему-то и это было запрещено. Чтение Сергеем Летовым Булгакова помнит Ольга Порпиева/Мазина, которая сейчас в Филадельфии, и радуется за него, что Сергей в состоянии прокормить себя в Москве игрой на саксофоне. Она, возможно, была влюблена, хотя теперь уже это не важно. Sic transit...

Но вернёмся к нашим баранам. Политграмоту «простому мужику» – как писали критики, поставив его «раком» – преподавала в полный рост группа «ДК», и соло на саксофоне Сергея Летова право дивно хорошо в «Песне Огня»:

*Кондовые вожди в невежественном рёве
Грозятся развязать всемирный катаклизм.
И вот на Соловках еврейская корова
На трупах практикует свой интернационализм.*

Слова песни – «Бати» Жарикова, который всё-таки перегибает палку, подписывая в «сетевых жужжалках» свои статьи – Зигхайлюшки! Это всё «Folks!», а что ещё можно найти в документации?

«С Лениным и тремя вагонами революционеров ситуация исследована хорошо. Кратко суть: один из организаторов социал-демократической партии в Питере Парвус (Гельфанд), видимо, по своим личным связям пробил во властях Германии целый План (он сохранился в виде толстого тома!) – план политической дестабилизации в Российской империи. План был принят, деньги выделены».

Получается так, что всё-таки «поймали в мешок золотой огурец», с точки зрения методологии, можно ли прожить без еврейского вопроса? Нет! Даже квантовая физика не обходится

без каббалиста Лайтмана. Евреи – слишком умная нация, у них – «планы». Единственно реалистический вариант – gas chamber, final solution рейхсминистра Гимmlера – убивать.

Убийство евреев и является последней огненной революционной идеей. Боги этой идеи в сумерках России, как кошки, не уверены: то ли поцарапать, то ли лизнуть волосатую чёрную иудейскую лапу... Впрочем, это уже лирика. И послушаем революционный, зовущий к топорам, московский джаз.

Boys Don't Cry. Всё же мне пришлось в своей жизни видеть плачущих мужчин. В школе, в ФМШ, у меня был один близкий друг. Он исчез, поэтому имени не буду называть. Но был он пижон и стилига. Мне присылали родители 15 рублей месяц, а ему папа, главный инженер завода, 25 рублей, поэтому он был самый богатый мальчик в классе. Ну и джинсы в конце концов раздобыл настоящие – Levis. Хотя у него и Super Riffle были, смутно припоминаю. В общем, мы с ним играли в политику – манипулировали комсомольской организацией. Было интересно, но надоело. Читали в «Иностранной Литературе» кое-что: он Сартра и Камю явно переоценивал, просто ему нравилось их читать, говорил, что это «наши писатели». Впрочем, я мемуары не пишу. Кончилось ему это всё персональным делом в комитете комсомола. Его исключили из рядов с формулировкой «за идеологическую несовместимость». Это уже было примерно в феврале, хотя меня отправили в вечернюю школу в октябре. Между октябрём и ноябрём я почти каждый месяц ездил в Новосибирск, в частности, нас вызвали на процесс спекулянтов пластниками, точнее, лично меня, так как я там какой-то «In The Court» покупал – и следователь всё выяснял, за 50 или 60 рублей. Я, вообще, King Crimson покупал в другом городе, а у того, на скамье подсудимых, покупал «Let It Be». В самом зале заседании суда, вообще-то, этот вопрос о ценах смешно звучал. Но и мой друг по комсомолу ходил на процесс – из любопытства. Он как-то надеялся на то, что из ФМШ его не выгонят, комсомольский процесс в комитете НГУ аннулируют, и папа его, который присылал ему по 25 рублей, надеялся. Он даже приехал, обосновался в гостинице РЗД и приглашал через нас на беседу ключевых активистов комитета комсомола ФМШ. В конце концов, когда уже был куплен билет на самолёт, в последний вечер, мы вдвоём выпили на двоих бутылку водки, сели в пустом блоке на две железные кровати, и мой друг

плакал. Достаточно громко и долго. Я пожал на прощание его руку и поехал на железнодорожный вокзал. Где-то он жил в Гаграх – что мне сообщили по московскому какому-то связному телефону. Но он на связь не выходит. Функционально этот пассаж псевдомемуаров нужен мне, поскольку объясняет, что с того самого вечера моя политическая персональная борьба, какая-либо общественная деятельность и контакты с народом перестали меня волновать. А также мне неинтересна конспирация, внушение к своей персоне любви, выступления на сцене с перформансами и докладами на трибуне. Другими словами, я революционером не стал.

Хороший был революционер в Академгородке – Евгений «Джоник» Соловьёв. Не так давно и он скончался, похоже, по вине врачей, которые не умеют в Кургане лечить язву желудка. Перед смертью читая сочинения Канта... Но он вообще был не равнодушен к третьему рейху, валькириям и певице Нине Хаген. Первая жена Джоника, Галя, тоже умерла, врачи не спасли её, укушенную в Бердском заливе энцефалитным клещом. Галя рассказывала мне про Джоника кое-что, про депрессии и слёзы... Кто бы мог подумать – ведь так было всё весело... Джоник считал, что переделает мир после Джелло Биафры, Егор Летов говорил, что он станет круче «ДК». Даже Судаков «Манагер», задрал штаны, убежал из комсомола в андерграунд. Дима Воронов, бас-гитарист «Бомж» – конечно же, повесился – как-то раз ночью помог мне проникнуть в квартиру, через закрытую дверь. А кого-то и не хочется вспоминать. Всё пройдет! И ЭТО тоже.

У меня есть друзья разные: и умеренные, и которые мне пишут иногда в Вудбридж. В самом Вудбридже тёзка и сосед по спальному району – из той же ФМШ, доктор философии, сын преподавателя физики из ФМШ, поклонник большевизма и общественных наук. Любовь, друзья, – это хорошо. Нужно ценить. Если я не ценю – сам дурак. Я даже готов СССР повосстанавливать – скажем, денег послать на памятник Владимиру Высоцкому. Я хотел и на памятник Летову в Омске 500 долларов дать, но Рожков пишет: хватит и 50, и там ходят бухают не то нацболы, не то просветлённые панки. Что же я буду поощрять пьяниц... пусть меньше пьют и больше думают, как перехитрить евреев. Как пишет Наталья Улицкая: иногда дело – не в ненависти, а в непонимании. А поймут – так новую мировую религию и сами изобретут. Дел-то... В печку! В огонь!

ВАНКУВЕР

Прилетели в девять утра. 26 декабря, плюс три по Цельсию. Little bit foggy – оказалось, это густой, как молоко, тихоокеанский туман. Город – среди гор, напоминает Алма-Ату, Тянь-Шань, но горы выше и ближе.

Едем в отель на такси – кажется, что медленно, я думаю, что из-за тумана. На спидометре только тридцать, я спрашиваю, какой тут speed limit, – справа на дороге нет никаких знаков. Шофёр понял, говорит: «Сэр, это мили!» Никаких следов снежного покрова, вечнозелёные какие-то деревья, и архитектура частных домов, коттеджей не похожа на другие страны – какая-то Британская Колумбия в чистом виде.

В отеле 31 этаж, нам дают этаж 27. Но комната хорошая, из окна вид на горы, кстати, напоминает отдалённо и холмы Иерусалима, куда «восходит... алия».

Делаем вылазку в downtown. Высотные дома, стеклянно-бетонная обстановка, уже хорошо знакомая. Как известно, в таких местах обитают «несчастливые укушенные люди, которые не могут умереть и живут своей тёмной жизнью»... Попали на boxing day – люди стоят в очередях за хорошими ботинками, на которые сегодня скидка 70%.

В каком-то дорогом ресторане, куда зашли вместо Tim Hortons для изучения культуры, принесли roasted soup – сама процедура забавная. На дно большой тарелки положили ложку какой-то смеси, потом полили чилиподобным соусом. «Это что, суп?» – «Да, сэр... Поперчить?»

Ну, ладно... Нашёл то, что искал: музыкальный магазин «HMW». Половину того, что надо было, не купил – дорого, несмотря на boxing day, но в два раза дешевле, чем в прошлом году в Лондоне. Молодая девица понимающе улыбнулась, посмотрев на выбор стареющего сэра – книгу «Why Kerouac Matters?». Хорошо, когда улыбаются девицы...

На сегодня всё, не считая всяких бытовых мероприятий: закупка продуктов на ужин, просмотр телепрограмм. Из окна видно, как на вершинах гор горят огоньки, – там кто-то живёт, наверное, индейцы.

В тумбочке в придачу к стандартной Gideon Bible обнаружил евангелие мормонов. Но на ночь почитал привезённый с собой «Апокалипсис Смысла» о разложении западной цивилизации.

Утром проснулись рано, до рассвета, так как с Торонто разница по времени – три часа. Когда взошло солнце – тумана нет, а из окна виден ещё и Тихий океан, точнее тихоокеанский залив... Но надо будет найти катер в открытое пространство. Через интернет поинтересовался состоянием кошек, оставленных на basement в Торонто, – пока ни одной мыши не поймали... В новостях министр обороны США что-то говорит про допросы – interrogations – в действующей армии: то ли на чистую воду выводит кого-то, то ли направляет мочить в сортир... Целый блок новостей про сектор Газа – это, как обычно, без перемен: «они хотят только одного – убивать друг друга».

Взяли на сорок восемь часов стандартный автобусный тур – big bus. Решили в первый раз проехать по кольцу без остановок. Запомнилась скульптурная группа в English Bay и Stanley Park – вообще, ожидал большего. Chinatown такой же, как в Торонто, но, наверное, более продвинутый. Завтра поедем с остановками. Случайно нашли хороший супермаркет и «столовую» – гастрономический перформанс на этот раз не состоялся, новые ощущения на языке – тайский салат манго и ginger tea. Сделали радиальную вылазку во внутреннюю гавань – наконец-то наблюдали какую-то олимпийскую символику 2010 года. Далее яхты, лодки и самолётики. На таком самолётике – floatplane – подвозят на Victoria Island смотреть на китов в открытом океане, но сейчас не сезон для морских круизов. У жены заболело горло, так что до конца дня телевизор, сауна и интернет. Заказал только ресторан на 31 декабря с длительным просмотром каких-то дискотек с техно и хаусом – все приличные билеты распроданы, кроме простого входа на танцы. Так что будет простой ужин даже без countdown. Но выяснил, где тут берут на прокат машину. Все музеи сегодня были закрыты – воскресенье.

Сидел в джакузи с каким-то итальянцем, отцом трёх дочерей, которые плавали в бассейне, подсмотрел, что он читает. Rollins, «Amazonia». Директор ЦРУ получает фотографию агента из морга – у трупа две руки, хотя, согласно досье, была только одна рука. Директор ЦРУ посылает в Бразилию отряд выяснять, как же так – откуда две руки вместо одной?

Утро начали с аптеки: у жены горло и жаловалась вчера на высокую температуру. Поехали в Stanley Park в Аквариум смотреть 70 000 обещанных рекламой зверушек. Что там действительно оказалось – арктический павильон с белугами, котиками и необычными северными дельфинами. Ну ещё с юга – тропический павильон: акулы, электрические скаты, попугаи, ибисы.

Скульптурная группа в English Bay – китайский гений изобразил самого себя в состояниях истерического смеха. В китайском квартале жена из автобуса усмотрела какой-то шёлковый халатик, теперь задача – туда добраться за ним ещё раз. Вроде бы интересный старый квартал с сувенирами, надо будет в последний день закупить сувениры. Из еды в Urban Fare ничего оригинального – греческий салат.

В океан выйти не сезон. Консьержка нашла только какой-то единственный супер-выезд на Victoria Island: лететь на самолёте, потом шлюпка – экстрим, и очень дорого. Прогуглил малоизвестные музеи, что-то вроде шаманизма и трансформации, нашёл на юге от Ванкувера международный буддистский храм, в Новом Вестминстере – uptown – пишут, Сан-Франциско в Британской Колумбии. Жене – три вязальных магазина. Всё идёт к прокату машины, а парковки дорогие – жена против машины. В чемоданах нашёл мешочки с железными двойными долларами – toonies – из копилки, то есть это message от жены – надо экономить и экономить... Ну хорошо, сэкономил уже на встрече Нового года – от билетов на танцы отказался.

Вот продолжаю читать о разложении Запада: «Единственный вопрос, который стоит здесь поставить, состоит в следующем: переживёт ли Восток под влиянием Запада лишь временный и довольно поверхностный кризис, или Запад вовлечёт в своё падение всё человечество?»

Купил себе в Urban Fare ginger tea, но его надо пить с молоком, а жене надо купальник в джакузи... так что пойду в город за молоком и купальником на ночь глядя.

Посетили главную картинную галерею. Доследующей картинной галереи пешком не дошёл. Нашёл японский букинистический магазин. Купил «Killing the Buddha». Бестселлер, ссылка на Кероуака. Прошёл пешком всего километров семь, но устал – подагра. Реализация культурной программы требует арендовать автомобиль – 23 доллара в день плюс столько же за страховку. В буддийский храм, впрочем, 3 января можно поехать на Sky Train – там какое-то мероприятие по поводу Шакьямуни. Но есть ещё у чёрта на куличиках галерея современного искусства, олимпийская деревня, центр Науки и ещё много чего, включая и три вязальных магазина.

В картинной галерее Ванкувера много нового – живопись европейских переселенцев, оставшихся верными традициям импрессионизма. Если в Европе итог импрессионизму подвёл Сезанн, то на этом континенте, на мой взгляд, концепция продолжала жить. Есть Рокуэлл Кент – я просто помню, в детстве: у отца в библиотеке был огромный альбом, с тех пор не видел ни репродукций, ни оригиналов.

Кроме классической живописи – авангардизм, но вполне обычный – поиски, которые сопровождаются горами мусора. Скульптура динозавра, смонтированная из пластиковых стульев. Болото, представленное видеомониторами со стереозвуком, расставленными на полу. Новое направление в искусстве – channel video – весьма интересно, но, как полагается в концептуализме, необходимо прослушать лекцию автора, только тогда проясняется смысл его творческой лаборатории. Большая выставка маститого фотографа: панорамные фотографии – запомнились дикобразы в Берлинском зоопарке и целый зал изображений из Hampstead около Лондона, видимо, фотограф там живёт в основном – хорошее место. Да! Много образцов старинной книжной печати – prints. Были рисунки чернильным пером – похоже, как рисует шариковой ручкой художник Барсуков из Петербурга, мой виртуальный братан и руководитель студии арт-терапии в «мажорной психбольнице, куда известные люди направляют лечиться своих детей».

В Chapters книг гораздо больше, чем в Торонто, – невозможно объять необъятное, но не смог не купить комментарий к Хайдеггеру на plain English. Действительно, очень ясное объяснение Dasein.

Кушали стейки в Keg. Ходил с женой вниз – в бассейн и сауну.

Как белый человек взял напрокат машину. Уехал далеко в музей антропологии – по сути территория университета Британской Колумбии. На обратном пути отказал GPS – но понял поздно, включил/выключил – карты перегрузились, но уже заехал на север. Впрочем, посмотрел на город, улицы.

Поехал обратно в гостиницу. Жена надулась, ходила утром одна смотреть Паровые Часы, Steam Clock, кушать не хочет. Решил съездить один во вчерашний пропущенный музей – поехал по памяти, но ничего не нашёл. К тому же окончательно осознал, что в Ванкувере множество улиц с односторонним движением – в Торонто вообще ездил только по двусторонним. Пришлось включить GPS. Доехал, но абсолютно в другое место, чем воображал себе. Уже почти пять часов, и темнеет – так что в музей не пошёл. Закупил продукты в Urban Fare и заплатил огромные деньги за подземную парковку до 9:30 утра. Жена дуется, денег жалко. Не помогли даже Птичьи Колокольчики, Bird Bells из музея антропологии, ручная работа артистов first nation.

Нашёл и отметил на карте три вязальных магазина, гору Куропатки, Grouse Mountain, китайский сад – завтра попробую развлечь.

Что-то не хочется сегодня читать про разложение Запада. Нашёл в сети сайт организации «KtV» – два писателя, Peter Manseau & Jeff Sharlet, имеющие университетское религиозное образование, собирают материалы против религии, коллекционируют ереси, имеющие хождение в Америке.

Остаются бутерброды на ужин и джакузи.

Утро, 6:30 по Ванкуверу, 9:30 по Торонто, 31 декабря. Вчера вечером всё-таки читал «Introduction to Heidegger». Метафизическая основа философии Хайдеггера – различие между «онтологическим» и «онтическим» – прослеживается в линии Платон, Аристотель, Дунс Скот, Декарт, Гуссерль. Это своего рода традиция. Хайдеггер искал «тотальность субъекта». Начиная как выпускник иезуитского колледжа и католик, Хайдеггер разработал аппарат

«феноменологии времени» – очень изощрённый и диалектический, и всю жизнь этим аппаратом пользовался, как в период поддержки нацизма, так и в период лекций о Ницше, Гёльдерлине, и в период критики современной техники и технологии в 50-е годы. Уже Аристотель был «категоризирующий» и «практический». Гуссерль стал изучать чистое сознание и трансцендентное эго, но сам же ловил себя на том, что хотел изучать practical world. Хайдеггера, Гуссерля, Ясперса выбила из «теоретизирующего сознания» первая мировая война и социалистическая революция Ленина. Хайдеггер открыто объединил надежды своей метафизической революции с национал-социализмом. За это в 50-е годы специальный «суд» лишил его права преподавать в университетах ГДР, но Хайдеггер до конца жизни «молчал» и не «оправдывался», хотя и пытался найти общий язык с Сартром, сделавшим карьеру на антифашизме.

Пора пить чай и ехать в ту или иную сторону. Жена хочет развлекаться по собственной программе. Еду в Richmond, Surrey и New Westminster – с 9:00 до 16:00. Последний час – в Chinatown. Между Surrey и Westminster – очень красивая Британская Колумбия, горы.

В Richmond на Steveston Highway роскошный буддийский храм, действующий. Оказывается, мероприятие по поводу Шакьямуни будет завтра в девять утра. Позвонил жене по сотовому телефону, не отозвалась – я уверен, ей бы понравилось, может быть, поедет завтра. Фотографировать в самом храме просят воздержаться – не стал этого делать. Но то, что сфотографировал вокруг – сады, фонтаны – стоит выложить на сайты. В gift shop кое-что потратил лично на себя – всё-таки служители культа охмурили.

Поехал в Центр современного искусства в Surrey – оказалось, это то, что называется центром художественной самодеятельности школьников. Впрочем, центральный зал закрыт до 20 января – никого нет, вход бесплатный. У школьников – театральная студия, студия акварели и повальное увлечение искусством video channel – мониторы с видеоперформансами на 6-15 минут с приложением стереонаушников – фотографии плюс музыка. Ну, до вчерашнего маститого фотографа Scott MacFarland им пока что далеко, а так – творчество, я бы и сам попробовал пособирать коллажи.

В New Westminster нашёл uptown – но ничего не понял, при чём тут Сан-Франциско в Британской Колумбии? Буду в нормальном Сан-Франциско, может быть, пойму. Потом усмотрел на горизонте

высотные дома – и поехал без карты в том направлении посмотреть, что там есть. Обычный густонаселённый район, с витринами, как везде, если не считать мелкого Psycho – мага и предсказателя судьбы. В конце концов, усмотрел на обочине Chapters – и стал парковаться, парковка бесплатная, но подземная – правильно сделал, что записал на бумажку номер слота, но забыл записать уровень. В Chapters рассматривал полки очень долго, пользуясь отсутствием рвущейся на свободу жены, но ничего не купил из экономии. Затем стал искать машину, нашёл пустой столб, и машина отозвалась на panic button этажом ниже. GPS в подземном гараже свои спутники не читает. Поднялся на дорогу. Пошёл дождь. Припарковался на плазе и зарядил GPS на Chinatown. Купил жене шёлковый халат с драконом, и добрые китайцы подарили на Новый год два фонарика.

Дома жена куксится: «Трать-трать последние деньги», – почему последние, не ясно, вроде ещё денег много. Предлагаю жене поехать в Whistler, а до Grouse Mountain вообще тридцать минут.

С Новым Годом!

1 января 2010. Надо же – десять лет прожил в XXI веке. Читал «KtV». Я злоупотребляю цитированием, но когда цитирую, всегда вспоминаю лектора по марксизму-ленинизму из ветеринарного института. Я, вообще, долго учился в разных университетах – и, как полагалось, изучал идеологию советского народа в обязательном порядке. В частности, переезжая из города в город, я учился также и в молодом Омском университете, где прослушал самый фантастический курс, который читал уважаемый марксист, приглашённый из того самого ветеринарного института. Он, как фокусник, доставал из кармана пиджака перфокарты с цитатами и выкрикивал: «*Полное Собрание Сочинений, том XX, страница YY!*» Впрочем, и декан мехмата на семинаре по экзистенциализму брал слово и начинал спич, краснея от смущения, вводной фразой: «Мы – всё-таки марксисты...» Как подводит итог Бенедикт Сарнов, писали сочинения с оглядкой на следователя НКВД в 1937 или в стол майора КГБ в 1977. А в 2007 году всё ещё надо «выдавливаться из себя раба».

Ну так вот ещё одна цитата, более или менее удачно подобранная: *«Люди Запада часто воображают, что эти шумные, но малочисленные персонажи и представляют собой Восток, но на*

самом деле их влияние не имеет какого-либо широкого или глубокого резонанса. Это заблуждение имеет весьма простое объяснение: истинные представители Востока не имеют ни малейшего желания быть известными и популярными на Западе...»

Несмотря на то, что в России активно обсуждаются тема гибели Запада и системный кризис американского глобализма и встречаются чудесные ремарки типа того, что «Россия ещё спляшет «яблочко» на крышке гроба Соединённых Штатов Америки!», остаётся верной старая теория панмонголизма. Россия – это тоже Восток. Население России – скифы.

Jack Kerouac изобразил дхарма-бомжей в 1954 году, помешанных на Востоке. Еретическая библия – «KtB» («Killing The Buddha») – призывает убить ЛОЖНОГО будду. Книга состоит из сочинений, написанных dharma bums, убившими в себе определённые иллюзии, но заинтересованными в дальнейшем поиске религиозной ИСТИНЫ, и они могут многое сказать о spiritual state Америки. Весёлый Jack Kerouac стал серьёзным и ядовитым. А в России нынче тотальное Православие... И по традиции это – «кто заткнёт хлебало Радзиховскому?...»

С утра собрался в буддистский центр слушать Dharma Talk. В 1990 году я оказался в Washington DC в похожем храме общества Сознания Кришны – меня туда отвозила несколько раз недовольная троюродная тётя, психиатр и материалист. Недовольная тем, что я интересуюсь bizarte people, но в целом довольная, что я не пустился в бега и вернулся тогда в Россию.

Однако всё вышло по-другому. Приехал в 8:30 и уехал в 9:30. Люди верующие, серьёзные, а я – турист. Правда, все приветливо улыбаются – злобных старух в чёрных платочках не было. Собственно говоря, начало церемонии я увидел. Потом приезжали молодые китайцы – светские, в джинсах, и тоже быстро ушли. Что касается Dharma Talk, то я прочитал программу лекций и мог купить всё это в наборе на DVD, но в целом я всё это знаю – четыре благородные истины и всё такое. Они там собирались ещё что-то освящённое кушать на ланч, но мне это уж точно ни к чему. Спасибо, кушал когда-то прасад – не помогает. Сделал несколько запрещённых фотографий, во внутреннем дворике нашёл ещё дополнительное строение, зашёл, увидел – что-то вроде библиотеки, библиотекарь вежливо улыбается.

Поехал в Burnaby – на какую-то высокую гору, соблазненный проектом Playground of the Gods. Погода опять пасмурная, туман, потом вообще дождик, drizzle. Опять ехал по Highway 99, но вчерашняя горная панорама закрыта низкими облаками. Так как точных координат не было, заехал на Burnaby Mountain с севера – по кольцевому шоссе. Вижу, гора вроде бы та, но с шоссе съезжать некуда. Наконец, по какой-то вертикальной дороге попер в гору, но явно по диким местам. Нашёл на карте названия улиц, которые запомнил – вроде бы надо было заезжать не здесь, а, скорее, с юга. GPS настроил на place of attraction и минут через двадцать добрался до вершины горы. Проезжал улицу Curtis – не знаю тот Curtis или не тот, но была и лавочка «Curtis Division».

В хорошую погоду, наверное, должна быть видна роскошная панорама, но сейчас ничего не видно. Посмотрел Playground of Gods – японское искусство – Kamui Mintara. Ожидал большего, а так – группа деревянных скульптур, несколько загадочная, нужны комментарии искусствоведа.

Заехал домой за женой – дома нет, гуляет где-то самостоятельно. На Granville Island все галереи оказались закрыты на Новый год – с табличками о том, что Новый год надо встречать дома с семьёй, а не бегать по магазинам... Впрочем, и так было всё видно в витринах – типа Eagle Spirit – это всё этнический бизнес, после музея антропологии неинтересно.

Похоже, культуры Ванкувера мне уже хватит. Так как было рано, поехал ещё в музей Ванкувера, в котором упоминалась экспозиция local хиппи. На самом деле – обнаружил целых два зала, посвящённых хиппи, а также борьбе обывателей с «грязными хиппи» – hippies please use backdoor, fight hippie filth! Телемонитор с телепередачами 60-х о хиппи – film footage courtesy of CBC. Демонстрируются два «алтаря»: на одном биттлы, на втором – будда. Но интересно, что «алтари», похоже, подлинные, Hippie Decor из какой-то тусовки. Всё остальное монтаж. Играет «All You Need Is Love», и зал называется You Say You Want A Revolution...

В космический павильон за 11 долларов не пошёл: что я планетарий не видел с музыкой Pink Floyd?... Закупил продукты на ужин в Urban Fair. Нужен прогноз погоды на завтра, чтобы ехать в горы на север – 140 километров.

В ресторанах не питался и в интернет не ходил из скупости и жадности. Парковка в гостинице на Новый год и конец недели – со скидкой.

На мобильном телефоне читаю электронную почту: поздравили с Новым годом некоторые редкие, забытые личности. В том числе мой виртуальный брат Вова Барсуков из своей арт-студии предлагает что-то вроде того, чтобы нам тут за границей жить спокойно, ОТДЫХАТЬ, ни о чём не тревожиться. Это правильно, в духе 13-го патриарха – источник страданий нужно глушить транквилизаторами – «транками и танками».

В связи с Западом, Востоком и Россией вспоминается русский писатель Даниил Андреев, тот самый, который в сталинских лагерях сочинил «Розу Мира» – историю своих реинкарнаций. Как вообще христианин мог написать нечто подобное, а к тому же какому «следователю» это адресовано? Один из вариантов «понимания» – чего только не ведаёт наша медицина, специализирующаяся на графоманах и шизофрениках. Но то обстоятельство, что эта история записывалась по ночам на нарах – без определённой надежды на публикацию... Скорее автор писал для ангелов, или для Бога, если Бог не так уж далеко и всё видит.

Так или иначе, рукописи не горят, и тайные имена открывают Двери. То же самое – про «Doors of Perception» Олдоса Хаксли, и про «Doors» Джима Моррисона – break on through to the other side.

Сегодня опять плохая видимость, нет смысла подниматься на перевал. Кажется, обещают ясную погоду завтра. Жена простужена, болеет – привёз ей завтрак в гостиницу. А также хорошее красное вино. Потом свозил её в вязальный магазин, но она ничего там не купила – уапн намного дороже, чем тот, что она покупает online. Но рядом оказался испанский магазин – купили интересный плед из Мексики. Съели полноценный обед, но простой и не дорогой. Затем прогревались в сауне. В интернете залил фотографии и выяснил состояние своих кошек в Торонто. В музее сегодня не поехал – хотел найти студию арт-терапии и какую-нибудь выставку творчества душевнобольных, но нашёл только закрытые студии арт-терапии, и почему-то для китайцев.

Читал русский интернет, пригласил кто-то на форум о цивилизации. Из форума о Ницше мои посты выкидывает модератор. Форум о цивилизации неплохой, но люди говорят А

и не договаривают Б. Ну хорошо – поругали Америку, поругали евреев. Какой-то барбос-академик похвалил. Никакой новой идеи не высказали. Некто Валера (под выразительным nickname «svastiasta») повесил на сайте 316 антисемитских и почему-то антиправославных видеоклипов – забавная русская коллекция.

GPS опять впадал в странное состояние, показывал несуществующие улицы.

Сегодня у жены день рождения. Привёз два завтрака из Urban Fare. В десять утра наконец-то усадил в машину и повёз в Sky To See Corridor. Погода, согласно прогнозу, ясная – дождя нет, туман лежит кусками. В целом панорама напоминает Большое Алматинское ущелье. Если не ошибаюсь, это был 1993 год, когда мы втроём перешли через перевал в районе Талгара. Втроём – это я, ещё один мой виртуальный брат Николай Гурулев, Гуру в области Berkley Software Distribution, и Алина, она и есть теперь моя жена.

Проехали половину пути – километров семьдесят и сделали остановку в Squamish. Что-то там купили на распродаже по двадцать долларов. Напитки и мне какую-то смешную «шапочку с ушками», но вид у неё горнолыжный и дорогой, хоть на премьера России полковника Путина натягивай... Ещё через семьдесят километров поднялись в Whistler – по сути олимпийская горнолыжная деревня. На фуникулёры наверх не решились – холодно, и жена жалуется, что простужена. Прошлись по деревне, в самом центре, когда надо было эффектно сфотографироваться, в фотоаппарате батарейки сели. Полчаса-час обедали в Keg. Культ спорта, канадского хоккея – на стенах огромные плоские телеэкраны со спортивными передачами. Затем в обратном порядке ехали домой. На Grouse Mountain уже было поздно заезжать – в пять темнеет, в гостиницу приехали в 5:30. Красивый Lions Gate Bridge между Северным Ванкувером и Stanley Park.

Вечером почитал Introduction к Ницше на plain English. Конечно, книжка для детей. Последнее, что я читал недавно, Жиль Делёз – лучше и основательней. Выпили красного вина. Жена смотрит что-то смешное, а потом думает пойти в сауну в новом купальнике из American Apparel. Завтра у меня – день рождения.

Я всё-таки зацикливаюсь на простых вопросах, например: «почему не любят евреев?» или «почему в СССР не любили Ницше?»... Илья Кормильцев говорил, что «эти русские всегда

знают, что нужно запретить»... «они могут однажды запретить всё человечество».

В СССР существовала разновидность морали, которую Ницше называл моралью рабов. Это не обидно, а это просто структурная характеристика.

Slave screams he spends his life learning conformity

Slave screams he claims he has his own identity

Slave screams he's going to cause the system to fall

Slave screams but he's glad to be chained to that wall

(«Trent Reznor»)

Конечно же, ницшеанцы в России были и есть. Я слышал, что и у самого Ленина что-то было от ницшеанца. Разного рода преподаватели философии не понимают, что Ницше поставил на себе опасный эксперимент, при его жизни его книги почти никто не читал. А теперь вот вам, симулякр постмодернистов – это тоже ницшеанская философия... Фрейд – эпигон Ницше – открыл истерическое вытеснение после того, как Ницше открыл ложное сознание, носитель отравленных инстинктов.

Русского писателя Фёдора Достоевского Ницше любил и считал его *secret unbeliever*. Ницше считал, что евреи – народ более интересный, чем его современники немцы, которые не хотели читать его сочинения.

Жена собралась мне покупать подарок в Gas Town. Зачем мне подарок – я себе подарил уже всё, что мне нужно. Теперь тотально экономлю. Завтракать она хочет в Caffe Artigiano. Я хочу поехать и пообедать в ресторане около «Playground of the Gods» на Burnaby Mountain. Во-первых, если погода ясная, посмотреть на Beautiful British Columbia в последний раз с высоты птичьего полёта, во-вторых, что-то в этом месте есть – spirit разлагающегося глобализма, мне нравится.

Всё вышло по-другому. Погода опять испортилась – смысла ехать на гору нет. В Caffe Artigiano зашли. Потом поехали к Паровым Часам – и разошлись по интересам. Жена всё-таки нашла нужный вязальный магазин и купила целый мешок шерсти. Я нашёл два психоделических магазина, в одном из них – CCHQ (Cannabis Culture Head Quarters) – продавали порошки из толчёного кактуса.

Бородатый дядя сказал, что мескалин. Двадцать пять долларов за тридцать граммов наличными. Второй магазин – литература по наркотикам, коврики с Хендриксом, Марли, собрание сочинений RAW – «Космический триггер» и «Новая инквизиция». Жена подарила мне какого-то нефритового мишку с лососем в лапах и журнал с голографической обложкой – рок-н-ролльный – с большой статьёй про «King Crimson».

Потом поехали в China Town – на самом деле второй в мире по величине. Где первый, пока не выяснил. Во-первых, там красивый китайский сад – в пруду живут огромные рыбы странной породы. Во-вторых, там уникальный shopping. Я купил silver plated статуэтку Будды за пятьдесят долларов, но думаю, что она стоит триста долларов, Шакьямуни из Индии. Жена собирает уже много лет чайную посуду и нашла что-то не очень дорогое. Продавали старинные монеты со знаками Зодиака, в одном месте двенадцать монет по пять долларов, в другом – по полтора доллара, но неполный комплект.

Затем поехали снова в Gas Town – там заметили мексиканский ресторан, а я хотел в мексиканский ресторан ещё с Праги, где было очень хорошо. Сейчас ресторан был пустой, кроме того, ланч-тайм – меню ограничено, но всё-таки что-то съели мексиканское. Обошли этнические галереи: так называемый музей шаманизма и трансформации, народные промыслы инуитов и хайда, серия Silent Messengers из Арктики. В целом, очень много халтуры на продажу, или что-то дорогое и громоздкое – totem poles, каменные изваяния за три-четыре тысячи долларов. Кстати, в Квебеке был точно такой же ассортимент. В Лондоне на каждом углу продавали китч на тему королевской семьи, а в Канаде китч – first nations.

В пять часов поехал сдавать машину. Заставили куда-то ещё далеко ехать и заправливать им full tank – иначе было бы дороже платить. За шесть дней заплатил приличные деньги – за страховку и GPS, хотя прокат был самый дешёвый в городе. Машина вроде была лёгкая – Corolla.

Прошёлся пешком по городу, хотел зайти в BMW, но куда-то свернул мимо, покружил – ну и чёрт с ним, если бы зашёл, накопил бы дисков. В вечерний город выползают нищие и сумасшедшие – просят change с разными хитростями.

Уже поздно вечером сделал web checkout на завтрашний рейс, и напоследок пошли ужинать в ресторан в гостинице, где я

компенсировал алкогольный голод двойным коньяком. Официантка, румынка, сказала, что раньше порции алкоголя были дешевле, а сейчас стали драть.

По сети получил российские комментарии к залитым на сайт фотографиям: «мура... нам туда не попасть, но нам туда и не надо». Что же, кому-то и не попасть... и мне не попасть кое-куда, куда я хотел бы. *Something I Can Never Have*.

Татьяна из Saint Jones написала, что через две недели они летят в Whistler покататься с горочки. Я её предупредил, что позавчера мы там видели людей на костылях и в гипсах. Другая отдалённо знакомая дама из Новосибирска повесила на социальном сайте открытку, изображающую чёрных евреев, уезжающих в эмиграцию...

Известно, что раввин, написавший книгу «Зоар», жил в пещере. Потом он вышел из пещеры, посмотрел, что делается, – и ушёл в пещеру назад, в честь этого события раз в год в Израиле жгут гигантские костры на улицах. Я был в каббалистском городе Цфате в синагоге, где другой раввин сказал ученикам: «Где вы и где Иерусалим?» Несмотря на столь положительный опыт, я остаюсь «скрытым русским» и хочу в следующем году в Сан-Франциско. Был бы я «скрытый еврей», как полагается, хотел бы в следующем году в Иерусалим.

В аэропорту подсмотрел, что читают люди: Гессе «Степной Волк». Пожилая канадка в салоне самолёта рядом со мной читает Jeffrey Archer. В Торонто – снег.

НАШЕ ПОСЛЕДНЕЕ «УРА»

Наши так называемые «здоровые инстинкты» аморальны и безнравственны. В то же время, мораль, добродетель, нравственность, религия насаждаются в течение столетий, двух последних тысячелетий. Существует теория, что безнравственными методами и только с помощью таких методов, данной формы морального Зла, цивилизация борется с культурой, управляет стадом. Стадо желает попов, продовольственную программу, положительные и нормальные науки, бесплатные институты – и данные структуры того стоят; стоят того, чтобы кучка Наполеонов организовала их. Существующая теория власти и нигилизма вопрошает: так какой же ВРЕД мораль, добродетель, нравственность и религия принесли человечеству как виду животных, населяющих планету Земля, как форме жизни, которая может быть слабее или сильнее – в зависимости от того, что там устраивают между собой господа и рабы? То, что жизнь человечества вредна, – не вызывает сомнения, если посмотреть на масштабы современных концлагерей, гетто, если задуматься с какой лёгкостью стали «работать» политтехнологии, революции и насколько зияют противоречия. «Она одна из тех 50 миллионов, которые помогают нам быть свободными». Бомжи, живущие под мостом в Сан-Франциско, ведут свои блоги во всемирной Сети. Да и в России хватает писателей, живущих непонятно где и непонятно как оплачивающих спутниковые каналы связи.

Впрочем, оказалось, мои здоровые инстинкты работают на меня – я лечу осматривать город Рим. Мы летим вдвоём с женой над Альпами, «через которые перелезал Суворов». Алина, где-то пролетая над Гренландией, видела не то метеорит, не то НЛО – сидела у окошка в этом идиотском «пепелаце», и при взлёте и посадке что-то в нём дребезжало. Перед экскурсией в Италию я прочитал три биографии Гоголя: психиатра Чижа (примерно 1910), советского литератора Александра Воронского (1934) и Игоря

Золотусского (1979). Конечно, брал в русской библиотеке также «Рим» и «Выбранные места из переписки». Но на улицу Sistine добрался только на второй день. Кафе «Греко» оказалось закрыто, не повезло. В двух комнатах, в которых Николай Гоголь, или, как пишет посольство Украины в Италии, Микола Гоголь, писал первый том «Мёртвых душ», – живут современные итальянцы. На стене всё же висит мемориальная табличка, а под ней бизнес – кафе «Gogol» с русскоговорящей официанткой, но кушать пельмени нам было некогда. Выходит, я летел из Торонто, чтобы посмотреть на мемориальную табличку. Впрочем, в Иерусалиме я был в церквушке на холме, в той самой, которую посещал Гоголь – ему в 19 веке показывали то же, что и мне в 21 веке – отпечаток ног Иисуса Христа в гипсовой плите. Накануне, в Риме, в церквушке «Domine, Quo Vadis» на античной аппиевой дороге мы увидели точно такой же слепок ног Иисуса Христа – но тут он являлся будущему апостолу Петру. Похоже, и в Иерусалиме, и на аппиевой дороге плитка с отпечатком ног сделана одинаково – где-то в Ватикане. Мы также осмотрели катакомбы первых христиан.

Также мы попали на официальную экскурсию в собор святого Петра. Старый итальянец, рассказывающий про Ватикан, оказался одним из лучших гидов, которых я слушал за последние 12 лет. Алина утверждает, что он специально выключил мобильный девайс и сказал следующее: «Если из английской, французской, немецкой, итальянской церкви и религии выбросить национальные черты – то что останется? Останется ислам, и мусульмане». В храме Агриппы я увидел в центральном положении греческую икону, подозрительно православную, и спросил его, что это такое – оказалось, это «русская икона», и католики выставляют её по случаю. На всех античных домах – figurines of the Virgin Mary. Через три дня мы уже сами добрались до Sistine Chapel, или Сикстинской Часовни, и прошли через палаты «канделябров», «древних карт». Ах да – я сфотографировался рядом с бюстом Сократа. Внутри Sistine Chapel – не разрешали фотографировать и снимать на видео, но все туристы только это и делали. У меня, к сожалению, вся съёмка получилось размытая, там ещё темно для фотографирования без вспышки. А за вспышку убивают на месте. Точно также без вспышки не получились фотографии «Трансфигурации Рафаэля», тайной вечери и разного рода ангелов небесных.

Больше всего нам с женой понравилась Венеция. Мы поехали на европоезде на магнитной подушке – поезд, кажется, на самом деле «взлетал». Вечером Алина нашла в интернете этот поезд, и, оказалось, это – правда, нам не мерещилось. В Венеции на железнодорожном вокзале я не нашёл наземных такси, только water taxi. Канал начинается от вокзала, по берегам канала – музеи современного искусства. Накануне я дозвонился до маленького туристического агентства. Но оказалось, попробуй это агентство найди! – в паутине средневековых переулков, с фантастическими венецианскими масками в мелких витринах сувениров. Я думал – опоздаем, но успели, попали на катание на гондоле. Почти час плыли по улочкам, которые вдохновляли Шекспира и Байрона.

Также мы заплатили за 14-часовой тур из Рима в Неаполь и Помпеи. Это в программу не входило, подвернулось неожиданно. Но в детстве у меня был буклет с фотографиями раскопок в Помпеях. Этот буклет привезла в 20-х годах моя бабушка, которая в те времена ещё ухитрилась «выехать за рубеж» – училась на журналиста. Удивительно, что в Помпеях, в 2011 году, я нашёл в стеклянной витрине собаку, которую залила лава Везувия – в точности ту, что я видел в буклете моей бабушки. Впрочем, это сентиментальная деталь. Видели раскопки арены гладиаторов, храм Аполлона – со скульптурами Аполлона и Дианы. Видели дом и фреску «осторожно, злая собака». Но, кажется, все известные фрески наш экскурсовод нам не показала – она на английском, испанском и итальянском комментировала античную «попсу». Таблицу, свидетельствующую о началах политической коррупции: «Я заплатил здесь за всё, теперь попрошу голосовать за меня на выборах». Для мужчин на стенах античного города – указатели в виде фаллосов, как короче пройти к проституткам в лупанарий. В самом лупанарии – фрески, меню эротических поз – но, видимо «Камасутра» более продвинута.

Целый день мы потратили на самостоятельную прогулку по Римскому форуму, причём стояли в очереди, чтобы зайти в Колизей – не стали платить за быстрый вход с группой. Когда-то в Париже мы не поднялись на Эйфелеву башню, чтобы час не стоять в очереди. Из Колизея вышли в античные развалины – в направлении Капитолийского холма. И цель была – найти форум Юлия Цезаря. Мы его искали 4 часа. Хорошо, в фонтанах Рима – питьевая вода,

по вкусу неплохая и, кажется, чистая. Правда, потом заплатили немного city taxes, рассчитываясь с гостиницей.

Впрочем, вернёмся к нашим баранам. Когда читаешь «Волну к власти» – ощущение, что писал сумасшедший. И, на самом деле, Ницше умер в застенках госпиталя. Впрочем, в мемуарах Сальвадора Дали – тоже мегаломания. Или, мне довелось перелистывать избранные философские произведения Чарльза Сандерса Пирса – рекомендую. Хотя непонятно кому... Таким же сумасшедшим? Читиво для стада известно – рекомендую – «Маськин» Бориса Кригера, переведённый на 40 языков, откомментированный рецензиями профессиональных филологов.

Всё же чрезвычайно забавны наезды на Николая Васильевича Гоголя: сделанные и профессиональным психиатром Чижом и повторяемые Александром Воронским, казалось бы, честный советский писатель, но прямо называет диагнозы из специального медицинского досье – шизоидность, шизофрения. Видимо, тут была корреляция с задачами советской литературы. Игорь Золотусский, другой биограф Гоголя, нигде мастурбацию и медицинские диагнозы не упоминает и интересно рассказывает об отношениях Гоголя с Белинским и об отношениях Гоголя с женщинами из высшего общества. Мне довелось читать также и третий том «Капитала» Карла Маркса – очень болезненное впечатление от пассажей в духе Гегеля на полстраницы. И хотя шизофреником Маркса психиатры не квалифицируют – всё же бедняга изводил себя табаком: головные боли и никотиновая интоксикация чувствуются, как и паранойя Ницше в исследованиях морали.

Существует теория вредных последствий морали и нравственности, которая включает также и «преступления психологии» – это то, что очевидно абсолютно, но стадо «верит врачам». Ведь на самом деле – зачем Ницше нужно было изучать Ренессанс, Вольтера и Руссо, и зачем Эдуард Лимонов объездил все моря и побратался со всеми бандитами? Это излишества. А также пресыщенные писатели золотого миллиарда – тратят деньги на путешествия к йогам в Индию, на шатания по всем алтарям всех существующих религий и сомнительных сект... Зачем тратить деньги и зачем доводить себя до паранойи? Цивилизация позаботилась, добродетели торжествуют – и нужно верить врачам! Врачи говорят: не открывайте чакры, скрывайте сидхи, для этого есть антидепрессанты, разнообразный ассортимент мягких

нейролептиков, простые коробки валиума, которые можно купить вместе с таблетками weight loss – от переедания в McDonalds. Всё для человека, в ущерб человечеству. *«Мы – наследники совершившихся в течение двух тысячелетий вивисекции совести и самораспятия».* (Ф.Ницше)

А вот утверждения Ницше, что души не существует, что истина – капюшон женщины... Животное лучше человека, разменивающего инстинкты на умственные теории... Есть такие парадоксы, первое впечатление от которых – игра ума, метафизика. Цезарь, Наполеон и, конечно же, Гитлер. Великие ряды великих реформаторов, и совсем забыли – кто такой был император Нерон, и кто были первые христиане в катакомбах. Воистину всё движется по кругу, хотя и пытаются соорудить «диалектическую» спираль. Нерон сжигал христиан, христиане сжигали Коперника. Заманчиво было бы считать, что пришло время интегральной религии – но нечистая совесть тянет на исповедь, грехи замаливать, и даже покупать индульгенции. Далее, Цезарь и Наполеон вдохновляют, но и герой «Иванова Детства» Тарковского заставляет подумать: так ли необходимо командовать полками, чтобы достичь предельной полноты жизни. Счастливы бывают сжигающие себя маленькие люди.

Впрочем, почему великие учителя человечества лгут? Это замечал и Ницше, но впрочем, это легко заметит кто угодно. Потому что мышление часто приходит к нежелательным выводам. Если тотально избегать негативных результатов мышления – будет сплошь и рядом истерическое вытеснение, свойственное женщинам. Думать нужно обо всём: и о смерти, и о проигранной войне, и о бессмысленных жертвах... В голову приходят очень плохие мысли... Прятаться от них можно, но в таком случае можно просто подавлять – и мысли, и творчество. Обратитесь за консультацией к вашему терапевту, к вашему попу.

Критика капитализма фильмейкером Майклом Муром – остроумный перформанс – capitalism: love story. Интересно, что фильм сделан после всего, что вытворяли в 20-м веке Сталин, Мао, Че Гевара. Оказывается, есть ещё что добавить. Оказывается, Рузвельт был пророк, и его ещё не оценили. А капитализм – плохой общественный строй, потому что коллективист лучше эгоиста.

Плохие ночные мысли подливают масла в огонь... А может быть, нет в космосе никакого разума, кроме математической синергетики, от которой никогда нам не будет никакой ни пользы, ни любви? А может быть, Гитлер в своём виртуальном гробу сейчас совершенно счастлив: с тем что СССР прекратил существование – никакой Победы не было, и в Рейхе 6 миллионов евреев сожгли за дело – ещё мало им. А вот ещё «научные определения предательства», которые даёт методолог Александр Зиновьев. Видимо, методология и наука как алхимия и химия. Методолог пролезет в любую щель. Так вот, «пятая колонна» в СССР предала Западу «великую страну». Хорошо, а кто же предал пятую колонну? Как же так Зиновьев нигде не упоминает евреев, только Запад и Америку... Это что, историческое вытеснение?

А впрочем, вернёмся к нашим путешествиям. До кукурузно-свиной Айовы я не доехал по мелким техническим причинам, но понаведалься в город Амхёрст в штате Нью-Йорк. Интересно, что за мотель заплатил в 4 раза дешевле, чем в случае заказа по интернету. Пресловутый comparative shopping. Я уже знаю, что какой попало fast food в Пиндосии покупать нельзя, но всё-таки что-то свежее продают, хотя и ждёшь 10 минут, пока пожарят. Мороженое, впрочем, второй раз продали кошмарное – какой-то жирный крем, а не мороженое. Сразу вспоминаешь счастливое детство и пломбир за 19 копеек. Всё ещё вспоминаем с Алиной столовые – коржик молочный за 9 копеек, пирожные по 22 копейки. Всё это в Торонто продают и сейчас в русских специализированных магазинах для эмигрантов, а также сталинские подстаканники с Марксом и Энгельсом, почему-то со Звездой Давида... Вроде как магазины с атрибутикой хиппи, которые критиковал советский журнал Крокодил, преобразённые в магазины с атрибутикой СССР. Но а в Амхёрсте сохранились ещё старые бутики с постерами и маечками – t-shirts – времён Джимми Хендрикса и Фрэнка Заппы. Я, впрочем, постеры не покупаю – покупал и вешал 30 лет назад – надоело. Но вот в отдел с дисками CD и DVD наведываюсь. В Амхёрсте антологию Битлз – можно купить за 30 долларов, когда в Канаде за 150. Кроме того, практически отдел дисков букинистический – продают second hand диски. Я тоже хочу продать свою коллекцию – так как все рипы сделаны – но только оптом, какому-нибудь богачу-celebrity, или новому русскому. А впрочем, можно и в печку, после моей смерти. Хотел купить диски

к 40-летнему юбилею King Crimson, но из трёх купил только один, новый – «Дефицит Чудес». Алина предлагала вернуться и купить остальные – добрая женщина, понимает мой западный менталитет – но что-то было жарко возвращаться по лабиринтам витрин... Она купила какие-то кеды в клеточку, а я просто выпил минеральной водички и вернулся в машину... Потом заехали в Американскую Ниагару и обнаружили там памятник Николе Тесле, изобретателю электрических машин. Как этот памятник там оказался – непонятно, кто-то ему благодарен за изобретение электрических машин. В Торонто приехали ещё засветло – пролетели по шоссе QEW. Алина что-то за руль не садилась, хотя права и собственная машина у неё уже есть. Видимо, кому-то и это интересно прочесть.

Я вчера раздобыл DVD с новым оркестром Питера Габриеля, и впечатление совершенно другое чем с живого концерта. К сожалению, DVD производит худшее впечатление. Например, эта реклама, что не применяют guitars & drum kit... Разжился старик Питер Габриель деньгами, чтобы нанять оркестр с дирижёром, трубачами и скрипачами... Гитары и барабаны не нужны. Но, кажется, эти бедные музыканты во фраках, при прочих равных условиях, с большим бы удовольствием играли Бетховена, а не Габриеля.

Но есть ещё Electric Light Orchestra, Ayrton – далеко в стороне от гаражных направлений. Где авангард и где эпигоны? А Вагнер почему-то не любил итальянский ренессанс... Обломки музыкальных кораблекрушений везде!

Но что действительно интересно – так это эволюционная война. Или мы сравниваем, или нам запрещено сравнивать. Если нам запрещено сравнивать пьющего Ивана Говнова с выпускником Гарварда – тогда и не будем пытаться. Иван может ни с того ни с сего подняться к звёздам. Теоретически это возможно. Выпускники Гарварда сидят на Уолл-Стрите и грабят Америку. Но, кто устанавливает запреты? Кант что ли пытался? Всё-таки я сравню. Будь что будет. Иван в России сидит, никуда оттуда не выезжая. И одна у него главная теория – как нам обустроить... Слава Богу, в супермаркет в России подвозят еду и одежду. И слава Богу, хотя бы за «Жирика» можно сходить проголосовать. Разного рода саркастические дедукции не обязательно приводят к фрустрации и поводу мстить. Ведь это только логические редукции. Скажем, в теоремах Евклида: мы от противного доказали А и не-А, получили

противоречие. Что, это А и не-А – какое-то ужасное говно? Нет. Всего лишь результат редукции к абсурду. Так что не надо меня упрекать в непатриотической любви к Ивану. Я, может быть, и не против Ивана, и жалею его всей силой той памяти, которая осталась у меня после 40 лет жизни, когда Иван был моим соседом по лестничной площадке. Я через его бесчувственное пьяное тело перешагивал, когда пробирался в свою российскую квартиру.

Но вот, с точки зрения методологической алхимии, Александр Зиновьев и Егор Летов характеризовали Ивана Говнова, жителя Ибанска, обитателя зияющих пустот, как полное схематическое духовное ничтожество, а потом сделали реверансы – и поставили Ивану памятник. Это, видимо, в ходе эволюционной войны необходимо для какого-то «дела». В общем-то ясно – знаю я «ваши дела». Когда-то ехал я в поезде из Омска в Новосибирск в одном купе с полковником на пенсии. Выпили и закусили, и полковник стал читать свои стихи на тему, как он ненавидит Михаила Горбачёва. Очень хорошие искренние стихи. В Израиле я общался с неким воином, побывавшем в Афганистане. Он рассказывал мне, как в воинской части в Афганистане они в первый раз услышали речи Михаила Горбачёва на тему нового мышления, и все думали, кто это такой вылез к народам СССР с речами. Я лично припоминаю эти же речи Горбачёва и статьи в «Правде» – но я тогда был занят, как Хайдеггер, который во времена Гитлера изучал досократиков. Но и сейчас мне нет дела до личности Горбачёва, потому что не он развалил цивилизацию. Неважно, пигмей он или предатель – не он решал судьбы народов. Вспомним, что писал Лев Толстой про Наполеона. А вот обитатели Ибанска, перекочевавшие в Гайд-парк, – отказались от ценностей Запада... Как-то слушали джаз и рок-н-ролл и мечтали о выезде за рубеж – а теперь только и делают, что смакуют ложную демократию, военную интервенцию, все подряд предпосылки системного кризиса, другими словами, желают станцевать «яблочко» на крышке гроба пиндосов.

Впрочем, мне приснился очень странный сон. Как будто сегодня у меня день рождения, и кажется, что спал soundly очень долго до 10-11 АМ. Совершенно счастливое пробуждение. Но что-то заподозрил и позвал Алину – спросил: «Который час?» Она ответила, что 7.40 АМ и что она поехала на работу... Мне осталось 20 минут, чтобы собраться: душ, пять-шесть старческих таблеток от

давления, почек и подагры. Жить хочется, хотя бы и на таблетках. И на работу, в офис. Днём я вспомнил, что сегодня за день – ровно 13 лет, как я улетел из Новосибирска в Тель-Авив. Кто-то или что-то считает за меня, посылает сны.

Хотя оставим сны и невроты. В очередной trip я отправился один, без жены. У жены что-то там на работе нужно доделать и отчитаться. А я на работе заявил, что мне нужно отдохнуть. На этот раз поехал в сторону Чикаго. Между Чикаго и Айовой – городок Peoria. Как потом мне сказали, знаменитый тем, что он ничем не знаменит – famous of being nothing. Хотя как знать... В Earthbound можно найти песенку «Peoria»:

*«Don't make no difference what you think about me
But it makes a whole lot of difference what I think about you, yeah»
Boz Burrell*

В Айове живёт некий Дэн Буски, который родился в Сан Франциско, в 1968-м был на фестивале Woodstock. Кроме того, говорит, что общался с Jefferson Airplane – ну совсем как Александр Рожков с «Гражданской обороной»... Тимоти Лири и Ричарда Алперта он зовёт просто – Тим и Боб. Я ему когда-то что-то писал про Маркузе... Он вспомнил. Спросил: «Что ты думаешь про него?» Я сказал, что я думаю. Сказал: «В 1973 году мы Маркузе не читали, только критические статьи о Маркузе. Но в 1990 году у меня был его «Одномерный человек»...» – «Ну знаешь, – сказал Дэн, – если бы ты осмотрелся в своей Сибири, то обнаружил бы там Одномерную Сибирь». Я долго смеялся, потом попросил: «Можно я это процитирую в какой-нибудь статье?»

Ах да! Жена у Дэна русская, и более того – моя одноклассница из Сибири. Её зовут Ольга. Она написала в этом году и опубликовала учебник для вузов. Всё бы было хорошо, но она рвётся теперь в России преподавать курс по своему учебнику. Не то в Питере, не то в Волгограде – только её и ждут... российские студенты и советские доценты, коллеги по академии наук. Дэн, вообще-то, хочет, чтобы она в цветочном магазине в Айове продавала цветы. Но не давит. Уважает свободу воли и научные интересы. Мы с Ольгой пошли в местную филармонию в Айова-сити на джаз. Афро-американский. Но прогрессивный, что-то там как у Chick Corea, Miles Davis. А кубинский drummer даже немного потанцевал. Ольга тоже

пританцовывала. Кроме науки она ещё очень любит танцы. Дома Дэн включил Dave Dudley, «Truck Drivin' Man», и она тоже станцевала, правда одна, без партнёров:

*Pour me another cup of coffee for it is the best in the land
I'll put another quarter in the jukebox and play the Truck Drivin' Man*

В Айове есть университет, и на джазовом концерте в зале с нами рядом оказался китайский студент, который весьма чисто говорил по-русски. Он, видите ли, изучает в Айове русскую политику. Я спросил его, зачем он её изучает. «Да так просто. Вернусь в Китай, буду там профессором русской политики!»

Книжные магазины в Айове несколько отличаются от канадских – неуловимо другой ассортимент. Уложился ниже 150 долларов. Но всё, что хотел, не купил. Хотел купить книгу о нацистской медицине, экспериментах доктора Менгеле. Но уже на кассе мне предложили посмотреть другую книгу на эту тематику – «In the garden of beasts», Erik Larson. Я взял её, а про медицину поставил назад на полку. Впрочем, ещё две книги по нацизму я взял. Общий обзор про Аушвиц и книгу «Ordinary Germans and the Holocaust», Daniel Goldhagen. Буду читать и сравнивать Германию с СССР. В Германии я не жил. А СССР помню и наблюдаю за российскими трансформациями. Дэн говорит: слышал о книгах Larson и Goldhagen. Показал мне, что сам читает на эту тему. «Новелла Холокоста» из Франции – о «добрых людях»: «The kindly ones», Jonathan Littell. В Торонто, в Chapters, она продаётся. Ольга записала мне со своего ноутбука фильм «Подстрочник», биографию Лилианы Лунгиной, советской переводчицы. В 76 лет Лунгина очень ясно мыслит. Если бы мог себя прокормить переводами, пошёл бы в переводчики, но нет формального литературного образования. Не будут издавать.

Дэн посоветовал мне на обратном пути заехать в Кливленд. Там какой-то хороший музей Rock Fame. Но в Кливленде я уже был, когда ехал в Айову. Впрочем, по ошибке. Чёртов навигатор GPS потащил меня через пограничный док на Буффало. Впрочем, я сам виноват. Во-первых, я не поставил из лени транспондер на toll routes. Навигатор стал обходить платные шоссе. Во-вторых, я прекрасно знал, что навигатору доверять нельзя. Надо было съехать с шоссе и посмотреть карту. В доке меня спросили, почему это я говорю, что еду в Детройт, а нахожусь совсем в другом

месте? Потом попросили открыть багажник и спросили: а где мой чемодан, если я еду «на неделю в Штаты»? Хотя я и объяснил, что у меня рубашки, трусы и зубная щётка лежат «вон в том мешке», за неадекватность меня сдали службе безопасности, но на это ушло минут 20. Нашли в Айове, в компьютере, Дэна и Ольгу, к которым я ехал – и отпустили. Молоденькие такие бдительные пограничники. Так что я от Буффало доехал уже в темноте до Кливленда и остановился в пригороде переночевать. На следующий день до Айовы я доехал примерно к 6 часам вечера, ещё засветло. Между Детройтом и Чикаго мощный highway, в Канаде такого нет: 360 километров перегон без остановок. Также в Америке у грузовиков и легковых автомобилей разный speed limit, 20 миль/час разница. Так что грузовики все конвенционально должны обгонять или уступать дорогу тем, кто обгоняет. Я это не сразу понял, и какой-то обшарпанный чёрный забрызганный автомобиль кое-как от меня добился понимания, а когда обогнал, показал из окошка левой рукой fuck. Я уловил ситуацию и, когда следующий мне дал сигнал фарами, стал ускоряться сам – он так ехал за мной минут 30. Потом он мне надоел, я свернул направо – вижу: да это полицейская машина! Он меня должен был остановить и оштрафовать за превышение скорости. Может быть, это не «гаишник», мигалки у него не было. После этого случая я стал нормально ехать, 160 километров в час... Правда, по окраине Чикаго были пробки – ползком ехал. Бак бензина сжёг от Кливленда, полбака долил. Домой, в Канаду, я уже ехал совершенно правильно. После тёплого Иллинойса в Индиане, впрочем, оказался снег и гололёд. Так что я оценил на перекрёстке время до Кливленда и до Детройта – и в Кливленд не поехал, перепрограммировал навигатор. Около Детройта навигатор опять потащил меня на юг, в объезд платных шоссе. Но я это быстро заметил. Далее был выбор: ехать через Ambassador Bridge или подземный туннель в районе Виндзора, но там платные шоссе – я поехал немного севернее, сразу на шоссе 401. По одометру до моего дома в Торонто – примерно 500 километров. На самом деле, Канада для меня – уже мой родной дом.

В Айове я сочинил стихотворение «Кому мы нужны?». Стихотворение не то что «экспериментальное», а вообще ни в какие ворота номинаций не пролезает. Ольга по-русски читает – сказала, что поток сознания Джойса. Но там были ещё импринты

из Подсознания. Так что не разберёшь, что там за стихотворение. Впрочем, в Торонто я купил публицистические статьи Оруэлла – два эссе как раз про советскую литературу и союз писателей. Там Оруэлл утверждает, что прозаику труднее, чем стихотворцу, сохранить свою независимость и писать честно. Так что повторим в прозе вопрос «кому мы нужны?!».

То, что, «свалив из России», мы, эмигранты, там никому не нужны, мне уже сообщали – в комментариях. В определённом смысле, то есть, до некоторой степени свободы и «степени нужности» – это правда. Да и нам Россия не нужна. Как там в жизнеописании Бродского? Упоминается шутка – «хороша Москва, когда смотришь на неё из окна бомбардировщика». Но это всё здесь и сейчас. Для здоровья ностальгия вредна.

В то же время поток эмиграции из России никто не останавливал, у разных людей остались разные мотивы. Предположим, мотивы всякие, но неужели только отрицательные? Может быть, иногда разумно уехать, а не выбрасываться из окна или пожизненно пользоваться услугами психолога-терапевта. Если с этим согласиться, то «мы нужны», мир оказывается шире. И вообще, что это ещё за очередное «табу» – не думать, что где-то в мире может быть лучше, чем «на родине»? «Лучше» в самом естественном, положительном и разумном значении слова. В таком случае, почему бы не поучиться на курсах межличностной коммуникации образца «золотого миллиарда»? Не нужно «Всё Понимать Буквально» – это не значит «Свалить». Изучение американской культуры и науки может способствовать лучшим патриотическим устремлениям.

Но вернёмся к нашим баранам – к Ницше и Сократу. Парадокс в том, что Ницше многое предвидел совершенно практически. Даром, что числился в сумасшедших. Посмотрите фильм «Триумф Воли» – это же триумф Ницше. Вся эта музыка, все эти цветы, речи бюрократов – это всё для маленьких людей. Это всё во имя социального прогресса. Это всё против элиты. Это всё прямая дорога в гестапо, в НКВД. Где Ницше ошибался, когда говорил, что «маленькие люди» представляются ему ненужными, бандерлогами эдакими? Маленьким людям нужен интернет и шоппинг. Мы не нужны.

Свобода, «которая встретит нас у входа», согласно лекции философа Дугина, поэтом Пушкиным выдуманна, это симулякр,

или копия, утратившая оригинал. Какая у меня свобода, если я вынужден работать на мелкий бизнес в Канаде, чтобы выплачивать кредит, взятый на 30 лет вперёд? На иллюзию такого рода свобод ещё указывал наш журнал «Крокодил», а газета «Правда» в шутки не шутила. То, что я катаюсь на автомобиле, так это не свобода – здесь этих автомобилей, как дерьма. Всё же важнее, в голове у меня что делается – какая там «свобода»? Самое печальное то, что когда-нибудь я умру, и печально то, что из, скажем, 70 лет я прожил 40 лет в России, на Родине. Я там каждый день ходил на работу, «хотя бы было лучше, если бы не ходил». Я бы хотел – да – дожить до 100 лет, но потому что езжу на автомобиле в Канаде, а в России и в 35, и в 40 лет я подумывал о смысле жизни негативно несколько, ну как Башлачёв. Но Пастернак – фигура более солидная, чем Башлачёв. Он-то как-то жил на своей даче среди членов Союза Писателей, а вроде бы человек хороший. Но был ли Пастернак свободен? Наверное, были такие рубежи свободы, которых он боялся. Что там за Париж такой?

Куда я в следующий раз поеду? Наверное, в Атланту, штат Джорджия. Далеко, но я понял, что доеду, даже зимой по ледяным мостикам. Впрочем, жену нужно свозить в Сан-Франциско и город ангелов, ЛА, тем более, что жена у меня – сама ангел. А там, может быть, из Калгари прилетит ещё товарищ, из этих – из белорусов, сваливших через Израиль. Я, конечно, умру и так и не пойму – почему это СССР развалился. Что за коллапс такой, и почему это кадры политические были разбазарены, если не считать московского методологического кружка, который играет в «игры и диалоги» на развалинах Империи. Воистину, доктор философии, он как таракан – стабилен, приспособлен, свободен.

МОСТЫ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Птичьи крики

Что есть истина? С течением времени теряешь веру. Споры, в которых рождается истина, кажутся тщетными, праздными. Так мучительно я искал истину, а теперь выясняется – «тянул на спине мешок с картошкой» – ничего так и не удалось доказать в течение долгой жизни. Ни себе, ни кому-то другому. Иной сатирик, иронический писатель за нашими спорами обнаруживает каких-нибудь Лоханкина и Птибурдукова.

Тем не менее, ребёнок в нас живёт до глубокой старости. И если в детстве нам рассказали о справедливости, о том, что должна существовать истина – как бы ни изнашивалась вера, – детские счастливые годы не стираются в памяти.

Так или иначе приходится на что-нибудь да употреблять свободу воли. Работать в пространстве вариантов. Что-то или кого-то приходится похоронить, а что-то или кого-то сделать ближе. Да и хочется прослыть мудрецом – «у нас тут неплохо кормят» – в маленьком городке, из которого уже не выбраться. Если над истиной хочется посмеяться, то следующий шаг – употребить наличный ум и возвести вокруг своей крепости барьеры, запрещающие мыслить об опасном, что разрушает твой любимый вариант.

Например, с точки зрения социального дарвинизма – не так уж глупо делить всё человечество на своих и «гоев». Это выбор в пространстве вариантов. Но я уже уехал из Израиля и хочу о тех временах забыть. Слава богу, есть варианты без евреев за спиной.

Как бы ни жалко было расставаться с верой в истину, всё же объективно трансерфинг реальности существует и достаёт! Заграница – загробный мир, кто оказался здесь – назад не возвращается. Правда недавно произносили фразу советского туриста: «Я выбираю свободу». Ясно, что слишком мало свободы

у иммигранта, которому пришлось улицу подметать, но фраза о свободе греет, это всё же нечто большее, чем фраза, сказанная на кухне, – за этой фразой поступок.

Теперь в «загробном мире» приходится идти на последний трансерфинг – выбор подпространства. Пора принять истину такой, какой она теперь является. Шаг в сторону – глупая ностальгия.

Скажем, Набоков и Бродский нашли каждый своё подпространство, всё-таки Нобелевские премии свидетельствуют хотя бы о приемлемой адаптации. Наверное, миллионы «простых» иммигрантов тоже не так уж плохо живут. Но есть и недовольные. Живут за пределами России, но «с Лениным в башке». Это просто наказание и адская мука – вспоминать каждый день Андропова, Ельцина, Ходорковского и бесплатное высшее образование с благонадёжным конспектированием гениального Маркса. Развесистая советская клюква – в голове у жителя Северной Америки. И это называется – не забывать Родину.

Но мне тоже есть что вспомнить.

Истина – почти религиозная категория. Христос сказал: «Я есть Истина». А с точки зрения знатока математики и компьютерной науки, истина – всего-навсего бит информации, пресловутый триггер. Кроме истины есть психологическая достоверность. Вместо Христа, Будды, Майтреи – дзен-буддистская колотушка, сытые толстые щёки диетолога. Но вспомним личный миф, который воссоздал в 80-летнем возрасте Карл Юнг. Это честно. Если Истина ускользает – будем говорить не о том, что касается всего человечества, но о себе лично.

Так или иначе, моя жизнь – это только моя жизнь. Я не могу ответить за всех. Детские сказки Арины Родионовны рассказаны были мне лично. Конечно, сказки эти помогли лично мне быть добрым, справедливым – в некоторых рамках. А за пределами моих границ – эксплуатация и экспроприация, жёсткие экономические законы. Царство Божие, где волк и овца живут счастливо, – это загробный мир. А на этой грешной земле – наша человеческая природа, границы между странами, между нациями, между отдельно взятыми людьми. Одним словом, социальный дарвинизм. Да и близкие друзья становятся врагами из-за трансерфинга реальности. Скажем, что произошло между Сезанном и Золя? Каждый ушёл в своё подпространство вариантов.

Так вот, в сущности следующая современная сказочка проста. Сказка 20-го века. В отдельно взятой стране, СССР, существовала достаточно длительное время – общественная собственность на средства производства. И к этой собственности прилагалась коммунистическая партия, для того чтобы управлять «справедливостью». Якобы эта структура возникла в результате исторического процесса, описанного гениальными учителями человечества, Марксом, например, философия коих была объявлена научной и стала государственной философией СССР. Вот и всё.

В другой части мира собственность продолжала оставаться частной, и другая часть мира не присоединилась к СССР, вопреки ожиданиям.

Но мораль этой сказки: СССР – это было хорошо. И, собственно говоря, это вопрос вкуса.

Но в данном случае это не настолько безобидные вкусы, как, скажем, художественные или литературные симпатии, к примеру, отличия между постмодернизмом и реализмом. Дело в том, что в постсоветской России у власти остались, так сказать, «силовики». Понятно, кто это такие. И сколько ещё лет или десятков лет население «города Ибанска» будет вспоминать, как хорошо им жилось в СССР? Но мало того, что в России остались жить любители «справедливости», – они и за пределами России. Они ненавидят эксплуататоров и не против различных форм борьбы – показать бы империалистам хрущёвскую «кузькину мать».

А кто знает – какие на самом деле ресурсы у данных партий?

Какая уж тут Истина? Я имею в виду – общая, единая для всего человечества Истина, которая в детстве казалась нам возможной и желанной. И, честно говоря, я почти готов отречься от истины в пользу психологической достоверности. Не могу я спорить в надежде на рождение Истины. Я могу только трансформировать реальность так, чтобы из своего подпространства «кричать по-птичьи». Это уступка дзен-буддистской колотушке.

*Между крышами, белыми под луной,
птичий крик заметался,
с башни упав ненароком.
(Мартин Хайдеггер)*

Воля к власти и воля к творчеству

Впечатление от жизнеописания Мартина Хайдеггера мрачное. Философ умный и одарённый, но не мудрый. Это правда, что он перепутал национал-социалистическую и метафизическую революции. Когда Гитлер оккупировал Францию – гордился победами германской «техники». А с другой стороны, Ураган Мышления. Абсолютно уникальное представление о Боге. Бог – просвет Бытия. Вера в то, что о Боге можно говорить и получить результат. А не просто следовать религиозному Назиданию. Запрет на всякое конечное представление о Боге и умиление Картиной Бога.

Видимо, не будет никакого единства всех народов на Земле. Люди будут жить разобщённо, каждая нация за своими границами. Да ещё войны будут. И если имеет смысл какое-то воссоединение, то это только Мост через Бездну. Сверхчеловек Ницше в одно из своих определений включал «мост». Немцы – нация поэтов и мыслителей? И что же?

*Но никогда я не лил напрасных слёз, взывая о помощи,
Моё юное бытие
Не решалось поверять мои усталые жалобы
Никому, кроме ангела Благодати.*

(Мартин Хайдеггер)

Хайдеггер любил философское «вопрошание» и меньше – философские ответы. Мышление, ангажированное мышлением. К чёрту практику как критерий истины. Он безусловно был поэтом и опирался на Гельдерлина и Моцарта. Трудно сказать так уж прямолинейно – что он продолжил дело Ницше, отношения более сложные. Но, учитывая, что Ницше был «хорошим немцем» и воля к власти была как раз то, чему следовали «все хорошие немцы», Хайдеггер не мог не продолжать линию... Он был попутчиком фашистов и трансформировал волю власти – для себя – в волю к творчеству. Сартр скажет примерно следующее: фашист – это тот, кто хочет быть всем кем угодно, только не человеком. Окончив иезуитскую школу, Хайдеггер начал с «холодной логики», философии тонкого доктора Дунса Скота, и он хотел растопить догмы до жидкого состояния. Позже он стал грезить каменными

горными хребтами – стражами познания. Вообще-то Хайдеггер умер в 1976 году, когда я учился на втором курсе университета, и я не мог себе представить, что где-то старик мыслит себе Бытие, которое настолько отличается от всего того, что мне подбрасывали в качестве истин.

В 1945 году на допросах денацификации от Хайдеггера так и не смогли добиться «демонстрации чувства вины». Видимо, он не считал нравственные вопросы интересной проблемой для своего мышления. Его объявили попутчиком – и лишили права преподавания. Он переживал, что пострадала его пенсия. Бесхарактерный человек, как говорила Ханна Арендт, еврейка, которая его любила. А что с того, что он был членом НСДП, партийный значок носил, один всем известный донос на еврейского доцента написал. Ну достал его доцент из «академической конюшни». Сам он говорил, что это было – так! – вроде как бы не от большого ума, а его большой ум философа был занят Платоном, досократиками.

Далее, читал я собственно его тексты, например, «Введение в метафизику» – это всё равно что партитуру Моцарта разбирать. Если сравнить «Бытие и Время» и «Бытие и Ничто», так Сартр для народа писал. Но слава Богу, кое-что мне всё же удаётся реконструировать для себя. Так или иначе философский эрос.

У Ницше и Хайдеггера общее – святая поэзия, Гельдерлин – кумир, или Вагнер. У Хайдеггера и Сартра общее – феноменология. Сначала наука растапливается до жидкого состояния, а затем появляется Бытие, которое как Солнце Восходит и Заходит, несмотря на научное мировоззрение. Околеть и Погибнуть – не одно и то же, в каждом закате – новый восход.

Божественное и Земное

В трёх доменах: религии, философии и науке – живёт свой Бог. Есть три методологии. Религиозная вера – если в ней изолироваться – предлагает интервенцию: акт веры посещает. Научный подход в крайних проявлениях вообще не нуждается в Боге как в «гипотезе». Истинные учёные имеют своё представление о Боге как о закулисном творце, тождестве с Природой. Но только философы пытаются «дружить с Богом».

Может ли сознание обнаружить божествование, доказать существование Бога собственными силами? Человек как бы маленький Дух – соотносится ли он со Святым Духом без назидания конфессий, без харизматических личностей, канонических текстов на полках в синагогах и ленинских уголках? Поверить-то можно, но как часто проверять то, что прочитал или запомнил?

«...being nothing but grooming schools for the middle-class non-identity which usually finds its perfect expression on the outskirts of the campus in rows of well-to-do houses with lawns and television sets in each living room with everybody looking at the same thing and thinking the same thing at the same time...»

Jack Kerouac

Если у сверхчеловека отобрать технику – что он будет делать с «простыми вещами»? Скажем, отключить интернет и посадить батареи в ноутбуках блогосферы... Никто теперь уже не пойдёт на такое варварство. Но всё же голова твоя пустая или следует только мудрости древних народов? Возможно ли приумножение мудрости как вспышка сверхновой звезды?

Мартин Хайдеггер, следуя за Гельдерлином, Ницше – за своими немцами – поэтами и мыслителями – изучал древнегреческую культуру. У него было образование иезуита и католика, но он преодолел... рациональное богословие: номинализм и реализм его интересовали как техника мышления, он написал на эту тему сотни страниц, своего рода пролегомены – и в этот период он стал известным во всём мире, сделал академическую карьеру. Затем Хайдеггер, получив известную свободу, стал экспериментировать. И поле экспериментов распространялось и на Бога. Видимо, он и сам считал себя Духом, равным Богу, – допустимая мания величия – но он не позволял себе претензии на Чудеса, которые есть не более чем интервенция.

Хайдеггер говорил, что Бытие есть отказ. Он отказался от представления о Боге как о сущем на Небесах, но скорее Бог – это вспышка молнии, просвет, это не Сущее, но именно Бытие. И постижение Бога возможно только в моменты интенсивности, тогда, когда понятен Смысл – вот он Бог! А если каждый день мы, собственно, и не знаем: а зачем всё это, мы устаём от серых будней – так как мы можем мыслить себе каждый день Бога? Мы

можем только повторять молитвы, мантры, заклинания – повторять с монотонностью шарманщика, и повторять – верую, верую... Но голова в этом не участвует.

И только ночью, Заратустра у Ницше пел песни. А у человека, Ман, есть маленькое удовольствие для дня, маленькое удовольствие для ночи. Попробуй отбери газеты! Или попробуй отбери у христианина Библию!

Как же сделать так, чтобы не страдало нравственное начало? Ведь нравственное начало – это контроль, самоконтроль и общечеловеческое «мы вместе», «мы любим». И как сделать так, чтобы дела мои приносили пользу мне и других делали счастливыми? А нужны ли для этого поиски Бога? Эти поиски плохо заканчиваются. Мартин Хайдеггер видел смысл присутствия вот здесь, в философском вопрошании, – он ответы и не даёт для желающих получить удовольствие и помолиться в лоне высокоморальной веры. Так что Хайдеггер умён, но он не мудрец. Каббалы Wisdom, например, он не изучал по крайней мере так же, как он изучал стиль Платона.

И как же так?? Можно ли вообще рекомендовать философию Хайдеггера кому-то, кроме узких специалистов из «академической конюшни» для их диссертательных отчётов и инструкций? Сколько человек в мире понимают «дело философии» Мартина Хайдеггера? К счастью, время одиночек не кончается.

Уже после войны Хайдеггер читал лекции и писал тёмные тексты-фуги: о четверице – Небо, Земля, Живое, Смертное. Эти тексты настолько тёмные, что и Гегель, наверное, такое не писал, и, тем более, Маркс в третьем томе Капитала. Биограф Хайдеггера Сафрански сравнивает эти образы с татуировками на коже дикаря, над которыми не надо смеяться, но не надо и относиться к ним слишком глубокомысленно. Сам Хайдеггер называл это многословным немотствованием. Это говорение Хайдеггера – молчит, как молчит Бытие. Это говорение настолько ушло от Реальности в Ничто, что приблизилось к немоте Бытия.

Есть другое Бытие – Картина Бытия, и наука и религия нового времени – имеют дело с Картиной или с Картой. Декарт призывал человечество покорять всё, что имеет протяжённость в пространстве, – что мы и наблюдаем как «постав» Техники по Хайдеггеру. Это – основа воли к власти, инструмент сверхлюдей,

которые и не хотят быть людьми, но при этом им нужны иные инструменты религии и веры.

Моё Существование

Сознание интенционально – всегда направлено. Одно из направлений – вынужденный взгляд на своё существование, экзистировать значит быть вынужденным считаться с фактом собственного существования.

Собственное существование человека в этом мире – нельзя обойти стороной, это подлинное бытие и это исходный пункт, как у Декарта «*cogito*». Случается терминальная болезнь, приговор к смертной казни – всё становится второсортным материалом для сознания, только экзистенция остаётся рядом с процессом. Симона Бовуар описывает, как тяжело умирает её мать, Альбер Камю – показывает душевное состояние убийцы в камере смертников.

Две разновидности экзистенциализма, религиозный и атеистический, сходятся в том, что в пограничных ситуациях все ценности, которые остаются, – это формы Я. Но необходимо из феномена Я вывести позитив – заполнить пустоты, в которых обычно наблюдаются Добро, человечность, открытость души, теплота человечности. И традиционная наука ничем не могла помочь. Необходимо, сохраняя то, что в науке называется строгим мышлением, как-нибудь исследовать феномены, не являющиеся научными, например, уникальные чувства, которые вдруг ни с того ни с сего приходят в лесу – тошнота при виде какого-нибудь пейзажа с деревом, если вдруг понимаешь, что это дерево, КАКИМ ты его видишь, является тебе ТАКИМ в последний раз, и НИКОГДА не будет ТЕМ ЖЕ САМЫМ объектом, хотя твоя социальная роль может быть лесник.

Это посткартезианское направление разрабатывали Гуссерль и Хайдеггер, и им, как известно, заинтересовался Жан-Поль Сартр. В отличие от первых Сартр изначально решил, что заботиться только о себе нехорошо, и экзистенциализм должен быть популярен, и помимо изучения пограничных, маргинальных состояний – доставлять компоненты гуманизма, чтобы компенсировать прагматическое мировоззрение и злоупотребления добродетелями, образованием и прочими привилегиями.

Сартр преуспел в том, что выполнил социальный заказ — объяснил общественности, как так случилось, что немецкие шарманщики ничего не поняли — что за птица фюрер Адольф, но ремесло их добротное, и прогрессивное человечество может продолжать пользоваться немецким идеализмом и дальше, если правильно ангажировать... Например, Карл Маркс ангажировал Гегеля НЕ правильно, но Маркузе ангажировал Мао Дзедуна и Маркса правильно, так или иначе, для нужд молодых интеллектуалов, в этом нуждавшихся. Феноменально!

Всё же глубина Гуссерля была в том, что он отделил психический процесс, протекающий во времени, от того, что «может иметь значение» за пределами психики. В частности, если «такое может быть», то существует и Бог.

А что мы можем сказать ещё о Боге? То, что Люцифер — тоже ангел божий? Но даже тут бритва Оккама требует ответить на вопрос: имя Люцифер откуда стало известно широкой общественности — а не из тайных ли учений избранных народов?

Так что, быть ангажированным, скажем, упаковать себя на социальном сайте в интернете, — это хорошо. Деньги — это хорошо. Быть безработным — это плохо. А суицид — это и вовсе никуда не годится. Такие простые истины экзистенциализма для happy shiny people — дополнение к поэтике сверхчеловека Ницше. Современный капитализм всех покупает, и войны-то не нужны — такой высокий уровень потребления.

Хотя как знать? Сегодня ты играешь джаз... А завтра мобилизация, под знамёна, и под юридический заклад — оправдание нового канибализма. Ветераны КГБ на пенсии пишут мемуары. В России писателей больше, чем читателей. Как вот все напишут, потом ещё некоторое время будут читать. А потом или Ленин родится, или что-то типа немецкой шарманки станет созвучно пассионарной новейшей волне.

И упорно я возвращаюсь к мысли, что только одиночки могут противостоять нейрополитике. Только одиночки увидят в просвете Бога и смысл жизни. И то, возможно, такое случается очень редко, не хотелось бы, чтобы только за два часа до смерти. «Зачем Тебе, о Господи, не раб твой во плоти, а тень никчемная его?»

Носил ли Хайдеггер внутри себя хаос, чтобы быть способным родить пляшущую звезду? Очевидно, разные люди отвечают на этот вопрос каждый для себя сам и по-разному. И ответ характеризует

отвечающего. Ницше, например, предлагал идти к женщине с плёткой и фотографировался в военной форме. Но в 1976 году советский лектор сразу же прокомментировал: Ницше женщин боялся и в армии не служил – это всё, что было сказано по существу заданного вопроса.

А почему Ницше считали в СССР плохим философом, точнее, почему полагалось ТАК думать? «Мы – марксисты», – помню слова декана. Да на этот вопрос и отвечать не надо, так как само существование этого вопроса содержит богатое описание ситуации. Так что Хайдеггеру повезло, что в Германии Ницше не был запрещён.

И потенциал Хайдеггера видимо актуален, более актуален, чем потенциал «ошибшегося» Маркса – в связи с тем настолько актуальна возможность действительно новой морали, вероятность планетарного сознания на основе каких-то новых принципов, неизвестных доселе человечеству. Кто знает, кого выбирает Бог по истечении Его Часов?

Ураган мышления и штампы публичной растолкованности

Хайдеггер утверждал, что феноменологи сделали ряд ОТКРЫТИЙ. Мало кто знает, о чём идёт речь. «Спор касался противоречивых тенденций и конфликтов нашей эпохи». В «Прологоменах» можно прочесть, что геометрия Евклида является доказательством существования а priori материального мира. Вот вам пояснение смысла того, зачем геометрию изучают дети в школе. А что можно сказать про идеи Эйнштейна и Лобачевского, о том, что иные геометрии тоже имеют смысл? Такие вещи трудно обсуждать без некоторой философской подготовки.

Суждение «мы все умрём» Хайдеггер называет штампом публичной растолкованности. Видите ли, всем это ясно! Но анализ Хайдеггера показывает, что смерть есть конец индивидуального «вот бытия». Только умирая, можно сказать «Я есмь». Время, которое мы исчисляем в повседневности – есть бытие, в котором «вот бытие» может собственным образом быть своей полнотой.

Открытие, которое сделал Гуссерль, – категориальное созерцание. Феноменологи стремились к строгости в мышлении,

типичной скорее для математики. В математике много тонких вещей, приближающихся к философии, например, неполнота теории по Гёделю, частично-определённые вычислительные процедуры, анализ которых приводит к требованию «запретить» ряд теорем, доказанных «неконструктивно».

Это всё почти неизвестно журналистам, стучащим по клавиатуре и посылающим продукт своего интеллекта на сервер, расположенный на другой половине Земного шара. А история создания замечательного персонального компьютера включает также и этапы мышления Хайдеггера, фон Неймана и Тьюринга. Компьютер – технический феномен, не менее концептуальный, чем атомная бомба. Так что есть над чем подумать.

О современной технике Хайдеггер писал много, особенно в 50-е годы. Это хорошо известно и относительно прозрачно. Хайдеггер безусловно высоко ставил классическую поэзию и классическую музыку. «Мы, философы, на такое не способны», – как-то заметил он. Он постоянно читал лекции о Гельдерлине и о Моцарте.

Модернизм, маргинальное искусство относятся согласно Хайдеггеру к несобственному или неподлинному бытию. С этим можно согласиться, встав на точку зрения Вот-Бытия – бытия, в котором реализовано время. Хайдеггер, и не только он, имеет полное право на категорическое суждение для того, чтобы сохранить свою целостность.

Уже Сартр писал пьесы – абсолютно модернистские, и даже отказался получать нобелевскую премию по литературе, чтобы подчеркнуть своё сходство с маргиналами. Так или иначе, в 20-м веке появилось очень много неевклидовых логик. И это было предсказано.

Удивительно наблюдать старение бывших революционеров, левых студентов, иронических писателей. Похоже, если не болезнь Альцгеймера, то какой-то дефект всё же наблюдается на уровне мозга. И со мной лично, вероятно, происходит нечто – частичный дисбаланс между Бытием и Сущим. Но не всем дано красиво умереть в 40 с небольшим лет. Какие-то колебания перед смертью, чувство вины, желание почувствовать тёплую руку... никуда не денешься... от самого себя.

В 1973 году я слушал лекцию профессора консерватории по поводу популярной в те годы рок-оперы, и закончил лекцию профессор примерно такими словами: «Конечно, эта музыка – не

бог знает что такое, но я понимаю вас – вы пронесёте эту музыку через всю свою жизнь». Я не собираюсь сейчас и здесь писать о музыке, так как пишу о Хайдеггере, но концепт хороший.

Помимо науки, религии и философии – есть и другие феномены сознания. Кто-то сказал, что отношение длины окружности к диаметру поражает его воображение – если подумать, каким образом это число проявляется в реальности. В таком случае ясно, что и метафизические истины могут вызвать головокружение. Один человек говорил, что алгебраические результаты в теории колец – вызывают у него такие же чувства, как охота на тигра. Может быть, это и непонятно кому-то, я сожалею.

Молчание

Джон Леннон как-то сказал, что Beatles стали популярнее, чем Иисус Христос. Недавно я нашёл это интервью на DVD и убедился, что это было сказано достаточно серьёзно. Подобные этому высказывания на разных уровнях общения, а также многие современные произведения искусства свидетельствуют о том, что тенденция сравнивать творчество земное и Творение присутствует, *coming in the air*. Это уже не стало преступлением – сравнивать себя с богами. Бог продиктовал пророкам тексты Писания, и Он диктует дружественные «Беседы с Богом» Нилу Уолшу, простому американскому безработному.

Всё, что может продаваться и покупаться, моментально подхватывается и поступает в сети. Каббала в 90-е годы 20-го века выходит из Бней Брака на рынок духовных ценностей и превращается из тайного учения в популярную технологию. В 2007 году я был на лекции раввина Лайтмана в Торонто, и он говорил о еврейской мудрости в условиях роста того-то и снижения того-то, хотя надо бы это прижать, а это ускорить...

В средние века религия была ведущей тенденцией – мышление зависело от веры. В период научных революций – полагалось опираться на правила. Сейчас смутное время. Говорят, что надо продумать как уцелеть, если с Землёй столкнётся очень большой астероид – для этого надо содержать специальный комитет и институт. С другой стороны, опасность подстерегает изнутри: а что, если евреи с арабами никогда не договорятся, и в конце

концов всё-таки несколько термоядерных ударов помешают всему человечеству выбирать по вкусу трансформированный Коран или трансформированную Тору. Это для души в ожидании смертного конца, а для жизни всё уже можно купить по ценам для того региона, в котором вынужден тратить то, что тебе распределено Кесарем.

Единственное, что вселяет оптимизм, – неспособность Старшего Брата вынуть из твоей головы всё, что там есть, – и, как на чистой доске, написать своё «меню». Хотя именно это и предпринимается. Если не удаётся – есть хорошо известные сценарии, о которых я не собираюсь сейчас и здесь писать, так как пишу о Хайдеггере.

«...Молчать может лишь сущее, бытие которого определяется тем, что оно может говорить... Того, кто говорит вместе с другими, в рамках молвы принимают всерьёз. Свободно парящее толкование, принадлежащее всем и не принадлежащее никому, властвует над повседневностью...» Мартин Хайдеггер

Вот вам смысл Времени и «вот-этой» реализации Бытия, в которую включена Смерть, – невозможно болтать больше 100 лет подряд.

Любимый поэт Мартина Хайдеггера, Гельдерлин, сказал:

*Друг! Я не знаю себя, никого из людей я не знаю.
Дух стыдится теперь всех помышлений своих.*

СКАЗКИ ЦАРЁВОКОШАЙСКА

Нелюди

Ящики с пивом привезли поздно ночью. Охрана забрала – два ящика, а все – генералам. Более того – сквозь спецконтроль, божественный высший чин и его куколка – тоже люди. Автоматчики проводили сонными глазами тележки и подумали: вечерок будет gut!

А.-Ф. проводил глазами стюарда с глумливой мордой и опустил глаза. Он один в кабинете. Минут пять неподвижно, ни о чём не думая, сидел. Вздрыгнув и вздохнув, тяжело поднялся и стал переливать пиво в старую кружку, личную кружку, которую никто кроме него не использовал. Для Е. в бункере держали посуду поизящнее, под пиво – высокие бокалы. А.-Ф. пил из разной посуды, но любимая-любимая, эта кружка была с ним ещё в Праге. В Праге он рисовал, понимая, что амбиции не заменят желания жить этим, жить одним днём. Но – нет, перспективы должны быть великими. Сейчас А.-Ф. понимал, что эта весна последняя. Но перспективы – идеальное бытие, перспективы переживут тело, наполнившее себя грубой пищей. Тонкая пища – есть надежда – останется после смерти. Но пиво...

А что пиво? Дрожжи и вода, а для вкуса – немецкие секреты, любовь к бочке – результат. Вот и Е. любит пить пиво, и она нормальный человек. Выпьют бог и его куколка тёмного пива, и глаза делаются добрее, да и секс становится менее натянутым. Е. давно знает привычки любовника. Иногда нужно начать с миссионерской позиции, но иногда – любимому нужны элементы молодой пошлости. Он долго втолковывал ей разные детали, и она когда-то первые две недели не могла сразу перевести робкие грязные слова в псевдотанцевальные и статические ритуалы. Но он иногда чуть не плакал и что-то говорил сумбурное про Н.,

предшественницу Х. Была молодой, молодой, молодой... И он виноват, виноват, виноват. И между этими словами – слюнявый лепет, полузаискивания, полуугрозы. Но в конце концов какие-то формы секса заработали, и всегда – пиво, пиво делает мягкими тело, но что ещё важнее – головы. Глаза А.-Ф. наполнялись жидкостью. Да и Е. поблёскивала слезой. В результате было легче переводить импульсы желаний в последовательности прикосновений и поз.

Старая кружка. Мутное толстое стекло. «Я стар, я скоро умру», – думает А.-Ф. У него есть десять минут или чуть больше, пока Е. не пришла. И это время ему становится очень дорого. Вдруг мозг очищается и очень ясно мыслит. Смысл какой-то определяется, и все мысли выстраиваются в часовой механизм. И внешнее время сливается с ритмом тела. Всё будет хорошо – появляется чувство, и мозг этому чувству не противоречит, хотя мысли очень ясно звучат противоположным строем. Да и скорость следования логичных мыслей увеличивается. Но только процесс этот замкнут, нет выхода, крика «эврика». Прекрасное состояние, но известно заранее, что последствия для деятельности отсутствуют.

Всего минут десять, и никто не знает. Никого нет рядом, но А.-Ф. переживает по-своему просветление. Он счастлив. Но в данном случае нет свидетелей счастья. Острота счастья особая, так как скоро умирать, память не обманешь...

– Ева!

– Ах, Адольф! Снег тает. Мне не позволили пройти по улице, эта охрана – свиньи! Но, ты знаешь, я промочила ноги. Наступила... (смеётся) ...Ты пьёшь пиво? Сейчас я... Подожди, мне нужно вспомнить. Ах! Где же, мы... На улицах... снег тает... (чуть не плачет, лицо деревенеет)

– Что я могу сказать тебе... Мы будем вместе? (пауза)

Е. училась на курсах, к ней подходил один штатский. Хорошо побрит. Аккуратный костюм. Речь как бы разбита на абзацы, тщательно чередуются мысли и двусмысленные состояния. Он понравился. Была возможность пройти вдвоём – немного дальше. Они оба поняли, что никто не помешает, но только десять минут, чуть больше, можно отдаться детской непосредственности, а потом неизбежный вопрос – смысл происходящего, они немцы, люди. Она даже не знает его имени. Какая-то мечта, что мужчина – вот же, понравился, и если бы свобода – нет ещё чувственности, но просто память сработала, инстинкт какой-то. Смутное представление, что

есть ещё какие-то версии жизни. Из-за этой встречи она будет с А.-Ф., но будет думать о чужом.

А.-Ф. иногда думал, что он виноват. Х. умерла из-за него, но Е. не должна знать всего. Это какой-то комок личности, элементы страха. Невозможно никому рассказать словами. Если бы он был художник или мастер слова, можно было бы рискнуть написать длинный роман, и какие-то вкрапления, понятные только ему или понятные мёртвой Х., если бы она читала. Но это безумие, это к реальности не имеет отношения – мысленные разговоры с мёртвыми. Сам А.-Ф. понимает, что именно это безумие и есть высшая реальность-только-для-него. Он один может связать какие-то сигналы в какие-то фразы, и это его воля. А его воля не принадлежит ему одному. Его воля – разрушение. Сколько разрушено, и за всеми ужасами – стоит воля, и воля наполнена какими-то непередаваемыми сигналами, но вот Х. бы поняла. А Е. не понимает, но ей можно было бы попытаться объяснить, и заставить понимать, как-то реагировать. А то, что Е. научилась понимать физически, – грубо, очень грубо, А.-Ф. чувствует тоньше, и subtilность его души переливается в его общеизвестную волю, не только в стиль, но и в содержание великих приказов...

– Адольф!

– Ева, ты всё должна понимать. Мы не можем... Не можем расстаться, хотя мы и не были никогда единым целым. Но это не просто моя слабость, или власть. Мы связаны. Какие-то цепи в игре, но эта игра реальнее войн и насилия, и разрушения. Да, мы разрушили всё вокруг нас. Но мы с тобой – вместе, мы связаны поэзией, наконец. Наши предки...

– Ах! Нет, всё же, пиво неплохое. Если ты хочешь меня, то я пойду сделаю всё, что нужно. Что мы можем ещё? Животное тепло. Мы пока живём. Я так не хочу думать о том, что умирать придётся. Но ты не бойся (улыбается)... Пиво ещё есть.

Наши души... многие боятся, что наши души черны. Но только Бог может знать, правы мы или нет. Мы связаны. И не только с миром, но и мы двое, что-то знаем, что-то чувствуем, что есть нечто, не менее великое, чем наше внешнее существование. А наша слава? Мы понимаем же, что сейчас – в данный момент, когда мы вдвоём, когда мы пьём пиво, и мы станем любить друг друга, – слава нам не нужна, мы забываем о славе, о словах чужих людей. Но мы связаны с чужими – чужими словами, и как много сделано!, но так как связь

эта внешняя – всё рухнуло, а наша связь – близкая... (задыхается)... Ты хочешь, чтобы я тебе верила, я тебе давно верю. А ты веришь, что Ева любит тебя?

Она повторила эту фразу – два раза, угасая, так как он не подхватил её. Но он начал трогать её, и они, закрывая глаза, стали прислушиваться к теплу. У них стало получаться, и они ещё пили пиво, согреваясь ещё и этими струями. Кончилось и это...

– Ева! Но ты же понимаешь, что наша жизнь могла бы быть иной. Что бы ты делала?

– А что бы ты, милый??

– Ты ведь понимаешь, что только у тебя есть право задавать мне такой вопрос.

– Но, кроме права ты – мой?

– Мы не знаем... Но я люблю. Хотя слово – лишнее. Более тонкое... или грубое...

– Ты не знаешь?

– Я боюсь знать это. Мы будем вместе всегда. Это уже моя воля, а моя воля – это... Хорошо всем известно. И тебе. Ты тоже все. Все – немцы.

– А мы лучше других?

– Мы с тобой – да.

– Ты хочешь лечь на пол, и чтобы я...

– Да, если ты не устала. Хотя, знаешь, может быть, прогуляться. Недалеко... снег около бункера, снег Германии. Хочешь?

Е. покачала головой – нет... Ей грустно, и прогулка эта как в концлагере, должно быть. Она задумалась о зле, о том, что где-то немцы ошиблись. Так много зла. В школе она дружила с еврейками. Тогда уже существовали рамки, какие-то социальные двусмысленности. Но, несмотря на какие-то социальные правила, было весело; как игра с собакой – любишь псину, обнимаешься, даже целуешься. Позже Е. стала думать, или, наоборот, стала думать как все, и прекратила чувствовать, – евреи конкуренты. Может быть, что расизм и злоупотребление воли сильных против чужаков, которым просто не хватает всего того, что бы они хотели в любой стране, где кочуют. Но употребление зла – сильные действия, чтобы было больше порядка и для слабых в том числе, – это по-немецки, по ту сторону добра. Е. думала, что сила – достоинство, не только мужская сила, но и по духу, немецкие женщины должны быть сильнее евреек. Молодые еврейки привлекают мужчин, они

воспитаны – быть женщинами, игрушками, но игрушками, которым отдаются самозабвенно. А немки – скорее спутницы, соратницы...

А.-Ф. сказал: «Я люблю тебя!»

Керосин. Дочь кассира

Neu you, официант. Что-нибудь попроще. Иностранщины поменьше. Идиот-батюшка со своей подругой в социальном муравейнике. Дважды верхнее образование. «Отматал» два срока за выбитые-чужие-зубы. Свои-золотые-зубы отдал дочери. Не на чёрный день, а в качестве игрушки. Хорошая игрушка – золотые зубы отца. Дочь кассира играла с золотыми зубами идиота-батюшки, потрескивая спелыми пятками по раскалённым асфальтам. Сталевары рассматривали девочку на базе УРСа. Собачье мясо в кафе цилиндрической архитектуры. Поганое мясо в поганом ресторане «Юность». Придурок-батюшка уезжает в горные районы Биробиджана исполнять 7/40 на губной гармошке Welt. Пригласил в ресторан «Юность» свою единственную дочь на прощальный банкет. Всё, что удалось выловить, проговорить и озвучить, – наука логики. Гегель и Гёте предупреждают, что чтение опасно. Лучше, пока не поздно, остановить мгновенье, какое есть. Гнойный угол. Маленькая пачка болгарских сигарет Pliska. С этого всё и начинается. 2 X 2. Керосиновая лавка.

О, кто-нибудь. Объясните моей дочери математику. Норма Единица. Суммируем по X. О, нет. Лучше посуммируем по Y. А ещё лучше возведём. Умножим два раза на самоё себя. Abacus. Кипарисовые косточки на тонких спицах. Дочь кассира начинает смутно догадываться, что жизнь – X, но не думает что Норма у всех одна и та же. Без пары Y вся жизнь – воровство. Крадёшь и хорошеешь. Кипарисовые косточки по барабану. Главное – а что скажет рыжая учительница русского языка тётя Хая. Сказала – кради & хорошей, так будет лучше, что тебе виноградники?

Оперная ария, Мария Ave, папа г-du-bist, симфония имени Владимира Кашенко, пепел филармонии, под микроскопом гигантский плевок ДНК, хромосомы Стрекозла. Хересы и Мадеры, неси быстрее, накрывай на стол, мальчик гарсон, встречать дядюшку из Израиля. Богу богово, спонсору спонсорово, медиатору медиаторово, нейромедиатору нейромедиаторово и так далее. Ты

что не русский? Христианская лепота и елей. Perpetuum Mobile & Petroleum Mobile.

Дочь керосинщика

Фенечки, как у индийской вдовы. Но жить нужно. Тётка Хая, тётка Рая, кукла Даша, кукла Nelly. И как только Ева смогла взять в рот это. Такую гадость – первый и последний раз в жизни. Ватная фуфайка. Подрабатывала дворничихой, но потом закончила музыкальную школу. В музыкальной школе – Пуфик. Шушлайка Ямаха. Тонкий, тонкий – не нужно бояться иностранных слов – флёр сублильного секса. Сублильный секс как половое извращение. Высовываешь голову в форточку и орёшь. С балкона на мостовую падает крик. Заказной крик – я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно. Хорошая мысль, нужно запомнить. Слово – жизнь – из песни не выкидыш. С балкона на мостовую падает крик. Ах, Жизнь. Пачка сигарет с угольным фильтром «Филип Моррис». Флёр фаты и фатум бракоразводного процесса, у мужа злокачественный процесс. Пошёл. Ничего не хочет. Только плачет. Муж 2 изменить ничего не может, но тоже, собака такая, плачет. Мужа 3 уже не надо. Надоело. Индийская вдова в керосиновой лавке своего батюшки, дочь керосинщика. Сама керосинщица. Германия über alles. На костре Даль. Тысячи ненужных слов – в огонь. Тысячи, как показывает практика, ненужных слов – красному петуху. Красный смех, красный ночной кошмар, объяснение в любви – в крематорий. Ах, Роза. Даниил, сын Леонида. В тюремных зонах люди с хорошими душами не разлагаются. Человек со здоровой душой и на зоне остаётся. Поэты рождаются и становятся буревестниками. Безумствуют, но не всегда могут петь. Этому не научишь. Да. В глазах часто ночь, завеса пустоты. Ничего не поделаешь. Диагноз. В глазах пустота игрока в домино. Домино и Бельмо в глазах пенсионера. Пусто X Пусто.

Эпитафия. А помнишь танцы? Танцуем всю ночь, ведь это не зря, а может быть, неспроста гармония мира не знала границ. И мы пили чай. Флёр, и Фата, и Ватник в коровнике мира. А то ещё каждый день Бусы и Рис. Нет. Где же принц Rupert? Где же Ты? Хозяйка медной канадской горы ждёт тебя. А он, собака такая, женился на еврейке. Гадина Кошерная, Ящерице – кол осиновый

в глаз. С камнем на шее, как Му-Му, пусть утопится в Бердском заливе, или в своём биоунитазе. Где ты, мой Герасим, – я дала объявление в газету. Соседа по коммунальной квартире – сдать. Сдать немедленно. В туберкулезный барак, там не церковь, но утку подадут. Пусть пишет про заек. Ленин и дедушка Мазай. Ленин – дедушку замочил, замочил, замочил! Председателя и управдома Петрова по ошибке записали Петровичем, ах, какое недоразумение, мы исправляем, исправляем, исправляем! Discipline Global Mobile & Petroleum Global Mobile.

RGB, PGM, ETC

Красная глотка гомосексуалиста. Малиновые сопли. Рядом с микрофоном руки по швам. Ать-два und аты-баты. Сущности не следует умножать без надобности. В свете призрачных двойных доз. В свете решений художественного совета. Комментатор студии 666. Публикация о незабываемых встречах с Алым. Алло, Малиновый Галлюценогеноз. Псилобицин в таблетках для любимого дога.

Зелёная трава у дома. Рокот грузовика с остатками рыбных и мясных блюд. Формализм в искусстве и зелёный гной в формалине. Принять ванну в морге. Хлороформ и спать. Отель, который не придумал бы и Freud. Всё шло вроде бы неплохо, но тут подлила масло в огонь гадина психиатр.

Голубая мечта. Коттедж в Калифорнии. Годится и в другом месте Северной Америки, да хотя бы и на побережье Великого Озера! Сарайка на ВАСХНИЛ. Глобальное пламя сжигает. Плач у знамени. Знамение Всех Времён и Народов – повернись лицом к своей Западной Стене, жидо-масонский выхрест. Лицом к стене. Пахнет керосином, которым любовница морит блох. Бизнес, который придумал Fripp.

Petroleum Global Mobile. Казино и лотерея в i-net. Лотерея green card и удар в пустынной квартире. В опустевшей квартире – удар и молчание. Высохнет кровь. Будет сухо. Высохшая рука старенькой жены. Дочь кассира. Дочь керосинщика. Dot Com. Disconnect. Прощай, my american pie, UND hi, my afro-american friend. Гуд-бай, Америка, где не был никогда я, мне будет снится, что я администратор казино. Судно & урна. Сатурн – пустое.

Квантовые системы, не зависимые от наблюдателя. Если подъехать к проблеме на странном козле – многое начинает казаться простым. Закончим жизнь красиво и точно. Не нужно соотносить свои ощущения с постоянными числами. Фрактальный – это тот, кто превзошёл братьев Гримм. Фрактальный наблюдатель – тот, кто может вести наблюдения either: в макромире и в микромире. Также можно ввести в мой мысленный эксперимент – точнее, зарегистрировать в системе – ещё одну роль. Роль – фрактального капитана.

Уж если произвольный наблюдатель «влияет» – и мышь Эйнштейна наблюдает – то почему бы не включить в картину мира наблюдателя-лидера. Пусть он наблюдает за квантовыми связями реальности. Кроме него есть кому натягивать сталь.

Глава I

Честно работать. Обзаводиться техническими навыками. Ремонтировать, ремонтировать и ремонтировать, как завещал Великий Чернославик. А вдруг прилетит Лебедь? Мальчик Naughty пошёл во двор гулять и увидел подозрительные предметы, о которых ему рассказывали странные истории, и он всему поначалу верил. У мальчика Naughty поначалу, также как у принца Buddha, не возникало сомнения в правильном выборе будущего. Он думал, что не лишним может оказаться знание восточного языка Hebrew. Но, заметим, что параллельно с этими мыслями мальчик думал и другие мысли, например, такие: когда я вырасту, я поступлю работать на большущий механический завод. Когда в голове живут странные мысли, то начинают сниться странные сны. Это такое, квантовое, свойство мозгов. Мысли мелькают, мозг перегревается. Лампочка Ленина плюс электрификация.

И снится мальчику Naughty энигмистический сон. В правой руке у него цветы. Слева журчит не пересыхающий летом ручеёк с минеральной водой. А на поляне на рояле Гость играет и поёт «журчат ручьи», «цветут цветы». Других слов не знает. Гость закрыл крышку рояля, похожую на челюсти, например, акулы, и так сказал мальчику: «Есть работа. Я принимаю тебя с сегодняшнего дня на работу. Вот тебе 50 долларов, купи себе пару железных башмаков. Знай, что если по истечении испытательного срока ты

мне подойдешь, придётся тебе долгие годы работать в поте лица и стаптывать не одну пару железных башмаков в год. Когда я приму тебя в постоянный штат, например, в городе Штадт-на-Одере, то дам ещё денег. Если ты будешь хорошо работать, то получишь ещё бесплатно железные сапоги». Мальчик Naughty, как космонавт Леонов в открытый космос, выходит в Не-себя от радости. Пока он находится в Не-себе, он осматривается и совершенствует технические навыки, стаптывает железные башмаки. Но, конечно, наивно мечтает о железных сапогах. Так он научился собирать компьютеры, простые машины и научился разбирать логические задачи. Пользы от этого кому-либо мало, но работа есть. Разбирать – не собирать.

И тут мальчик Naughty неожиданно для самого себя начинает просыпаться. Постепенно наплывает туман, и приближается тревога. Снится ему, что получает он прямо в паспорт – как какой-то плевков в душу – визу на ПМЖ в Израиль. Это его мама, папа и бабушка решили заточить его, как принца Buddha, в Царский дворец иудаизма, чтобы не видел он страданий и смертей в городе Сталеваров. Входит он в Двери с короной Царя Мошиаха на голове и потом оказывается около небольшой, но славной синагоги, в которой все кланяются и слышно, как точат на электрическом точиле ножики для рыбных и мясных блюд при свете красных фонарей за ширмами из ливанского кедра, предаваясь левантийской лени на сорокапятиградусной жаре по Цельсию. Не выдержал мальчик Naughty силы своего воображения и проснулся, сжимая, сжимая и сжимая потные кулачки, как ему советовал инструктор оздоровительного САМБО.

И, чуть было мальчик Naughty не пришёл в сознание, но нет! – не проснулся окончательно. Не закончился один ночной кошмар, как сразу же другой кошмар наполнил сознание бедного подростка. Не реальная явь родного города Сталеваров вошла в сознание, но новый странный и тревожный сон обуял непустую душу мальчика. Снится ему, что продолжает он жить в родном городе сталеваров на сталеварных проспектах, в сталеварных переулках, а на соседней улице живут шахтёры. Иногда шахтёры и сталевары вместе ходят, иногда друг друга недолюбливают, но редко случается, что какой-нибудь сталевар скажет публично, что все шахтёры – дураки. Более того, шахтёры редко ругают сталеваров, и на основании того, что сталевары любят добираться на работу на автобусах, редко иной

несознательный шахтёр может позволить себе публично обозвать сталевара ритуальным традиционным ругательством «автобусное мясо». А если такое случается, то товарищеский суд строго наказывает провинившегося, и, как правило, всю оставшуюся жизнь шахтёр-балбес раскаивается и испытывает муки совести. С другой стороны, иной сталевар-балбес может разволноваться и назвать шахтёра ритуальным ругательством «гнимый ниггер», но, как правило, особый психолог сразу же начинает наблюдать за оговорившимся и в специальном диспансере с круглосуточной вентиляцией добивается ремиссии. Случаи спонтанной ремиссии ставят реабилитированного, не побоимся этого выражения, на пьедестал почёта. Иногда, невзначай...

Снится мальчику Naughty сон и снится, что подростков подвергают спецтестированию на призывном пункте Дворца Сталеваров и наиболее умелых отправляют в Царёвокошайск. А те, кто не обладают особым даром, систематически выбираются голыми руками и принимаются (отправляются) в пионеры Пространства-Времени-Тяготения.

Через год пионеров со стажем опять на всякий случай тестируют на Царёвокошайск, и тех, кто проходит этот второй тур, отправляют на олимпиады по сельскому хозяйству, а почти всех других ставят на спецнаблюдение. На год. Результатом наблюдения может быть либо пустой файл, либо record, фиксирующий обстоятельства и факт произнесения ритуальных оскорблений. Помимо оскорблений «автобусное мясо» (ам) и «гнимый ниггер» (гм), учитываются ещё несколько категорий, например, «хам сексот» (хамас), и «не хам, но сексот» (нахам или, в народе, сволочь), и, почему-то, «жопа» (жопа).

Снится мальчику Naughty сон и снится, что с первого раза в Царёвокошайск его не забрали через год, так как он, увы, где-то неосторожно проговорился во сне и подумал про шахтёра «жопа», ему же записали в файл, что он, якобы, сказал такое шахтёру «в лицо». Последствием непустого файла стало то, что повели его на призывной пункт Дворца Пионеров, и, якобы, с почётом приняли (отправили) в регулярные члены Структурированного Пространства-Времени-Тяготения, и заставили, находясь под следствием Особого Комитета Стали, целовать вместо короткого конца ритуального галстука – длинный. Да уж, вот Так с этим строго!

В городе Сталеваров. Такой уж сон у мальчика. Беспокойный и аутичный.

А больше всего в городе Сталеваров любят Каток. Зимой в естественной среде, а Летом – в среде с искусственным льдом, тысячи весёлых людей катаются на коньках по тонкому льду, как по модели – неискривлённой физической реальности, вооще. Физическую реальность любят только сталевары, а шахтёры её не любят. Может быть, потому что физическая реальность – светлая, а шахтёры любят в темноте жечь маленькие лампочки. Но кататься по тонкому льду любят все. А когда тысячи людей весело царапают стальными коньками голубую поверхность льдов, то последняя поверхность крошится, то есть естественным образом приходит в негодность, и появляется ледяная крошка, и, следовательно, есть работа для оператора Большого Механического Катка, который очищает поверхность тонкого льда от царапин и крошек и красиво сглаживает все неровности и канавки, и потом операторы выпускают на лёд новые группы радостных людей, которые тонко улыбаясь и делая друг другу многозначительные знаки счастливыми глазами, возвращаются на круги своя.

Дела шли вроде бы неплохо, и у мальчика Naughty стал появляться соблазн сделать карьеру оператора. Соблазн трансформировался в мечту о личном светлом будущем. Вот бы неплохо стать оператором Катка, и тогда не нужно искать работу где-нибудь на стороне, вдали от родного города. Может быть, эта должность заменит мне смутную тоску об утерянном Царёвокошайске. Было бы неплохо каждый день дарить тысяче счастливых людей – скольжение.

Но опять сон переменялся. На этот раз так резко, что будто бы погасла лампочка Ленина. Ленин превратился в Эдисона, хотя перед тем, как окончательно превратиться, хитро усмехаясь, что-то прорычал. Немедленно, как только погас свет, мальчик Naughty стал превращаться в какое-то животное, как до него дошло, ещё на полпути – в козлёночка.

С ужасом стал понимать пробуждающийся мальчик то, какая пропасть имеется на самом деле между Дворцом Сталеваров и Дворцом Царя Мошиаха. И он понял, что превратив в козлёночка, так же, как ему закрыли двери в Царёвокошайск, перед ним окажутся закрытыми двери в иудаизм. А то и все двери. Окончательно проснувшись, мальчик стал догадываться о том, что с его стороны

очень неосмотрительным является его прежнее отношение, без должного внимания, к советам родителей и, особенно, бабушки.

Глава II

О, как хорошо светило солнышко, когда мальчик Naughty очнулся от тяжёлого кошмара. И домашние снегири в клетке чистили свои пёрышки, играло трио на виолончели по радио, и всё это было – так реально, что пробудившийся мальчик обрадовался тому, что проснулся и впереди – его ждут естественные игры.

Мама заметила, что мальчик взволнован и, отложив в сторону вязание, достала из картонки термометр и стала измерять у ребёнка температуру тела, периодически перелистывая справочник по клинической хирургии, просматривая списки правдоподобных диагнозов.

Бабушка достала из старого сундука лампочку Эдисона, мощностью ровно на 50 ватт больше, чем та, которая в данный момент была вкручена в электрический патрон под потолком. Шурша нижними юбками, бабушка полезла по раскладной лестнице, забытой в доме некими землемерами или малярами, и поменяла старый прибор на новый, более яркий.

– Ну, зачем ты морочишь голову своим родителям, папе и маме, своей детской мечтой? – улыбаясь, сказала бабушка.

– Ведь и Будда, и Магомет, – продолжала бабушка, улыбаясь светлой улыбкой, – ничего не хотели такого особенного доказать человечеству, что бы они выдумали исключительно из своей головы, и чего бы человечество не знало раньше, до них. Разве что наш незадачливый Моисей придумал скрижали.

Мальчик Naughty заулыбался, чувствуя тепло, которое сосредоточилось внутри живота. Он подумал: «Ну зачем, право, мне нужна эта моя механика и механические заводы?»

– Собственно говоря, – продолжила бабушка, – твоё увлечение всеми этими пружинами, моторами, негодными радиодетальями, может быть, и пригодится в жизни, но в чьей жизни? Только в твоей, или в жизни других – тоже...

Бабушка задумалась, присела на раздвижную лестницу и сказала сама себе – тихо, так, что окружающие люди почти не разобрали слов: «Карма и Дхарма...»

Мальчик ещё сильнее заулыбался от радости и тепла, наполняющего его живот. Он: «Ну зачем, право, мне нужна эта моя механика и механические заводы? Карма и Дхарма – какие красивые слова».

– Надо же, ведь приснится же такое, – продолжал размышлять мальчик Naughty про себя, следя глазами за бабушкой, и поэтому стараясь запомнить образ любимой бабушки, и не стараясь запоминать словами мысли, шумящие в его собственной голове. – Надо же, странные, однако, стали сниться мне сны, – продолжал думать мальчик. – Маленькая синагога в Израиле, или должность шофёра Катка в Катке. Какое-то самоедство. А что касается Механического Завода, то как же я смогу работать, если я не знаю Теоретическую Механику. Нет, я должен честно закончить колледж Механики в городе Сталеваров, и, если будет на то воля Великого Чернославика, то меня пошлют работать на механические заводы. Надеюсь, что реальные механические заводы где-нибудь существуют. Я буду ремонтировать реакторы атомных блоков, как завещал Чёрный Славик, сгоревший на работе. Не зря же в кабинете у папы повешен портрет. Великий и Чёрный Славик. Папаша не настолько глуп, чтобы повесить на стенку ненужную черно-белую вещь.

Оттого, что мальчик не старался запомнить или как-то иначе зафиксировать свои мысли, мысли эти текли свободно и точно, и, неизвестно, а фиксировались ли они вообще где-то, будут ли повторены когда-то, и насколько они уникальны. И если эти мысли не были уникальными, то чьи они? Неизвестно даже, были ли эти мысли красивы? Так как мысли никак не фиксировались, то и ответы к этим мыслям не были реально связаны с вопросами. Реальность была искажена бабушкой. Только бабушка могла в данный момент изменить реальное положение дел. Содержание мыслей, которые никто не контролировал, никто не проверял и никто не запоминал, могло быть не-реальным и принадлежать частично не-ему. Соответственно, содержание определяющего сна забывалось, отчасти, сон из прошлого как бы надстраивался и дополнялся новым материалом, который мальчик в состоянии бодрствования не-видел, но был естественным сном, эквивалентным естественному состоянию мозга ночью.

За ужином папа и мама заплакали, увидев, что их мальчик осунулся. И у мамы мелькнула в голове мысль, что мальчик,

может быть, не в своей тарелке, но она прогнала эту мысль из головы, заполнив мгновенно образовавшуюся пустоту, или дырку, формулой теоретической физики. Немного поплакав, папа и мама осушили слезы. Бабушка надела кухонный передник, и принесла на серебряном подносе апельсиновое желе к десерту в зелёной стеклянной вазе, и напонила тихим робким голосом мальчику Naughty, что завтра утром придёт частный преподаватель – учитель древнееврейского языка Hebrew. Мальчик вздрогнул, так как мысленный сигнал, соответствовавший воспоминанию о возможности репатриации в Палестину, оказался, здесь и сейчас, ему почему-то неприятен.

Он уже сделал утром попытку, вспоминая свой сон, слушая бабушку, глядя на домашних снегирей в клетке, слушая щебет снегирей, и получая прочие сигналы, осознавая различные знаки, – он уж попытался жить новой просветлённой жизнью, в которой не было некоторых атрибутов реальности, и, наоборот, появились вымышленные знаки. Но реальная жизнь пустила глубокие корни в этом доме, и папа с мамой, учитывая, что именно бабушка была еврейкой, недавно наняли учителя языка Hebrew, полагая что бабушка должна стать более счастливой, понимая, что семья с уважением относится к её и своим национальным корням. Бабушка и на самом деле была рада, понимая, что её семья с уважением относится в первую очередь к ней самой как таковой. Она оценила, что родственники думают не только о себе, но и о ней, и благодарно принимала это внимание. Она не думала при этом, следует принимать это внимание за чистую монету или лукавство. То, что она не думала об этом, впрочем, никак не было связано с тем, что она думала о многом другом. Бабушка вообще много думала, и улыбалась при этом тихо и радостно. Думала ли она о смерти? Конечно, но неизвестно каким образом мысль о смерти была связана с тем, что она говорила вслух, и уж тем более с тем, что она думала про себя. В любом случае бабушка была рада.

– Да, конечно, – **с.б. (сказала бабушка)**. – Ваш сплайн реальности, хотя и сделан на металлургическом заводе, всё же утопает в ничем не обоснованной роскоши. Вы романтики тяжёлого металла, подверженного радиоактивному распаду, эксплуатируете идею, связь. Да, это можно доказать конструктивно, поставив простой лабораторный, а не мысленный эксперимент, что, хотя тяжёлые металлы и подвергаются квантовому распаду...

– Что значило бы – подвергаются либо подвержены... – засмеялась бабушка своим мыслям. – Если подвергаются, «то кем»? Если подвержены, «то зачем»? Или, – громче засмеялась бабушка, – «за кем» они заняли очередь в газовую камеру после большого взрыва? Роог Витгенштейн... Можно ли мыслить себе некоторую очередь за кристаллами циклона так же, как мы мыслим себе всякую очередь на склад поваренной соли? Подобные вопросы Людвиг задавал самому себе всю свою жизнь.

– Но, – с.б., – вспомните солнечные города Циолковского и представьте себе Солнечный или, например, Цветочный город, в общем, какую-нибудь искусственную солнечную систему. Безусловно, естественным аналогом Сил Зла данной модели является физическая гравитация. Предположим далее, что некий субъект S , обладающий или, если Вам так хочется, отягощённый умом Y , захотел бы мыслить себя не на периферии, а в центре искусственной системы A . Пользуясь культурной метафорой, мы можем эксплуатировать наше представление о физическом атмосферном циклоне.

– Можно показать, – с.б., – воспользовавшись специфической редукцией Рассела, что наблюдатель вынужден мыслить себе эту ситуацию в терминах удвоения собственного ума, или физического мозга. Если мультипликацию ума мы могли бы представить и можем связать удвоение Ума с так называемой информацией, то представить себе, что у Вас две головы, – психоэнергетический нонсенс.

– Можно показать сверх того, – с.б., – что если речь бы шла о трансфинитном удвоении, $o(S)$, $S(\text{prime})$, $S(\text{dual})$, то нашлась бы и культурная мистификация, или миф о Трёх Богатырёвых, Zego, Pride, Него, или Ph Z – это Техника Театра. Роог Иуда, он поверил каббалистам...

– Но было бы всем лучше, если бы твой папа поговорил наконец-то с тобой на эту тему, – вздохнула бабушка, почему-то тяжело.

– Замечу всего лишь, – п.б. (продолжала говорить бабушка), – что мы с тобой рассуждаем пока что только о суммировании по Y . Что касается сумм по X , то уверяю тебя, маленький, нам пришлось ввести в систему и некий дополнительный, второй свободный ум, назовём его не Умом, а Зуммом. Соответствующая метафорическая

спекуляция превратила бы Doors в какой-нибудь ZrootZ, – тонко улыбнулась бабушка.

– А Kate Bush – в жену керосинщика, – подумал мальчик Naughty, вероятно, не-только-свою мысль.

– Причём, если наша базовая логика, – п.б., – допускает в качестве этого тензора также и внешнее произведение, то принципиально то, что точнее и естественнее для выражения Зумм, – воспользоваться альтернативным алфавитом и записать, например, симметричный Zoom. То есть, согласимся с тем, что нам не достаточно одного алфавита, и выпишем Ум и Zoom на двух лентах разного цвета.

Бабушка сделала паузу.

– А теперь сделаем ещё один совсем простой мысленный шаг, – с.б., и мальчик Naughty почувствовал, что она задумалась о чём-то для неё важном и тяжёлом. – Представь себе, – п.б., – что мы переходим в некотором смысле – в конструктивном смысле! – к пределу, и от различных конечных алфавитов переходим к различным типам человеческого почерка. Сравним мысленно Алфавит и Почерк. Вспомним идиота игумена, и мы начнём догадываться о существовании универсальной машины, имеющей статус универсальной руки.

– И в заключение, – с.б., – этой моей безумной вечерней речи вернёмся к проблеме, которую мы частично уже разбирали. Предположим, в нашем искусственном городе – квазигороде Циолковского – мы всё же решимся на частичную подстановку сознания и поменяем Y на более «естественное» направление X.

– Но, следует ли из этого, – п.б., – что искусственный град металлургов перейдёт в своё естественное состояние, превратится в естественный город, или в дикий город? Также замечу, что преднамеренно убрала кванторы «естественный город» и в культурной метафоре «дикий город», чтобы потом не морочить тебе голову теоремами Эрбрана и принципом резолюций. Если уж задача NP-полная, так от этого никуда не уедешь...

– Но, учитывая transparency, – п.б., – генетической метафоры и начиная интегрировать гладко, мы получим странный результат: что в двух конструктивно-возможных вселенных, или, пользуясь культурной мистификацией, во вселенных Нашей и Вашей, нечто, что позволяет с позиций реальной энергетики приписывать этому моральные субмодальности, – существует. Назовём это нечто, временно, ответственностью, или spline discipline. Не ограничивая

общность, мы можем причислить к этому и гравитацию. Но мы не можем оставаться по эту-либо-ту сторону добра и зла как угодно долго. В противном случае, даже принимая доктрину квантового распада, столь милую сердцам сталеваров, чугуноваров и металлистов, – тонко усмехнулась бабушка, – мы получим противоречие. Время, якобы, перестанет существовать.

Мальчик Naughty почувствовал, что гипотеза о не-существовании времени взволновала бабушку. Она как будто постарела и провалилась в какую-то яму. Но твёрдый туннель пока что соединял глаза мальчика с глазами старухи, и световые знаки каким-то образом продолжали жить в зоне их общения. Структурированное пространство реальности не было ни агрессивным, ни аффективно окрашенным. Мальчик продолжал понимать.

Бабушка улыбнулась.

– Мы разговариваем, – с.б., – с тобой так хорошо и покойно, потому что сейчас поздний вечер, но спать ты ещё не хочешь. Вечер не настолько поздний, чтобы ты чувствовал себя усталым и стремился лечь в постель. Хотя неизвестно, заснул бы ты сразу или мне пришлось бы рассказывать тебе народные сказки.

Бабушка усмехнулась.

– Существует, – с.б., – естественная, якобы, бессонница бодрствования. Но можно ли считать бессонницу бодрствования хорошим либо плохим состоянием? Это хороший вопрос для твоего папы, который всё время что-то ремонтирует, вместо того, чтобы строить.

Бабушка задумалась.

– Через час или два, – сказала бабушка, – твои папа и мама явятся домой. Придут из драматического театра. Ну какой может быть драматический театр, – бабушка задумалась на мгновение, – в городе Великого Чернославика. А может быть, если папа придёт из театра хорошо отдохнувшим, то он почитает... – бабушка глубоко вздохнула, – папочка почитает тебе избранные главы из полного собрания сочинений Эмиля Золя, ... хотя это тебе ещё рано читать, лучше он почитает тебе своего любимого Жюль Верна. Хотя если вдуматься, все эти капитаны Немо, рассеянные Паганели, являющиеся причиной ошибки штурмана, одичавший на острове бывший разбойник Аяртон... не помню, или Айверсон... Если мне не изменяет память, доктор Айверсон изобрёл какой-то язык, или компьютерную методику для численного решения почти всех

дифференциальных уравнений, кажется, язык АПЛ, допускающий свёртку тензора, – в том числе внешних произведений глубиной до 39. Хотя уже до трёх уровней никто не пытался декодировать. А кому важно 39, или 23, или 666, тоже мне мировая проблема! Дискордионизм... – бабушка зло засмеялась. – Если мне не изменяет память, – п.б., – Айверсон всё же разработал гаденькую вычислительную среду, язык программирования, который, по скромному его мнению, должен был иметь хорошие отношения также и к проблеме скольжения по тонкому льду. Я помню конференции и симпозиумы в этом проклятом Царёвокошайске так называемых пользователей класса Айверсона. А твой папа прочитает тебе, как капитан Грант отправил ещё одного одичавшего негодяя на родину, куда-то в Девоншир, между Кембриджем и Оксфордом.

Бабушка опять задумалась.

– Да, было бы неплохо, если бы мой внук достроил Замок, который не достроил Frantz... Но, видите-ли, твой папа скорректирован. Он попал под коррекцию сталеваров, которым выгодно, чтобы папа не строил, а делал ремонты. А что они строят в виртуальной реальности? Да какие-то солнечные города, не отдавая себя отчёт... Да! Все они такие! – взмахнула рукой бабушка, и глаза её блеснули. – Не отдавая себе отчёта в том, что металлические конструкции нельзя погрузить на перелётных птиц! Ничто не перенесёт этот город из этой солнечной системы в центр галактики. Да, уж и подавно, что никто не захочет... Разумеется, их обманывают, но нельзя же думать, что шахтёры... Или можно... думать?

Бабушка замолчала.

Мальчик почувствовал удивление.

Почему же бабушка замолчала? Почему бабушка замолчала, разве нельзя разговаривать им вдвоём обо всём, не задумываясь ни о чём? Если бабушка три часа назад не споткнулась на проблеме не-существования времени, то почему же она сейчас как-будто бы испугалась какой-то своей мысли? Или, вспомнив о шахтёрах, бабушка пожалела, что сказала вслух? Say?

Мальчик Naughty почувствовал тревогу, проникающую в световой кокон большой и красивой городской квартиры, которую оккупировала их семья.

– Не ясно, – задумался мальчик, – принадлежит ли моему папе эта квартира или не-принадлежит.

Глава III

Честно работать. Обзаводиться техническими навыками. Ремонтировать, ремонтировать и ремонтировать, как завещал Великий Чернославик. А вдруг прилетит Лебедь? Мальчик Naughty пошёл во двор гулять и увидел подозрительные предметы, о которых ему рассказывали странные истории, и он всему поначалу верил. У мальчика Naughty поначалу, также как у принца Buddha, не возникало сомнения в правильном выборе будущего. Он думал, что не лишним может оказаться знание восточного языка Hebrew. Но, заметим, что параллельно с этими мыслями, мальчик думал и другие мысли, например, такие: когда я вырасту, я поступлю работать на большущий механический завод. Когда в голове живут странные мысли, то начинают сниться странные сны. Это – такое, квантовое, свойство мозгов. Мысли мелькают, мозг перегревается.

За завтраком папа и мама заплакали, увидев, что их мальчик Naughty осунулся. И у папы даже быстро, как молния, промелькнула в голове странная не-смазанная мысль, что мальчик не в своей тарелке. Мама также бросила быстрый и скользкий взгляд на ребёнка и прогнала тревожные мысли, подставив на место тревожных мыслей задачу по теоретической механике.

Немного всхлипывая, папа и мама взяли себя в руки и осушили слезы. Бабушка надела фартук и отправилась на кухню, откуда вернулась, сияя и неся на серебряном подносе вазу с очень вкусным вишнёвым желе. Когда члены семьи мельхиоровыми ложечками кушали лакомство, бабушка тихим и робким голосом напомнила, что в полдень придёт Учитель древневосточного языка Hebrew.

Мальчик вздрогнул, так как мысль о репатриации в Израиль ещё не укоренилась в его голове.

Весело и радостно наблюдая ранним утром, сразу после пробуждения, за повадками домашних певчих снегирей в клетках, которые папа установил в его спальне, мальчик собирался жить очищенной и просветлённой мечтой. Но не мечта, а жизнь пустила глубокие корни в этом доме, и папа с мамой учитывали национальные корни бабушки. Они отлично знали, что бабушка была породистой еврейкой, и наняли частного учителя современного израильского языка, чтобы он как можно чаще приходил к ним в дом и растолковывал бы им премудрости еврейских национальных корней и отглагольных ядовитых форм. Папа с мамой наивно

полагали, что бабушка воспринимает этот поступок как заботу о себе, а мальчику это, может быть, как знать, пригодится в жизни.

Бабушка, понимая, как и за что её в этой семье любят и уважают, непрерывно улыбалась одними глазами.

Глава IV

(о том, как мальчику Naughty его родная бабушка сказала Неласковое Слово)

Когда мальчик Naughty сказал бабушке, что закончил выполнять школьное-задание-на-дом, бабушка выпустила его во двор к детям. Во дворе царила искусственная атмосфера дружбы народов. Девочки играли в докторов и делали друг другу уколы швейными иглами, как будто это иглы-медицинских-сестриц.

Мальчишки играли в шпионов и выбрали мальчика Naughty предводителем и тайным агентом. Ему пришлось делать вид, что он знает, как нужно доставать и перерабатывать секретные сведения. Он ходил в чёрной курточке из рубчатого бархата между гаражами и мусорными танками и делал вид, что передаёт в глубокий тыл важную информацию по радио. Игра есть игра, правилам которой пришлось подчиниться, и мальчик Naughty бегал от гаража к гаражу, механически спрягая в уме бабушкины древневосточные глаголы. Впрочем, то, что в его голове нечто происходило, не мешало ему громко кричать и ругаться, и передавать воинственным мальчишкам секретные игрушечные команды, которые не соответствовали в реальности двора – ничему. Но поскольку мальчик Naughty давно этим занимался, поверхностная и глубинная информация были закооперированы в нормальную полуптичьую синхрофазию. Так как он был воспитанником Города Сталевров, окончившим начальные курсы в студии для сталеваров, то его игры и беготня не вызывали подозрений у взрослых, и всё – было хорошо.

Но одна маленькая глупая девочка, смущённо улыбаясь, подошла к мальчику Naughty и попросила его отойти с ней в сторонку. В стороне от посторонних глаз она попросила его показать ей что-нибудь, что у мальчика есть в кармане его курточки из рубчатого бархата. Но у мальчика Naughty не было ничего, припрятанного в карманах, и мальчик сказал девочке якобы правду о том, что у него нет ничего такого особенного в карманах, да и вообще, не было

тайных запасов. То есть, всё же было не вполне корректно, так как – откуда ему было знать, что же интересует подружку реально. В результате девчонка почувствовала недоверие и, всхлипывая, сказала мальчишке, что, вероятно, он что-то скрывает от неё, так как, если его все считают во дворе умелым шпионом, хотя бы и понарошку, то у него должен быть в кармане курточки – свисток.

Почему глупая девочка так подумала, трудно сказать, но мальчик Naughty посмеялся над ней вместо того, чтобы обратить всё в шутку. Он, видите ли, дал понять девочке, что свист иного певчего соловья «должен» вызывать в её хорошенькой головке несколько больший интерес, чем звук свистка жандарма. В противном случае голова «может» оказаться пуста.

Услыхав такой, нарочито высокомерный, многословный и не раскрывающий гладким счётом никакого содержания, ответ мальчика Naughty, глупая девочка залилась горячими слезами и сказала мальчику, что он «greedy». Нужно заметить, что дети сталеваров учили английский язык в спецшколе, а дети шахтёров изучали немецкий язык в спецшколе. Так решил директор Управления Школ, который любил Великого Чернослава больше, чем всех своих родных вместе взятых. Чёрный Славик же написал в политическом завещании нечто такое, что можно было интерпретировать как совет директору, который содержал рекомендацию отнюдь не перемешивать языки.

Девочка, заливаясь от обиды слезами, бросилась со всех ног ябедничать детям, которые, заливаясь неопределённым смехом, бросились со всех ног к родителям, работникам шахт и заводов, возвращавшихся с горных комбинатов на формальные семейные ужины.

Понятно, что за ужином все дети стали задавать неопределённые вопросы своим родителям и посеяли сомнение. В городе появился устойчивый паттерн присутствия среди людей странного мальчика.

В конце концов и бабушка мальчика что-то почувствовала недоброе и сказала мальчику своё Неласковое Слово.

Глава V

Дома мама, измерив побледневшему мальчику температуру по Цельсию, по ошибке залилась слезами, перепутав шкалу Цельсия со шкалой Франкенштейна. Мама долго вытирала взволнованные слёзы платочком с вышивкой, подаренным мальчиком ей на не-давний день рождения. Бабушка сказала, что, возможно, бледность мальчика не-случайна и вызвана не микробами, но психогенной травмой, – как подсказывала ей интуиция, всякое бывает.

Но мальчик Naughty пошёл в детскую комнату и, потеряв интерес к папиным снегирам, стал исступлённо собирать из стандартного механического конструктора нестандартную модель самолётика, хоть как-то при этом возвращаясь в обычное состояние Духа.

Он в задумчивости вспоминал свою прошлую жизнь, когда в детскую вошёл Отец и, взяв мальчика за руку, повёл его в свой кабинет.

Вот, на этой стене висят два портрета, – так с.п. (сказал папа), – цветной портрет Великого Чернославика и чёрно-белый портрет Чёрного Славика. Который из них ты предпочёл бы видеть чаще?

– Все сталевары, – **п.п. (продолжал папа)**, – этого города и, безусловно, все шахтёры также чтут память Великого Чернославика и читают с повторением почти все письменные памятники, вышедшие из под его пера.

– Все сталевары и шахтёры как один, – п.п., – поклоняются Чёрному Славе. Это и понятно, так как сам Чернославик и его письменное наследие ничем не отличаются друг от друга. Его письменные принадлежности – в музеях Царёвокошайска, что доказывает только то, что Чернославик реален. А что бы Вы хотели, чтобы Мы доказали сверх того?

– Трудно, – п.п., – сказать теперь, когда столько воды утекло, был прав или был неправ Великий Чернославик. Но он сказал either, «вашим» и «нашим», и декларировал то, что мы всегда будем готовы ремонтировать, ремонтировать и ремонтировать. Он проинсталлировал почти всю Нашу реальность.

Папа почесал руку об руку.

– Следовательно, – с.п., – дорогой мой сын, раз ты уже самостоятельно конструируешь простые механические машины,

помни, что чёрных машин не бывает, все машины должны освещаться солнцем. Это, с одной стороны.

– Следовательно, – с.п., – с другой стороны, запомни на всю оставшуюся жизнь: сколько бы времени ты не затратил на конструирование, не меньше времени тебе, может быть, понадобится и на ремонт.

– Навыки ремонта сложных машин, – п.п., – ты будешь совершенствовать год от года, и каждое новое приращение твоих знаний будет плавно увеличивать величину, обратную времени полного ремонта иной сложной машины.

– Ремонт же всей вселенной, – папа тонко улыбнулся, – может потребовать от тебя непритворного героизма.

Именно последняя теорема папы Mighty засела гвоздём в сознании мальчика Naughty.

Глава VI

(о том, как папа Mighty взял и позвонил в управление Большой Печной Трубы, и что из этого вышло)

Честно работать. Обзаводиться техническими навыками. Ремонтировать, ремонтировать и ремонтировать, как завещал Великий Чернославик. А вдруг прилетит Лебедь? Мальчик Naughty пошёл во двор гулять и увидел подозрительные предметы, о которых ему рассказывали странные истории, и он всему поначалу верил. У мальчика Naughty поначалу, также как у принца Buddha, не возникало сомнения в правильном выборе будущего. Он думал, что не лишним может оказаться знание восточного языка Hebrew. Но, заметим, что параллельно с этими мыслями мальчик думал и другие мысли, например, такие: когда я вырасту, я поступлю работать на большущий механический завод. Когда в голове живут странные мысли, то начинают сниться странные сны. Это – такое, квантовое, свойство мозгов. Мысли мелькают, мозг перегревается.

Всё шло, казалось бы, хорошо, но ничего не происходило. Но в городе Сталеваров всё же поднялся дым столбом после того, как на одном из горно-обогащающих комбинатов покосилась Большая Печная Труба. Чёрная Труба стала крениться на бок, выпуская при этом клубы чёрного дыма во много раз больше расчётной Нормы Чёрного Дыма. Это произошло в результате эндогенной

трансформации внутренних структур. Во всяком случае, директор комбината, читая вслух доклад, именно так и выразился – «в результате эндогенной трансформации». Потом, правда, по радио стали говорить компактнее – «в результате эндодеформации».

Но, обращаясь к народу, называя шахтёров братьями, директор описывал ситуацию как катастрофу города сталеваров, или по радио подчистили за директором и стали говорить: «Ситуация в городе стала – «вооще».

Один только папа Mighty очень быстро сообразил что-к-чему и позвонил директору комбината по прямому проводу. Он сказал, что понимает смысл очередных задач управления, поставленных директором перед смешанным коллективом металлургов, сталеваров и шахтёров.

– Только бы не прилетел Лебедь, – думал папа, поглаживая ершистую головку сына.

– Только бы не прилетел генерал Лебедь, – сказала вслух мама, механически перелистывая Даля.

– Если Лебедь существует, то из Царёвокошайска папе пришлют телеграфом вызов на постоянную работу, – обрадовалась бабушка, светясь внутренним светом непустой души.

Что тут началось! Мальчик Naughty хлопал широко распахнутыми в удивительный мир глазами, когда за папой стали присылать «Победу» за «Победой», и иной весёлый шофёр ласкал мальчика правой рукой, поглаживая его ершистую голову, левой рукой прочно держась за рулевое колесо (баранку). Одного шофёра так и звали, почти похоже, Баринов. Когда папа брал мальчика в командировку, Баринов приезжал на час раньше, и помогал мальчику собрать в дорогу тюбики с красками, тонкие колонковые кисточки, дорожный мольберт, и неторопливо упаковывал весь инвентарь молодого художника в Охотничий Ящик. Шофёр Баринов очень сильно любил основную теорему папы Mighty, но особенно любил доказывать эту теорему различными остроумными способами, пока его левая рука механически управляла автомобилем.

Пока папа администрировал ремонт Печной Трубы, мальчик с тихой и непритворной радостью думал о своём Отце, о цветном портрете Чернославика в кабинете отца, и также по-детски радовался тому, что теперь родители, наконец-то, решили поощрить его талант живописца и подарили ему набор юного художника с

цветными красками, перестав принимать у себя дома назойливого учителя языка Hebrew.

На самом-то деле пришло время, мальчик вырос, и родители начали его обманывать. Например, краски папа Mighty приобрёл для мальчика Naughty с воспитательными целями, во-первых, чтобы отвлечь его от теоретической механики, во-вторых, чтобы он всматривался в цветной портрет Великого Чернославика, и глубина его чувства к идолу по мере того, как мальчик растёт и становится мужчиной, плавно увеличивалась. Отец мальчика надеялся, что имеется положительная вероятность того, что в зрелом возрасте его Сыну не понадобятся either, навыки живописи или навыки Hebrew, и мальчик Naughty пойдёт плавно по Пути, по которому шёл, идёт и уйдёт самоё Mighty.

По крайней мере, даже мама и то не желала, чтобы её мальчик спотыкался. А что касается бабушки, то она мечтала не только о гладком, но и о светлом будущем для своего внука.

Так уж устроены (сконструированы по Мозгу) люди.

Мальчик Naughty всё понял. Он с тихой светлой радостью понимания хотел и дальше, до самого последнего момента жизни бабушки, понимать своих родственников, и не только родственников, но и почти всех людей, по крайней мере, включая в данный класс всех сталеваров. В полной мере он хотел бы вообще превратиться в существо, любящее всех людей без исключения.

Но, с другой стороны, не всё за душой мальчика находилось под контролем. Во-первых, он продолжал занятия механикой и даже просил маму показать ему некоторые превращения при переходе на субсветовые скорости. Во-вторых, учитель Hebrew, хотя и ушёл в своё агентство, скрылся как таковой, оставил мальчику словари и таблицы, да мальчик не мог выбросить также из своей головы древневосточные арамейские и кумранские продукции, которые связывали его Ум контуром активного со-нейрокода.

В то время как механические возможности старого детского конструктора быстро самоисчерпались, гуманитарный аппарат древнего языка, включавшего в себя арифметику, как раковая метастаза, стягивал в чёрное гнездо – многие свободные мысли, что замечала с грустью одна только бабушка, понимая и причины, и прогноз заболевания.

Мальчик и сам был уже достаточно умненький и понимал, что перебор всех информационных комбинаций кода не может закончиться при жизни его бабушки.

Глава VII **(безмятежная жизнь Naughty подходит к концу)**

Мальчик почти не разговаривал со своим папой, потому что папа считал, что в первую очередь должен воспитывать ребёнка личным примером. Смутно осознавая, что Лебедь существует, папа иногда входил в состояние ожидания телеграммы из Царёвокошайска. Был ли Лебедь генералом или простым директором, папа не знал, да это его и не интересовало, потому что он смутно догадывался, что новая работа, которую он хотел найти не будет повторением Техники Театра, которая кормила его семью.

Так же, как мальчик Naughty мыслил себя, своё Я, в терминах существования бабушки, папа Mighty мыслил себя в терминах не-существования Лебеда, или, как его звали в городе Сталеваров – папаши Свана, Swan. Субтрансфинитная суперпозиция Я в городе Сталеваров была запрещена, но была разрешена и даже поощрялась как альтернативная методика в Царёвокошайске. Поэтому ясно, что папа Mighty просто-напросто недолго любил Лебеда и не желал ничего слушать о результатах лабораторных опытов над перелётными птицами.

За несколько месяцев до смерти бабушки мальчик Naughty всё же успел поговорить с Отцом и запомнил ещё несколько дополнительных принципов, кроме тех, что запомнил уже.

В кабинете папы лампочка Эдисона освещала хуже чёрно-белый портрет Великого Чернославика, чем цветной. Однажды вечером, когда мальчик ещё не хотел спать, он пришёл к папе.

– Смотри, – с.п., – одна и та же голова освещена по-разному. Кроме того, твой глаз улавливает больше частот справа и меньше частот слева. Сам по себе световой кокон не является ещё существом. Световой кокон и символ светового кокона не отличаются. Они отличаются глазом, но ты знаешь, что глаз передаёт сигналы дальше...

Папа постучал себе по голове косточками правой руки.

– Ты знаешь, – с.п., – что у нашей дорогой бабушки – светлая душа, то есть Свет её души, так или иначе, может оказать давление. Если бы у неё была тёмная душа, то излучения бы мы не наблюдали. Но, когда бабушка умрёт...

Мальчик вздрогнул.

– Ничего в этом нет страшного, – п.п., – все умирают. Но память о добрых и злых делах остаётся, и её начинают ремонтировать.

– Так вот, – п.п., – после смерти бабушки от неё останутся такие же портреты, как и от Чёрного Славика. С точки зрения науки, нет никакой разницы умерла твоя бабушка или другой человек. Важно, что если в жизни человека было много Света, то и посмертных материалов останется больше, в пределе останется всё.

Резкий поворот в жизни мальчика наступил через несколько месяцев после этого разговора с папой. Бабушка умерла.

Мальчику, лишившемуся дара речи от горя, папа отдал все фотографии, цветные и чёрно-белые, и оставил себе только Метрику бабушки.

Мама попросила на память после того, как поцеловала холодный труп бабушки в лоб, сфотографировать на дорожную и редкую царёвокошайскую видеоплёнку сцену заколачивания золотых гвоздей.

Так как бабушка прожила безмятежную жизнь, за видеосъёмку заплатил сам директор краеведческого музея и сделал бесплатно несколько копий для мамы, которая ещё месяц убивалась горем, время от времени сквозь слёзы наблюдая за мальчиком, мрачно собирающего механические модели самолётов, конструкцию которых не считал необходимым обсуждать в открытую с кем-нибудь из близких людей, а не то что с самыми близкими родственниками.

Хозяйство пришло в запустение, и весёлая, некогда большая квартира в Городе Сталеваров стала походить на заброшенный Дворец Суда. Это что касается пространства, а время вообще как бы остановилось в дни траура.

Папа тоже горевал и ходил смотреть на не-искривлённую Трубу, которая уже не нуждалась в услугах мастера, и директор мягко разорвал Контракт с папой Mighty.

Наконец, оправившийся от горя мальчик спросил тихим и робким голосом, что делать со словарями и таблицами Hebrew,

которые напоминали ему о бабушке, но которые, якобы, не имели практического применения, но всего лишь практическое значение.

Мальчик не мог выбросить из головы самоспрягающиеся и самораспрягающиеся глаголы с арамейскими ушками, но почему-то помимо формального спряжения у него в памяти стали звучать ещё и значения слов, вероятно, как дань памяти бабушки.

– Дань Памяти. День Суда, – думал мальчик и не мог понять смысла *either*, слова и дела, которые кодировали его будущее.

– Но, кто же Я? И что же Я? – думал мальчик и не понимал код.

Папа сказал только, явно не прилагая усилия, чтобы установить с мальчиком тонкое взаимопонимание, что формализмы и формальное знание всегда могут быть успешно ре-анимированы, если Истины, которые контролируются с их помощью, всплывают на поверхность локальных семантических плоскостей. Если дуализм поверхностной и глубинной семантики не связан с иерархией реальностей, то и сам Plato ничего не сможет отремонтировать. Вскормленный с пелёнок бабушкой, а не мамой, мальчик Naughty только и думал о том, что, если бы жизнь бабушки была ещё более безмятежной, чем та, которую она прожила, то она была бы и на самом деле счастлива & богата, и, может быть, бабушка и сейчас ещё была бы жива & здорова. В то же время мама, постоянно копошащаяся в справочниках фармакологии, клинической хирургии и оккультных фолиантах, сказала своё Неласковое Слово в адрес врачей, которые лечили в последнее время бабушку от рака, проглядев метастаз, который можно было вовремя облучить, или вырезать лазерным скальпелем, или подвергнуть несчастную бабушку химиотерапии, но так или иначе практически продлить ей жизнь.

Всё шло к тому, что мальчик, много думая и не получая результатов, под влиянием внутренних диссонансов, *either* ушёл бы в лес рисовать Цветы, или поступил бы в колледж Механики. Он понимал, что обе альтернативы означают регресс сознания, но Третий Путь пока что не соответствовал никакому из известных мальчику по прошлой жизни Манифестов.

Но вскоре папа Mighty стал тосковать ещё сильнее, чем за все свои прожитые годы. Тосковать по настоящему делу. И из города Сталеваров переехал в Царёвокошайск нелегально, так что ни мальчик, ни его мама так и не узнали, заплатили ему всё за непрерывное ремонтное при жизни бабушки или нет. Всё,

что папа оставил маме, зло смеясь на Сцене расставания с семьёй, больше походило на Большой Театр, чем поведение мужчины, и папа швырнул маме Метрику бабушки, безобразно удаляясь из Города Сталеваров в далёкий невидимый Царёвокошайск.

Мама не смогла заставить себя последовать за папой в пустоту, но, окончательно оправившись от траура по бабушке, Мама решила окончательно посвятить окончание своей жизни Сыну, которого любила любовью педагога Макаренко-Макаревича-Малинина.

Глава VIII **(начинается мятежная жизнь)**

Глупая Мама, надеясь, что она осчастливит своего «мышонка» новыми увлечениями, отдала его учиться в колледж Механики и, мало того, ещё и в секцию нейролингвистического программирования.

Результаты педагогического терроризма не заставили себя ждать, и по городу Сталеваров поползли неопределённые слухи.

Ходили слухи, что мальчик Naughty на заброшенных виллах, в тёмных аллеях и в переулках генерала Свана ловит рождённых на свободе собак и кошек и, следуя придуманному им самим и не зарегистрированному во Дворце сталеваров редкому полусатанинскому ритуалу, кидает пронзительно и злобно визжащих животных в звуконепроницаемый бассейн, наполненный смесью Царской водки и Кашицей из плодов чернослива.

Люди стали внимательно относиться к домашним животным, а то и просто сажали иного пёсика в конуру на цепь, а котов кастрировали. Только кошки немногим, якобы, рисковали.

Either, сталевары и шахтёры, собирались по чёрным ходам на Кухню и публично судачили.

Антенны и радиоканалы Управления Трубы вынужденны были работать на неопределённых частотах, так что иной раз рация операторов глушила серийные мобильные телефоны ремонтной службы речного пароходства. В результате, в иной неблагоприятный день вода из крана на кухне не переставала течь часами, или, наоборот, вода из кухонного крана оказывалась помехой иной дочери сталеварши или самой железной Frau Zappa, спешащей на Собрание-на-Кухне.

Даже местный уицраор из Царёвокошайска, поверив слухам про злого мальчика, прислушался к голосам и проверил оные, после чего с мальчиком стали приключаться Чудеса.

Ни с того ни с сего мальчик Naughty влюбился в Julliete, дочь старого сталевара Кондома. У мальчика впервые в жизни началась бессонница. Более того, дожидаясь возвращения своей подруги с майского вечера, мальчик три дня ночевал в лесу на берегу водохранилища. Бормоча: «Julia, oh no, my Jullia». Напротив, зимой мальчик поджидал девочку на катке и даже предложил ей однажды вместо коньков – лыжи.

Проблема была в том, что у мальчика совсем не было свободных денег на подарки и билеты в театры. Все деньги, которые ему давала мама, он спустил на платную секцию нейролингвистического программирования.

Что-такое-как-же-так? – спросила расстроенная девчонка саму себя, когда робкий мальчишка провожал её, неся ранец с коньками, и не смог позволить себе купить два билета в театр музыкальной комедии и оперы.

Другая проблема заключалась в том, что Julliete страдала косоглазием, но Naughty воображал, что это Снежная Королева испортила ей один глаз. Но даже контактные линзы не мешали девчонке закрыть глаза на, якобы, дурное – в мальчишке, про которого по городу ходили почти всеми разделённые слухи о том, что Naughty – гадкий.

Глава IX (папаша Кондом)

Он же батюшка Капюшон, он же Ленинградец, любил делать банкеты в городе сталеваров.

– Добрый день, – **с.Лен. (сказал Ленинградец)**, – проходите, пожалуйста, милости попрошу к Шушенскому шалашу, милые, я одномоментально приготовлю бланманже.

Ленинградец любил строить фразы, делая опорными гласные звуки, он, так сзять, любил гласность И гадания. Скажем, цепочку ПИЛюЛиЯ или {о,е,ю} отчередовать с {Д.Н.М}. Обожал РККА, и рсдрп{Б}, и доменную адресацию, и gateways типа

www.imperium.com?x=0&y=0,
 www.imperium.net?X="www.imperium.com?x=0"&Y="starband.net",
 www.imperium.edu?X="attglobal"&Y="bus.net"&Z="buizeness@null.shit",
 www1.nuclear.su?
 X="@arcnet"&Z="talking.bus.meat.ru"&plug="HEAD".

Всякий синтаксический хлам он использовал для доказательства существования моделей и плохо отличал Модели Реальности от Моделей Хаоса, злоупотребляя поверхностной семантикой. Но всего этого мальчик Naughty ещё не знал, хотя понимал и догадывался о многом. Многие секретные доктрины батюшки Капюшона с первого взгляда казались мальчику родными и близкими.

– Как почивать изволили, милый человек? – **п.Лен. (продолжал Ленинградец)**. – Единорог не приснился? Хе!=-Хе!

Мальчик Naughty тонко усмехнулся, декодируя нейрокод и выбирая подходящую метапроцедуру.

– А ты знаешь, – с.Лен., – доктор Айверсон был прав, считая что программирование без «существует» позволит на границе увидеть многие NP-полные теории. Но соловья даже баснями Ивана Андреевича Крылова не накормить. Ха!=-Ха! Я убегаю, убегаю, убегаю, а то подстригут меня и побреют. Я бегу, как Орфей, ставить русский Самовар – знак гостеприимства и вечный источник наслаждения.

– (xA!=-xA!) – засмеялся папаша Кондом гомерически, налегая на префикс «минус».

Девочка Julliete также тонко усмехнулась.

– Батюшка любит все традиционные русские праздники, особенно масленицу, – сказала она, как бы размышляя вслух. – Я обосновано полагаю, что как шут-юморист генерала Свана дражайший папенька на 100 % даст фору придурку Жванецкому с канала Песня-На-каждый-Год. Как ты считаешь, мой друг, есть ли разница между искусственным интеллектом и игрою в бирюльки? АХ-АХ! Можешь не отвечать...

– Запишутся твои вздохи, – зло подумал мальчик.

– ХА! – выдохнул папаша Кондом, поставив тяжёлый тёплый самовар на столик с угощением. – Тяжёлый...

– А что бессмыслица для правого полушария, то для левого полушария – музыкальная фраза! – изрёк батюшка с лицом, побагровевшим от натуги, вытирая пот со лба и поправляя пенсне, как у Якова Михайловича. После оной сентенции, заметив около изразцовой стенки старого сверчка-таракана, папенька, утратив самообладание, в прыжке разможил усатому насекомому голову сапогом. – Всё скворчал, – с.Лен., – Гадина! А мы с Полем Ивановичем дай-ка сыграем в незамысловатые нарды!

– Это не нужно запоминать, – вычислил гость, тонко усмехаясь.

– Мёртвый разлагающийся хлам... – продолжал вычислять мальчик.

– А хотите, я дам вам возможность расслабиться? – предложила девочка. – Слушайте анекдот.

– С RU? – поинтересовался Капюшон.

– С SU! Но новый! (Вот-так вот-так), (вот-так вот-так), – застучала девочка костяшками пальцев по изразцовой стенке.

– ДЫК! БАРУХ ГА БАИМ в Интернет! – воскликнул Ленинградец. – У нас и гнездо с ISDN припасено!

– Пошёл ты со своими гнёздами... – подумал мальчик. – Я помню – в чудное мгновенье... – подумал зло мальчик.

– А давайте пить чай!.. – сказала вслух девочка.

– Любит папашку... – размышлял мальчик.

– Смышлёный мальчик, – скорее почувствовал, чем подумал Ленинградец.

– Может быть, он достоин и похож на... – скорее подумала, чем почувствовала его дочь.

– А вы говорите: «I-net, Socker-Boot-Socket, Ether-net», – весело сказал мальчик Naughty. – SCSI YOU! Расскажу я вам лучше сказку моей бабушки...

– Только не это, – перебил и как бы взмолился Ленинградец. – Опасность сзади! Но нельзя сделать подстановку и назвать «зад» терминальным словом. Нас пижут. Вы все прекрасно осведомлены о том, в какой стране мы с вами находимся.

– Да, но, in the mean time, батенька, все знают в городе, что ваши банкеты прослушиваются, и тем не менее вы собираете весь бомонд преподавательского состава из английских и немецких спецшкол у себя на квартире, и на английском, и на немецком языках вы можете

обсуждать наболевшее. Не заботясь о словоупотреблении, так как малограмотные операторы управления Трубы не знают слэнгов.

– Что же, ты думаешь, мальчик, почти никто в управлении Трубы не получает надбавку за знание иностранных языков? – тонко усмехнулся папаша Капюшон.

– Вы, батюшка, сами получаете, – перехватила нить Juliette, – и не одну, а много надбавок за профессиональные услуги, и не один раз в году! Но при этом вы иронизируете по поводу гладкости Системы. Возможен ли rebel в городе, где чёрно-белых портретов Чернославика гораздо больше, чем true color?

– Не заводись, милая, – с.Лен., – цветные портреты чаще, чем чёрно-белые, попадают в ремонт, потому что масляные краски привлекают мух. Хотя заметьте, я не сказал вслух, что у мух фекальный канал так же реален, как у тех, кто изображён на портретах, и, следовательно, терминальный запрещённый термин висит, якобы, на волоске. Нужно уметь следить за словами, только и всего. Не рассуждаете ли вы и ваши boyfriendс точно так же, как и мы с тобой, когда остаёмся одни зимним вечером и вдвоём жжём лампочку Ильича? – обратился он к дочери, не глядя на своего нового-юного друга.

– Системы радиоперехвата слов, – п.Лен., – не всегда могут интерпретировать с такой же скоростью, как вы слышите всё, или почти всё, своим собственным ухом. Однако, это не связано всего лишь с уровнем канального шума, но связано ещё и с тем, что нельзя быть декомпозитором, оперируя только простыми машинами. Вас обучали теории алгоритмов? – спросил он мальчика, на этот раз прямо и твёрдо, непосредственно наблюдая за его глазами яблоками.

– Вы же знаете, что я закрытый гражданин города сталеваров, – ответил мальчик Naughty, вспоминая. – Только в Царёвокошайске можно купить работы Чёрча и Тьюринга. У нас в колледже вообще никому не нужны сложные машины. А в кратком курсе теории алгоритмов полно отсебятины.

– С другой стороны, я слышан, что Вас обучали Hebrew...

– Но я пользовался только одной библиотекой, – c.tY. (сказал мальчик Naughty).

– Ха!=-Ха! – с.Лен. – Что ты хочешь, мальчик Naughty, поезжай в свой Израиль!

– Я не знаю, имеет ли мой голос для вас какой-либо вес или нет, – сказала девочка. – Но, батюшка, вы же начали было рассуждать о системах радиоперехвата слов. Вы сами знаете, что мне открыта дорога в Царёвокошайск, но я сижу тут с вами и выслушиваю странный дискурс. Что же вы мечетесь?

Девочка поправила руками свою причёску.

– Укаждогоавтоматадлярадиоперехватаслов, – сказал мальчик, – есть свой почерк. Перелётные птицы, возможно, пользуются анализаторами полей, которые нам не даны в ощущениях. Но мы можем прочувствовать ситуацию и извлечь в свёрнутом виде на поверхность также и те слова, которые не являются результатами всего лишь ваших дискурсов.

– Ну и что скажет теперь папаша? – весело засмеялась девочка.

– Дело в том, – с.Лен., – что твоё состояние, дочь, не имеет причины.

– Как же так? – **с.Д. (спросила девочка)**. – Противоречие.

– А что думает по этому поводу молодой человек, который, вероятно, не рискнёт показаться смешным в этой ситуации?..

– Моя мама... – начал мальчик.

– Я – тоже педагог! – зло перебил его Ленинградец.

Эпилог

Мальчик Naughty умер в Израиле в 2002 году в конце лета. История его жизни, тем не менее, не представляет коммерческого интереса. Всё же позволю себе на одном печатном листе изложить основные факты. Во-первых, сама его гибель оказалась характерной для поселенцев в долине Кармиель. Его расстреляли в упор в домике, который он снимал в деревне у друзов.

Во-вторых, в последнее время мальчик Naughty, или, как его звали в Израиле, Руль Wills, отправив жену из Израиля назад, в город Сталеваров, решил окончательно посвятить себя интернет-литературе. Он нашёл так называемый схирут в деревне художников, выходцев из Санкт-Петербурга, и пообещал им за небольшие банковские ссуды открыть в коммуне художников маленькое «Кафе Европа», в подражание David Sylvian.

Он надеялся, что его жена, которую он уговорил вернуться в Царёвокошайск, выживет одна, и в будущем он окажется в состоянии предложить ей не только ювелирные изделия с биржы в Эйлате или Кацрине, но и некоторый фрактальный сплайн, let-it-be, Путь. Собственно говоря, ни для кого не секрет, что жена уехала в Царёвокошайск под давлением нужды и Министерства Ишая. Что касается нужды, то первое время в Израиле, супружеская чета жила неплохо и даже открыла незамысловатое собственное дело в Ашдоде – будку мацаля – спасателя-на-водах. В Ашдоде Wills получил материальную поддержку от некого Дова Морриса, израильского араба, имевшего свой туристический бизнес. В частности, известно, что супруги много путешествовали и особенно полюбили Каир и зону археологических раскопок одного мало известного древнего Нубийского храма на территории современной Саудовской Аравии.

Господин R.Wills предлагал университету в Каире услуги either, ассистента кафедры математики и администратора LAN, но его заподозрили в спекуляции галлюциногенами и с позором депортировали в Израиль.

Оставшись с двусмысленными документами на руках и не имея технических навыков ремонта, Wills некоторое время сводил концы с концами, но га Ляхац бе Баляган стали невыносимы после того, как и его жену заставили заниматься тестингом «автобусного мяса» не по её специальности, и не принимая во внимание её отказ подписать форму ришайона, в которой «автобусное мясо» тогда и только тогда было «автобусным мясом», когда форму заполняли по-русски.

Супружеская пара сочла за благо временно расстаться, тем более, что в Царёвокошайске в управлении Конвейером папаша Mighty, судя по слухам, жил в большом коттедже и нуждался в услугах шоколадницы. Несмотря на то, что всю жизнь сын считал отца шарлатаном, в трудную минуту он позвонил по прямому проводу, и батюшка, рыдая, попросил у него прощения за, якобы, детство, разбитое мальчику-и-мальчиком-самим.

Wills был расстрелян из автомата Калашникова активистом Хизбаллы. Все его личные вещи были переданы его жене в Царёвокошайск крупным агентством страхования жизни, которое, тем не менее, из-за «ситуации в стране» не оказалось в состоянии

заплатить полную сумму, на которую Wills рассчитывал в случае своей смерти.

Документы Wills всё же были опубликованы в Царёвокошайске, включая и работу «Das Texts», а также в городе Сталеваров в чёрно-белых файлах была произведена правка.

Жена писателя Рула в этой жизни не подлежит более нейрокоррекции, и в настоящее время живёт в Царёвокошайске, и преподаёт зоопсихологию.